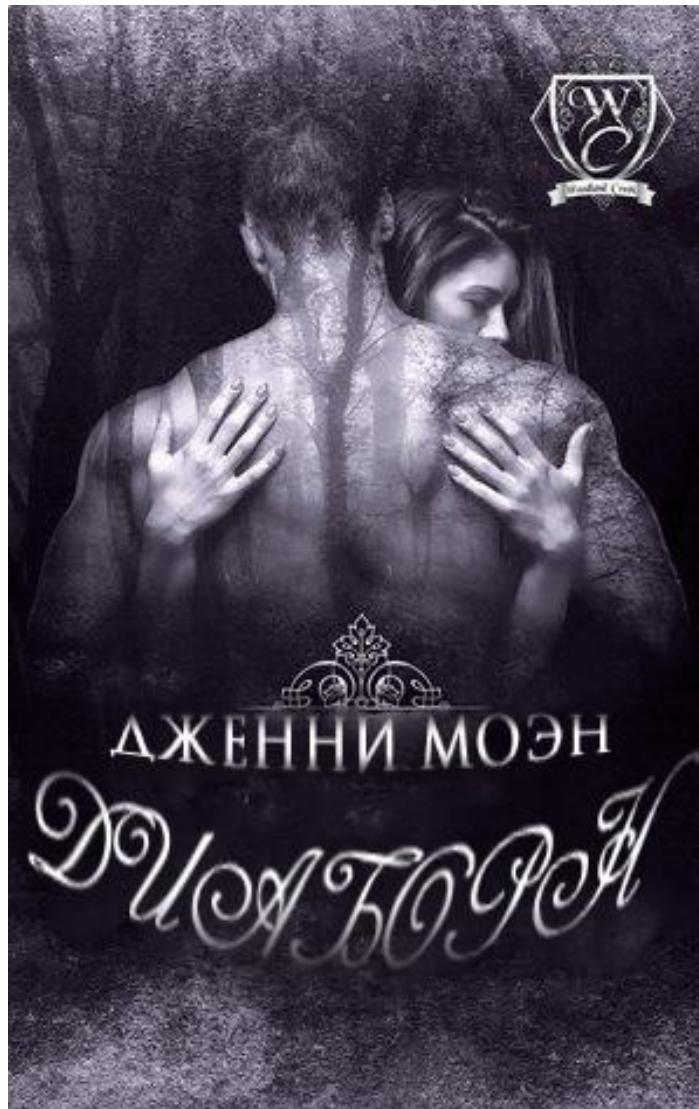

**Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.**

Дженни Моэн

«Диаборн»

Серия: Вудлэнд Крик (книга 1)

Автор: Дженнни Моэн
Название на русском: Диаборн
Серия: Вудлэнд Крик
Перевод: Иришка Котолуп
Бета-коррект: Ирина Катышева
Редактор: Eva_Ber
Обложка: Алина
Оформление:
Eva_Ber

Аннотация

Я чувствую его эмоции, словно они раскрашены яркими красками. Словно они — мои собственные.

Если он зол, я злюсь вместе с ним. Если он горюет, я разделяю и это. Когда он думает о прошлом, я прямо там, словно иду рядом сквозь воспоминания. Я — окно в его душе, и все же, несмотря на это, он неразгаданная загадка.

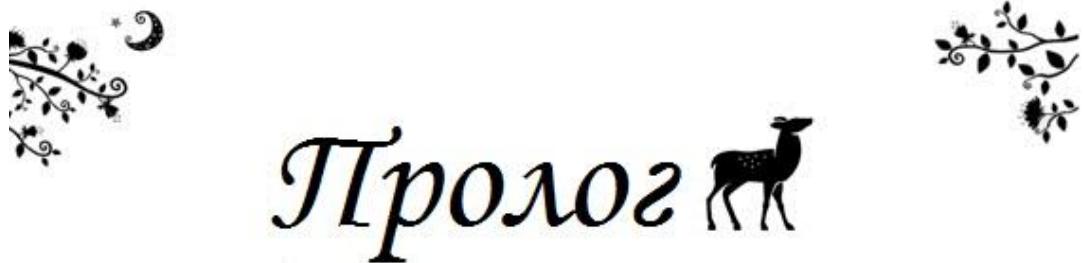
Головоломка, многие части которой утрачены.

Мы всегда хотим того, чего не можем иметь. Все, чего я когда-либо хотела, — это тишины и покоя, они необходимы мне для того, чтобы влюбиться в кого-то, кого не коснулась магия Вудлэнд Крик. Я хотела, чтобы все было нормально, просто.

Но его я желала еще сильнее.

Когда он, сломленный герой, возвращается в город, потому что ему некуда больше отправиться, я пытаюсь достучаться до него, когда никто другой не может этого сделать. Вместе мы столкнемся с будущим, которое он отрицает.

Зачем все это, спросите вы? Потому что наша любовь — чистая магия.

Пролог

Тонкий слой снега покрывал лед и хрустел с каждым пройденным шагом. Все еще тяжелый воздух висел над Вудлэнд Крик. Это положит начало долгих месяцев мрачного холода. Еще больше снега выпадет в течение ночи. Я приветствовал его, хотя не могу сказать вам точно, почему.

Всегда на миссии, мои ноги быстро шествовали по замерзшей поверхности. Они ходили и на более опасных местностях, чем эта. Горы Афганистана хорошо подготовили меня к моей нынешней задаче. И на этот раз, на мне нет тяжелых ботинок. Никакого оружия. Нет сумок. Я никогда не чувствовал себя легче на ногах. Ветвь ударила меня по лицу, а я едва почувствовал это.

«Я свободен».

Я побежал, чтобы успокоить шум, что следовал за мной каждый день с того страшного дня. Это было сладким облегчением после пережитого ужаса, бесконечных оглушительных взрывов, приходящих вместе с воспоминаниями. Они не позволили бы мне уйти. Я был связан с ними, как был связан с людьми в них. Это было совсем недавно, но я нашел лучшую терапию.

Я перепрыгнул через ручей и ощущил почву под моими ногами. Очень скоро здесь будет настоящий каток, будет трудно добыть воду. Что-то инстинктивно подсказывало мне, что это должно касаться меня, но сегодня это не так. Ничто не волновало меня, когда я приближался к месту, где видел ее в последний раз.

«Она здесь».

Так или иначе, я чувствовал ее присутствие рядом. Я прорвался сквозь последнюю линию деревьев и оказался на поляне, чувствуя нетерпение. Мои ноги стучали по земле, пока я не остановился у большого старого кедра.

Большие карие глаза уставились на меня с любопытством. Ее шкура богатого медного цвета не поменялась на зиму. Она уместно выглядела на снежном фоне и в тоже время выделялась.

Я подумал, что она была самым красивым существом, которое я когда-либо видел. Миниатюрная, но мощная. Изящная и гибкая. Длинные, тонкие ноги выглядели, как если бы они могли сломаться под ее тяжестью, но я знал, что они сильнее, чем кажется. Они были созданы для бега и прыжков. Мне бы очень хотелось понаблюдать за ее бегом.

Большие вздернутые уши выпрямились на ее голове, ничего не упуская. Она уставилась на меня, а потом выпрямилась, как будто желая соответствовать моим размерам. «Я знала, что ты вернешься», — казалось, говорила она.

«Конечно, — хотел я сказать ей. — Я пришел поблагодарить тебя».

Я задавался вопросом, насколько близко она позволила бы мне приблизиться сегодня. Я сделал осторожный шаг. Она, казалось, даже подмигнула и подалась вперед. «*Поспеши подойти ближе*».

Это был бред, думать, что она на самом деле говорит со мной. Очевидно, это не был обмен слышимых слов, но в моей голове, я мог услышать ее также ясно, как будто ее мысли были моими собственными. Это было почти, как если бы существовала прямая связь между ее душой и моей. Какие-то нити связывали наши сердца и давали мне доступ к ее мыслям. «*Это нормально?*»

«*Мы не можем оставаться. Это небезопасно*».

Я сделал несколько медленных шагов в ее сторону и стал ждать. Она последовала ко мне навстречу, а потом остановилась. Мы сокращали расстояние между нами, пока не осталось меньше, чем несколько футов. Она стояла неподвижно, но вдруг занервничала. Вытянула длинную шею, словно прислушиваясь к чему-то позади меня.

«*Tccc*». Ее страх был ощутимым. Тем не менее, даже когда он ударил в полную силу, я не понимал опасности. Стрела пронзила ее плоть с глухим звуком. Она легко пронзила ее грудь и грубо выпирала снаружи. Мгновение, и раненная лань убежала, увильнув от нападающего и от меня подальше.

До этого момента она была моим спокойствием. Если бы не было этого спокойствия с ней, я бы пропал где-нибудь и, несомненно, потерял бы последние оставшиеся частички моего здравомыслия. Я последовал за ней, потому что у меня не было другого выбора. Невидимая нить, что связывала нас, потянула меня вслед за ней. Когда она бежала, ее предыдущие слова эхом звучали в моей голове. «*Подойти ближе. Подойти ближе*».

«*Я иду, — хотел сказать я ей. — Я позабочусь о тебе. Я помогу тебе хоть как-нибудь*».

Лань перепрыгнула через линию ограждения, и я поморщился от боли в груди, когда она приземлилась. Она бежала на север через западную часть кладбища. Я последовал за ней, время от времени теряя из виду, когда лань петляла между деревьев. Она пересекла дорогу рядом с тем местом, где был припаркован мой грузовик, и я за ней.

Сигнальные огни отмечали место аварии на западе, но она не подошла к ним близко. Мы пробежали, по ощущениям, милю, параллельно к основным дорогам, но достаточно далеко от них, чтобы оставаться незамеченным. Даже когда я не мог видеть ее, боль в груди никак не стихала, давая мне знать, что она была там.

Тот же инстинкт заставил меня вдруг остановиться и подойти к ручью. Лань стояла на его берегу, не в силах сделать окончательный прыжок через него. Слишком знакомый, темный и пустой, дом вырисовывался позади нее.

«*Не так*».

Прежде чем я успел добраться до нее, ее колени подогнулись. Она пошатнулась лишь на секунду, а затем упала на землю, стрела в ее теле оказалась направлена вверх на молочно-серое небо. Ее грудь поднималась и опускалась в такт с затрудненным дыханием. Эти красивые, умные глаза уставились на меня. Я слушал ее голос, но ничего не слышал. Может быть, все это было только в моей голове. Может быть, она не существует вовсе и была созданием моего уставшего разума.

Знакомый звук вторгся в наш момент. Я закрыл глаза, желая избавиться от него. Он становился все громче, и я предполагал, что это был звук ее сердцебиения, уверяющий

меня, что с ней все будет хорошо. Я сам почти поверил в это, но звук стал жестче, превращаясь во что-то не принадлежащее этому мисту.

Как делал это много раз, я поднял голову, чтобы увидеть в небе вертолет. Он пролетел низко и уже через несколько секунд исчез за верхушками деревьев. Звук вращающихся лопастей исчез, но оставил после себя обломки моей жизни. Весь шум, от которого я успешно уклонялся все это время, нашел меня снова.

Я сопротивлялся ему, пытаясь прочистить мою голову от всего этого кошмара. Я должен был сдерживать его. Она нуждалась во мне. Нас свела судьба, и я был ее единственной надеждой. Я смотрел на нее, пытаясь вернуться к реальности, осознавая, что все лучшее во мне было потеряно на континенте за тысячи миль от моего нынешнего местонахождения.

Лань передо мной испустила звук, который звучал, как мольба. Это породило во мне инстинкт выживания, казалось, утраченный навсегда, и рассеяло туман, в который погрузил меня вертолет. Морозный вечерний воздух отражал сияние от снега.

Раненная лань замерцала и встрепенулась, и я упал на землю рядом с ней. Мое сердце от шока грохотало даже громче, чем лопасти вертолета.

Это было непостижимо. Полное уничтожение того, что я думал было реальностью.

Я был обнажен и кровоточил, а моя прекрасная лань исчезла.

Глава 1

Уиллоу

«Выйдешь за меня, Уиллоу?»

Райан поставил предо мной заказ из четырех блюд и протянул записку через окошко раздачи. Он позвонил в колокольчик специально, чтобы меня позлить, ведь я стояла прямо перед ним, а затем указал пальцем на бумажку. Даже не глядя, я знала, что там написано, но все равно посмотрела

Выйдешь за меня?

- Да
- Нет
- Возможно

Я улыбнулась. Его записки никогда не меняются, не смотря на то, какими нелепыми они иногда бывают.

Это была игра, в которую мы играли всю нашу жизнь. Та, что началось во втором классе, когда худощавый мальчик резко развернулся на своем стуле во время урока по прибавлению двухзначных чисел и положил записку на мой стол. «Пойдешь со мной?» — писал он. Варианты ответа были такими же.

В то время я не была уверена в нем. Он сидел перед моим столом в течение почти двух лет, не сказав мне ни единого слова. Я совершенно не понимала, куда он хотел пойти.

«Куда?» — наконец-то я написала ниже, прежде чем подвинуть к нему записку.

«Будешь моей девушки?», — был его ответ.

Я начала обводить большое «НЕТ», но он выхватил записку из моих рук. Обидевшись, Райан отвернулся к своему столу. Он больше не посмотрел и не заговорил со мной снова, пока на следующий день не положил новую записку на мой стол.

«Пойдешь завтра купаться на речку? ДА, НЕТ, ВОЗМОЖНО».

Я пожевала губу, обдумывая его предложение. Я проводила выходные с бабушкой и дедушкой, в то время как мои родители праздновали свою десятую годовщину в соседнем городе — Луисвилле. Я любила свою бабушку всем сердцем, но чем мне заняться у нее дома? Наблюдать за тем, как она вяжет одеяла для молитвенной группы ее церкви, было до смерти скучно.

— Ну же, — прошептал он, когда я не ответила достаточно быстро. — Я знаю, что у тебя нет планов.

Я задавалась вопросом, как он мог узнать это, но в любом случае хотела ответить ДА. Тот факт, что мне сильно не хватало друзей, одержал победу над сомнениями, и я бы солгала, если бы сказала, что мне было с кем общаться.

С того дня, я отвечала утвердительно почти на каждую безрассудную идею, что Райан Бэлер предлагал мне. В течение почти двух десятилетий, мы проводили каждый день вместе, и я наблюдала за тем, как худенький мальчик превратился в прекрасного мужчину. Он знал меня лучше, чем я сама, и обычно знал, что я хотела, раньше меня. Но мы не были парой, и мой ответ на его шутливые предложения выйти замуж всегда будет определенное и звучное, НЕТ.

Его горячие, шоколадные глаза должны были бы растопить мои внутренности, но они этого не делали. Это была бы самая удобная и естественная вещь в мире, но любовь не работает так. Мой лучший друг наполнял мое сердце до краев, но он не мог заставить его пропустить удар. А это было то, чего я так хотела. Я не рассчитывала на меньшее, чем внезапная и хронической аритмия.

«Я не хочу меньшего!»

— Ох, я тоже люблю тебя, Уилл, — он положил руку себе на грудь. — Ты ведь чувствуешь это?

Я закатила глаза в ответ на его жест и опустила свою руку вниз на заказ, протянутый мне.

— Возвращайся к работе, Бэлер. Нельзя чтобы ты попался снова за бездельничеством на работе. И так достаточно плохо, что ты на шестнадцать минут опоздал сегодня утром.

Он застонал.

— Мой босс прям как медведь.

— Как бы тебе не хотелось обратного, — дразнила я его.

— Мне бы хотелось. Но от этого, разумеется, мои проблемы не исчезнут.

«Аха». У моего друга проблемы с девушкой. Снова. Поэтому он разбрасывается предложениями руки и сердца.

— Нет, это не так, и ты это знаешь, но держись за эту мысль. Мне нужно отнести заказ, пока он не остыл, иначе за него не заплатят, — я кивнула на все еще теплую тарелку.

— Это для старика Хансена? — Райан повернулся к фритюрнице, прежде чем я смогла ответить. Я улыбнулась ему в спину, зная, что он все равно не нуждается в ответе. Большинство людей, которые приходили в кафе «Гавань» были завсегдатаями. Райан знал свои заказы, прежде чем я даже брала их.

Клайв Хансен был нашим лучшим клиентом и имел свои привычки. Он приходил в кафе ежедневно в одно и то же время. Привязывал свою собаку, Аристотеля, к одному и тому же дереву. Он всегда сидел за одним из трех столиков, которые обеспечивали хороший вид на него, как я подозреваю, единственного друга.

Даже наши разговоры были ритуалом.

«Особые черничные блины этим утром», — сказала бы я, прежде чем он оборвал меня и пролаял свой заказ. За мои тринадцать лет в кафе, его завтрак никогда не отличался разнообразием, и я подозревала, что он не изменится в этом.

Имелось лишь одно исключение из этого правила. Раз в год он заказывал оладьи ко Дню рождения для собачонки снаружи. Это был единственный признак мягкости, что я видела в Клайве. Он был брюзгой. И всегда хотел, чтобы его завтрак был таким, как он хотел его, и когда он хотел, с настолько минимальным разговором, насколько это возможно. Мы обслуживали его, не только потому, что он был постоянным клиентом, но и потому, что он был иным. Ни Райан, ни я не могли прочесть его, ничего о том, почему так было или даже то, кем он был. Не было никакого способа узнать, на что старый чудак был способен, поэтому мы просто кормили его.

Но, в любом случае, это не имеет значения. Было множество иных в Вудлэнд Крик. Я была иной. Райан был иным. Дженис, которая владела закусочной до меня, была иной. Быть иным — не значит быть плохим, поэтому наша столовая обслуживает всех.

В порядке очереди, конечно.

Райан просунул пакет на вынос через окошко, и я посмотрела на него с любопытством.

— Сегодня ведь не день рождения Аристотеля.

Он кивнул и подвинул его немного ближе.

— Они оба должны получить немного больше любви сегодня. Кажется, что Аристотель может не дожить до следующего дня рождения.

Это объясняет огромную печаль, что я испытала, проходя механическую, но необходимую задачу — взятие заказа Клайва.

— Так что, я должна сесть и проверить, захочет ли Клайв пообщаться?

Райан подавил смех. Не было ни единого шанса, что чертов старик собирается излить мне свои проблемы. Он не был оратором, и нам не нужно, чтобы он стал им сегодня. Райан, очевидно, уже знал проблему Клайва.

«Интуиция» Райана была одной из причин, почему я никогда не смогла бы быть с ним. Его «особый дар» был большим, чем я могла справиться. Не то, чтобы мой был намного лучше. С его способностью читать мысли и моей способностью чувствовать эмоции других, тот факт, что нас не тянуло друг к другу, был, на самом деле, сладким чудом. Любой вид нормальных отношений был бы невозможен.

Я положила записку Райана в карман своего передника с намерением обсудить это после того, как мы закроемся в конце дня. С тяжелым сердцем и обеими занятыми руками, я прошла через небольшое кафе. Это была классическая закусочная 50-х годов. Декор был точно такой же, как и когда Дженис Крабтри и ее муж открыли заведение в 1952 году — черно-бело-красный и совершенный во всем. Мои ноги не издавали шума, ступая по клетчатому кафельному полу, когда я скользила между обтянутыми красным кожзаменителем стульями, стоящими вдоль стойки, и ряду двухместных кабинок напротив нее. Полукруглое строение обеспечивало единственность и в тоже время многое пространства. Четыре открытых столика у витринного стекла, что открывало вид на небольшую, но удобную стоянку для автомобилей. Заполненные до максимума, мы могли вместить пятьдесят человек. Этим утром мы были близки к этому числу.

Когда я дошла до столика Клайва, то поставила его завтрак перед ним, а пакет немного в стороне. Как и следовало ожидать, он тут же сморщил свой исключительно длинный и костлявый нос, посмотрев на меня.

— Что это? — прохрипел он, указывая на пакет. — Я не заказывал, этого.

— Оладьи. Идея Райана.

— Я не стану платить за них. Я не заказывал, и я не хочу этого.

На его сварливость я ответила улыбкой.

— Это подарок, мистер Хансен. Для Аристотеля.

Изменение в его настроении было заметным и быстрым. Сюрприз. Понимание. Признательность. С более мягким выражением, но, все еще прищурив глаза, Клайв кивнул мне.

— Очень хорошо. Спасибо. Скажи ему, что я благодарен.

Я кивнула и повернулась на каблуках. Нужно было обслужить двенадцатый столик. Я вернулась к прилавку и схватила кофейник, чтобы наполнить чашки и восстановить мир и порядок в моем крошечном королевстве.

Как и Клайв, мужчины, одетые в камуфляж, были завсегдатаями. Они не приходили каждый день, как делал он, но я обычно могла рассчитывать, что они появятся, по крайней мере, один раз за выходные и чаще во время охотничьего сезона. Кафе «Гавань» было их местом встречи для воспоминаний историй о большой игре, а в последнее время еще и о мифическом монстре, который от них все время ускользает.

Я знала их со средней школы, но не смогла бы назвать друзьями. На несколько лет старше меня, мы относились к разным компаниям. Несмотря на размеры Вудлэнд Крик, так уж в нем было заведено. Его пересекали незримые глазу силовые нити, разделяющие детей на группы по возрасту. Население делилось поровну между теми, кто укрылись в магической части Вудлэнд Крик, и теми, кто даже понятия не имел, что та существует. Меня же всегда тянуло общаться с парнями из нормальной части города. На своем горьком опыте, я как-то попыталась встречаться с парнем, который сейчас сидел за двенадцатым столиком, но быстро поняла, что лучше придерживаться своего собственного вида.

В нашей закусочной такого разделения, как в городе, нет. Расположение непосредственно между Старой и Новой частями города создает равные возможности для того, чтобы здесь питались буквально все слои общества.

Подойдя к столу, я выстроила свою ментальную стену. Кирпичик за кирпичиком она выросла, защищая меня от всего, что Тим Рейборн может обрушить на меня. Он знал, кем я была, хотя предпочитал не верить. Стена была необходимым защитным механизмом, который я совершенствовала всю свою жизнь. Если я сосредотачивалась на кирпичах, стена была в целом достаточно сильной, чтобы сдержать все, кроме самых сильных переживаний. У меня никогда не возникало проблем с тем, чтобы не впускать Тима.

— Парни, — я начала обходить стол кругом, наполняя по пути каждую чашку. — Ваше утро было добрым? — спросила я из вежливости, заранее зная, что эти ответы будут мне противны.

Тим покачал головой.

— Не-а. Утро было настолько туманным, что ни у кого не вышло найти хорошую позицию для стрельбы.

Я поапплодировала Матери Природе за то, что таким способом она сорвала их планы.

— Ну что ж, это только первая неделя сезона, — совершенно неискренне посочувствовала я. — У вас в запасе достаточно времени, чтобы добраться до своей двенадцатой точки.

— На двенадцатой точке ничего. В лесу было восемнадцать пунктов наблюдения за оленями. Прошло уже много времени с тех пор, как в этой области видели такую крупную особь.

— Не с тех пор, как вернули вывеску на место в начале восьмидесятых, — перебил его Джон Пирс.

— Если кто-нибудь когда-нибудь ступит на земли Рейнборнов, у него не будет даже шанса. Надпись на вывеске гласит: «Это не повторится».

Я улыбнулась, а внутренне содрогнулась.

— Ну, будем надеяться, что у вас все выйдет.

— Лучше бы ему не заставлять меня перетруждаться. У меня не хватит на это терпения.

«Да что ты говоришь?»

— Но, если вы поймаете его сейчас, то все веселье завершится, так ведь? — упрекнула я его.

Джон кивнул головой в знак согласия.

— Леди сделала прекрасное замечание. В спорте ничего не дается легко.

«Спорт». Я прикусила язык, наполняя очередную чашку, сопротивляясь искущению выпить горячий кофе ему на колени. Я не верю, что то, чем они занимаются, называется спортом, но я была предвзятой. У меня были друзья и близкие в этих лесах, хотя во время охотничьего сезона, они удалялись — находились довольно близко к национальному парку, где было безопаснее.

Я дежурно улыбнулась и наполнила еще одну чашку кофе, прежде чем остановиться перед пустующим стулом за столом. Чашка сидящего на этом месте была еще полной, но кофе в ней уже давно остыл.

— Парни, вы готовы сделать заказ? — спросила я.

Как обычно, Тим заговорил первым. Мужчина любил, когда его слушают.

— Да. Похоже, что Диаборн не явится. Снова, — он казался более раздраженным, чем все остальные. — Он что, скрывается?

Если кто-либо и хотел, чтобы Куинн Диаборн, вышел из укрытия, то это была я. Пятнадцать лет назад, он был яркой звездой нашего маленького городка. Первоклассный спортсмен, который в младших и средних классах приводил команду округа Бакс к победе оба раза на соревнованиях между штатами. Как и во всех средних школах, футболисты ходили по коридорам, как будто им принадлежало это место, но все знали, что Куинн был больше этого. Стоило ему приобрести новую пару обуви, как у других ребят на следующий день появлялась такая же. Когда он улыбался девушкам, идя к своему следующему классу, их трусики летели к нему со всех сторон.

Он правил школой, но именно здесь, в закусочной, он украл мое сердце.

Его мать работала в «Хрониках Вудлэнд Крик» и должна была быть там рано. Для того, чтобы каждое утро обеспечивать своему единственному ребенку перед школой сытный завтрак, она заключила сделку с Дженис. Куинн завтракал здесь каждое утро, а Дженис получала скидку на любые объявления в газете.

У Дженис не заняло много времени выяснить, что мне очень нравился парень. Дженис была романтической натурой, поэтому она всегда убеждалась, что его столик находился в моей секции, и никогда не ругала, когда я задерживалась около него, чтобы поговорить.

Мы говорили о школе. Мы говорили о знакомых, у которых были проблемы. Мы говорили о спорте, книгах и музыке — всех нормальных подростковых вещах. Поведение банальное для кого-то — и Куинна, вероятно, тоже — но совершенно новый опыт для меня.

Это было в человеческой природе — сосредоточиться на страданиях жизни, и большинство людей, которые ели в закусочной, отражали это. Негативная энергия трудна для меня, но Куинн был другим. Положительная энергия практически лилась из него. Он был просто счастлив. Полностью удовлетворенный человек. Он был лучом света в темноте, и меня тянуло к нему. Даже когда мы не говорили, я оказывалась рядом с его столом, чтобы позволить его положительной энергии наполнять меня.

Покинув город после окончания школы, он забрал всю положительную энергию с собой, сделав Вудлэнд Крик однообразным для меня. Насколько я знала, Куинн ни разу не возвращался за последние пятнадцать лет. В то время как он был далеко, его друзья переворачивали пустую кофейную чашку вверх дном, чтобы зарезервировать ему место за их столом. Это была дань парню, вместе с которым они боролись за государственные титулы плечом к плечу, парню, который в настоящее время борется в сражениях без них. Я должна признать, что нахожу этот жест покоряющим. Те перевернутые чашки даже отыграли несколько бонусных очков для Тима.

Теперь, когда Куинн Диаборн вернулся в город, они каждый раз просили меня наполнять ее, но он не приходил. Это было постоянное приглашение для него присоединиться к ним снова. Сегодня, видимо, он снова не придет, поэтому я взяла неиспользованное меню рядом с нетронутым кофе и отвернулась.

— Вы видели его? — спросил Тим в своей типичной театральной наигранно-переживающей манере.

— В последнее время, нет, — сказал Брайсон Рафферти голосом гораздо более подавленным, чем Тим. — Мы переписывались прошлой ночью, и он сказал, что постараётся приехать. Но я предполагаю, что не стоит на это рассчитывать, — Брайсон был единственным из этой компании, кого я меньше всего хотела бы видеть искалеченным, произойди несчастный случай на охоте.

Я очень хорошо знаю, что подслушивать плохо, но не могла с собой ничего поделать. Я начала протирать стойку, чтобы быть как можно ближе и слышать их разговор.

— Я просто не понимаю. Прошло три месяца, парни.

— Он прошел через многое и остался в живых, теперь настало время вернуться к жизни.

— Такое ощущение, что он прячется от нас, — в голосе Тима слышалось обвинение; полное отсутствие сочувствия к человеку, который прошел через бог знает что. Его отношение, бесспорно, опровергает все эти полные чашки кофе, что я наливаю, а после выливаю в канализацию, и теперь я задаюсь вопросом, чьей идеей они были. Ясно, что не его.

— Дай парню некоторую слабину. Он придет, когда будет готов, — Брайсон продолжал быть голосом разума в их компании.

— Он собирается пропустить весь олений сезон.

— Он пропустил последние четырнадцать сезонов охоты на оленей. Я не думаю, что его волнует пропуск еще одного. Возможно, он не готов снова взять в руки оружие или что-то в этом роде?

Я кивнула головой в знак согласия, прежде чем поняла что сделала, но это было то, о чем я меньше всего беспокоилась.

— Это сезон лучников, парень. Первобытная охота. Человек против зверя. Ничего похожего на войну.

Я закатила глаза, стыдясь, что я встречалась с таким идиотом.

Мои руки пришли в движение, заправляя сахарницы к обеду для посетителей, которые начнут стекаться сюда в ближайшее время, и я потерялась в своих мыслях. Все, что я знала о возвращении Куинна Диаборна, было напечатано в газете. Статья не включала в себя много подробностей об аварии, которая отправила его домой. Возможно, это было засекреченной информацией. Может быть, в «Хрониках Вудлэнд Крик» думали, что мы не нуждаемся во всех кровавых деталях. Или, может быть, его мать, которая до сих пор работала там, «вытащила» несколько строк, чтобы сохранить частную жизнь своего сына. Какой бы ни была причина, газета сообщала, что Куинн спас двух членов своего взвода после того, как транспортное средство в их колонне подорвались на мине. Четверо американских солдата погибли в тот же день. Но двое из выживших военных, в том числе и генерал, были благодарны Куинну за их спасение.

Как и все в городе, я читала эту историю. Черт, я даже вырезала статью и приколола на стенде в кафе. В основном, люди использовали доску объявлений, чтобы размещать объявления о купле-продаже и поиске потерянных собак, но когда в газете печатали нечто интересное, я прикрепляла это. Такие статьи прививали маленькому городку гордость и помогли клиентам скоротать время, ожидая свою очередь в единственную уборную.

Вытирая руки о свой фартук, я вышла из-за угла и остановилась перед статьей Куинна. «Герой города возвращается домой национальным героям». На данный момент, это была старая новость, частично прикрытая объявлениями о разных услугах и

написанной от руки запиской о поиске арендатора для съема квартиры студентом. Я сняла скрепки от этих объявлений и переместила их на открытые места, чтобы его статья была полностью видна.

На ней было больше фотографий, чем текста, который был больше сосредоточен на его днях славы как футболиста, чем его военных буднях. Я не была удивлена. Спросите кого-нибудь в Вудлэнд Крик, кем был Куинн Диаборн, и вам ответят: «лучший защитник в составе на протяжении двух лет подряд». Они не скажут вам, что это было пятнадцать лет назад, потому что, в умे Вудлэнд Крик, Куинн *еще* ребенок.

Я провела пальцем по снимку, занимающему большую часть статьи. Это был старшеклассник в футбольной форме. Он держал в руке мяч, широко улыбался, и его глаза были полны предвкушения. В том году все ожидали от Куинна больших успехов, и он их добился. Он получил государственный титул, самую красивую девушку в школе, и вербовщики из колледжей ходили за ним по пятам. Все, что ему нужно было сделать, это держать оценки выше проходных и выбрать колледж, который позволил бы ему продолжить свою полосу побед.

Город инвестировал в него. Настолько, что, когда казалось, что он может потерпеть неудачу на тесте по математике, кто-то анонимно нанял репетитора для него. Я была ошеломлена, когда школьный консультант спросила меня, не хочу ли я заработать, занимаясь с ним.

— Ты должна сделать это, — сказала Дженис, когда я рассказала ей о предложении.
— Господь знает, что тебе не хватает заработка от работы в утреннюю смену здесь. Кроме того, я вижу, как ты смотришь на него, когда парень приходит сюда. Между вами летят искры.

Я быстро указала на то, что между нами не было искр и это мое одностороннее увлечение, но, в конце концов, я прислушалась к ее совету. Мне нужны были деньги. А побить немного больше времени в компании Куинна было вишенкой на вершине десерта.

Подготовить его к прохождению теста у меня заняло одну неделю, а еще я обнаружила, что все, включая самого Куинна, недооценивали его. В нем не было недостатков. Он был настолько же умным, насколько и мускулистым. Я подозревала, что никто никогда не говорил ему этого. Просто из-за его размеров, ему рекомендовали сосредоточиться на спорте, а не учебе.

— Спасибо за то, что не относишься ко мне так, словно я тупой, — сказал он во время нашего последнего занятия.

— Ты не тупой.

Он улыбнулся, как будто все еще не был уверен доверять ли моим словам.

— Я всегда был больше заинтересован в каких-то других вещах, не школьных, думаю. Учеба занимает у меня второе место.

— Ты умный, Куинн. Тебе просто нужен кто-то, кто бы говорил тебе это.

Он кивнул и улыбнулся глуповатой улыбкой.

— Ты думаешь, я справлюсь с колледжем? Не только с футболом, но и с остальным тоже?

— Я знаю, что ты сможешь.

За ту неделю, я действительно думала, что у меня вышло достучаться до него. Я думала, что в один прекрасный день он запомнит неприметную девушку из кафе, что привнесла небольшое изменение в его жизнь. Было шоком, когда вместо того, чтобы выбрать колледж, он объявил о своей вербовке в армию.

Мой палец прошелся по всей статье и остановился на его фото в форме. Снимок был сделан, вероятно, вскоре после того, как он был зачислен. Я хотела бы, чтобы статья включала более свежие фото, но, возможно, это было все, что у них имелось. Обновление фотографий в личных дела, не столь важно, когда ты воюешь с террористами.

Я задавалась вопросом, как он выглядит сейчас. Даже если Афганистан омрачил его красивое лицо или отнял у него одну из конечностей, его глаза должны были остаться

точно такими же. Они были тем, что я запомнила лучше всего. Цвета изумрудов, и не тех дерьмовых, выращенных в лаборатории камней, которые они продают в сети магазинов в торговом центре. Глаза Куинна были глубокого, темно-зеленого цвета. Когда они сосредоточены на вас, все остальное исчезает. Черно-белые фотографии в газете ни в малейшей степени не отражают их красоту.

Колокольчик над входной дверью прервал мои мысли, вернув меня обратно к настоящему, в закусочную. Я обернулась, чтобы поприветствовать нового клиента, но была поражена волной эмоций, что чуть не сбила меня с ног. Я была потеряна в своих собственных мыслях, вспоминая о Куинне, так, что позволила стене исчезнуть. Ухватившись за грудь, я зажмурилась, пытаясь возвести её вновь. Желая избавиться от невыносимого грохота в моей голове.

Самым трудным для меня всегда было справиться с тревогой, и мой новый клиент имел один из самых тяжелых ее вариантов.

Глава 2

Куинн

Они собирались уходить. Их тарелки были пусты, и деньги уже лежали на столе. После того, как я избегал парней в течение нескольких месяцев, они, вероятно, думали, что я планировал и дальше продолжать в том же духе. Если да, то они были правы. Мой приход был лишь формальностью. Я бы все равно скоро ушел.

Я неловко стоял рядом с их столиком, давая возможность троим моим старым друзьям поприветствовать меня первыми. Я больше не был хорош в этом. Минуло три месяца, а я до сих пор не понял, как иметь дело с нормальными повседневными задачами, такими как беседа. Даже с людьми, которых я знал и любил, я был безнадежен.

Тим усмехнулся.

— Ну, посмотрите, кто пришел.

— Эй, парень. Рад, что ты сделал это, — улыбнулся Брайсон.

В средней школе Тим был моим лучшим другом. Мы делали все вместе, но Брайсон был единственным, кто навестил меня после того, как я вернулся в Вудлэнд Крик. Он был единственным, кто пришел ко мне домой, что было облегчением. Я не выносил посетителей и не мог не задаться вопросом, может он предупредил остальных после своего единственного визита, чтобы держались от меня подальше.

— Могу я присесть здесь? — спросил я и указал на единственный свободный стул за столом. Чашка, казалось бы, нетронутого кофе стояла на этом месте.

— Да, это твое, — ответил Брайсон, указывая на стул или кофе, или на то и другое. Я не был уверен. Поэтому сел и отодвинул холодную кружку прочь. Парень посмотрел мне через плечо и махнул рукой в сторону задней части кафе.

Уже через несколько секунд дымящаяся чашка кофе и меню скользнули передо мной.

— Я дам вам несколько минут и вернусь обратно, — женский голос звучал словно музыка, успокаивающая и мелодичная, но я проигнорировал это.

Я просмотрел меню, не видя слов.

— Спасибо, но я не голоден.

— Ты уверен? — спросила она так же сладко, нараспев. Ярость захлестнула меня. Если есть что-то, от чего я устал, так это люди, которые думают, что знают, в чем я

нуждаюсь лучше меня. — Сегодня у нас есть шоколадный пирог, — ее голос дрогнул. — Но я предполагаю, это позже. Может быть, для начала просто тарелку овсяных хлопьев? Они довольно легкие.

Шоколадный пирог Дженис всегда был моим любимым, но не сейчас. Мой желудок бушевал так же, как и я.

— Придется в самый раз, — ответил я сквозь зубы.

Я передал меню обратно ей, желая, чтобы она поскорее ушла.

Затем я потянулся за чашкой кофе в то же самое время, когда девушка потянулась к куче мусора на столе, и наши руки соприкоснулись. Я, наконец, посмотрел на нее, и мне сразу же стало стыдно. Я знал ее, или, по крайней мере, я знал ее, казалось, целую жизнь назад. И сейчас я старался вспомнить ее имя, зная, что оно где-то там, в моей памяти. Но, похоже, что плохие воспоминания были единственными, которые не покинули меня.

Она же смотрела на меня с таким вниманием, что я понимал — у нее не было такой проблемы, как запомнить меня. Как только она, слабо улыбнувшись, повернулась, чтобы уйти, её имя всплыло в моей памяти.

«Уиллоу». Ее звали Уиллоу Райкер, и она обучала меня математике когда-то давно.

Меня охватило облегчение, стоило вспомнить ее. Девушка же остановилась, чтобы бросить еще один взгляд на меня через плечо. Ее улыбка стала шире, а в глазах отражалось то же облегчение, что чувствовал я, как если бы она каким-то образом знала о внутренней суматохе, через которую я только что прошел.

Это ощущалось, словно у нас был один из тех моментов, как в рекламе кофе «Флогер».

— Легкие овсяные хлопья? — бормотание Тима напомнило мне, что здесь я был не один. — Неужели она продает такое? Уиллоу действительно нужны уроки маркетинга.

Поведение Тима заставило меня еще больше пожалеть о моих собственных плохих манерах. Она не заслуживает того, чтобы обслуживать таких мудаков, как Тим.

— Оставь ее, Тим, — сказал Джон. — Она выглядит не очень хорошо.

Я посмотрел в конец кафе, куда, обойдя стойку, поплелась Уиллоу.

Ничего себе, она очень изменилась.

«*Не так сильно, как ты*», — напомнил я себе.

— Все равно. Она белая ворона, — конечно же, Тим не собирался оставлять ее в покое.

— Довольно хорошенъкая, как по мне, — возразил Джон. — И она всегда такая сладкая.

В моей памяти тоже.

— Она сладкая, — я почувствовал необходимость встать на ее защиту. — Я знал ее.

— Многое изменилось за пятнадцать лет, брат.

Джон хмыкнул, посмотрев на Тима.

— Тебя просто вывело из себя, что она сделала тебя в разговоре о неудаче с Монстром.

— Монстр? — спросил я.

Брайсон стремглав подскочил на своем стуле.

— Он последний зверь, за которым мы охотимся.

— У него есть имя?

— Нет. До сих пор, он был довольно неуловимым, — сказал Джон. — Но все говорят о нем. В действительности Уиллоу это не интересно, и могу с уверенностью сказать, что она не большая поклонница нашего хобби.

Тим глумился.

— Эта сука должна остыть, или я найду другое место, где можно поесть. Что мы делаем в наше свободное время, ее не касается.

Bay. Моя спина напряглась. Мне не понравилось, как Тим говорил о ней при всех. Казалось, что у него был пункттик, когда дело касалось Уиллоу.

— Боже, так хорошо видеть тебя снова, — сказал Джон, меняя тему на более удобную для меня. — Ты выглядишь очень хорошо.

Джон всегда был миротворцем в нашей компании, в чем Тим и я часто нуждались. Наши схожие характеры часто сталкивали нас друг с другом, даже если мы и считали себя лучшими друзьями. Джон был хорош в том, чтобы вмешаться и помочь нам урегулировать наши споры, которые обычно вращались вокруг нашего частично совпадающего вкуса в девушках.

Он был хорошим парнем, но на счет меня Джон врал. Я выглядел хреново и знал это. Темные круги под глазами подтверждали, что я почти не спал. У меня не было времени подстричься, с тех пор как я приехал в США, а густой слой щетины на лице уж точно не красил меня.

— Извините, что я опоздал.

— Давно бы так. Мы начинали думать, что ты считаешь себя слишком хорошим для нас теперь, когда стал великим героем и все такое, — Тим улыбался, когда говорил это, но его голос был острым как бритва. Возможно, я оскорбил его тем, что не пришел в себя раньше.

— Я не... — начал я, прежде чем Джон перебил меня.

— Конечно, нет. Не обращай на него внимания. Он просто завидует, потому что о тебе снова написали. Он до сих пор не добился такого за все эти годы. Это была большая статья, кстати, — Джон улыбнулся Тиму, который послал ему свирепый взгляд. — К тому же, ты не пропустил ничего сегодня утром. Я не думаю, что там был хоть один олень.

— Туман был настолько густым, что я не мог видеть дальше десяти футов перед собой, — пробормотал Тим. — Надеюсь, что завтра будет лучше. Ты вообще собираешься присоединиться к нам в этом году? — он адресовал последний вопрос мне.

Мой желудок подпрыгнул и перевернулся вверх дном. Я был глуп, не ожидая этого по возвращению. Теперь, когда я показал свое лицо, они ожидают, что я буду видеться с ними постоянно. Я пытался придумать уклончивый ответ. В моем состоянии взять оружие в руки не казалось отличной идеей.

— Думаю, завтра погода будет примерно такой же, так что я предлагаю выспаться, — предложил мне Джон, и я оценил это.

Брайсон усмехнулся.

— Ну, вместо этого вы всегда можете прийти ко мне. Вы знаете, где я буду.

— Призрачный шанс, — Тим неприятно рассмеялся, в конце концов, я почувствовал себя в своей тарелке, но так как они продолжали говорить, я понял, что они хорошо знают друг друга, и многие пробелы в разговоре я не могу заполнить.

Я понятия не имел, где Брайсон будет следующим утром. Я не знал, чем Тим зарабатывает себе на жизнь. Я был дерзким другом для этих ребят на протяжении

многих лет. Конечно, у меня были другие, на мой взгляд, важные вещи, такие как мои парни и моя работа. Они требовали моего пристального внимания. Но сейчас, сидя за столом с моими самыми старыми друзьями, я понял, что больше ничего о них не знаю.

— Ну, сегодня было все как раньше, парни, но я должен закончить работу в офисе, — сказал Тим, вставая. Я взял на заметку информацию, что он предоставил мне. Он работал в офисе, где был достаточно занят, чтобы дорабатывать в субботу.

— Нет покоя грешникам, — пробормотал Брайсон, смеясь. — Дайте мне знать, что вы намерены делать завтра и пойдете ли туда снова.

— Ага, — ответил Тим, копаясь в карманах в поисках ключей. — Давайте высыпайтесь, парни. Меня это устраивает. Мифиеский монстр мой, — он повернулся ко мне лицом. — Было приятно увидеть тебя, Диаборн. Мы здесь каждую субботу, а некоторые из нас еще и по воскресеньям тоже, — он бросил виноватый взгляд на Брайсона, который смеялся.

— Чувак, никто никого не осуждает.

Джон стремглав встал со своего стула.

— Мне тоже уже пора. Я хотел бы остаться и наверстать упущенное, но я и так отсутствовал пять часов, — он указал на часы. — У Гретхен целый список вещей, которые она хотела, чтобы я сделал по дому сегодня.

«Гретхен». У Джона была жена. Может быть, я слышал что-то о его свадьбе. Я попробовал вспомнить девушек из нашей школы, но все было напрасно. Я не помню ни одной Гретхен.

Я заставил себя улыбнуться.

— Может быть, в следующий раз.

«Ну и кто теперь лжет?» Не будет следующего раза, если я покину город.

Джон сжал мое плечо.

— Не беспокойся, мужик. Мы знаем, что у тебя есть другие дела.

Я кивнул в ответ, надеясь, что мое выражение лица не выдаст меня. Мое самой большой проблемой было то, что у меня не было никаких других забот. Моя жизнь и моя цель все еще за границей.

Моя тарелка с хлопьями прибыла сразу же после того, как парни ушли. Уиллоу поставила блюдо на стол передо мной так тихо, что я почти упустил этот момент.

— Это поможет, — сказала она мягко.

Я понимающе кивнул, делая усилие, чтобы посмотреть ей в глаза на этот раз.

Брайсон подождал, пока она не ушла, прежде чем заговорить снова.

— Ты выглядишь потерянным, мужик. Есть ли что-то, что я могу сделать для тебя?

Я пошевелил ложкой в своей овсянке.

— Не-а. Я просто все еще ищу точку опоры. Честно говоря, странно то, что я вернулся.

— Могу себе представить, — я не думаю, что он мог, но это были правильные слова. Было хорошо, когда люди говорили правильные вещи. — Ты освоишься. Я обещаю. Изменилось не так уж и много. Как ты сам видел, Тим до сих пор просто Тим, не беспокоится ни о ком, кроме себя. Джон по-прежнему пытается угодить всем. Они оба отличные ребята, с добрыми сердцами. Касательно Тима, тебе следует копнуть глубже, чтобы убедиться, но это так.

— Тим и я слишком похожи друг на друга.

— Я не согласен. За исключением того, что ты, в отличие от нас, несешь тяжкий груз на своих плечах.

— Чем он зарабатывает на жизнь?

— Он юрист. Уголовно-правовая защита. Работает все время, — это объясняет, почему Тим казался настолько измученным.

— Где ты будешь завтра? — спросил я, меняя тему.

Он выглядел смущенным на секунду.

— О, завтра утром? Да, в лютеранской церкви Вудлэнд Крик, брат.

— Предполагаю, что у тебя есть семья? Прости. Я даже не спрашивал о них, когда ты пришел ко мне в прошлый раз.

— Не беспокойся. Я приходил, чтобы увидеться с тобой, а не рассказывать о себе, но да, я женат.

Он повозился с бумажной салфеткой, обернув ее вокруг пальца, как будто вдруг занервничал.

— Мне очень жаль, Куинн. Я действительно думал, что ты знаешь. Я женился на Ханне.

Как я мог не знать, что он женился на девушке, с которой я встречался в средней школе?

— Когда?

— Двенадцать лет назад.

Я усвоил эту новую информацию.

— У вас есть дети?

— Двое. Трехлетний Илья и пятилетняя Сара.

Я медленно кивнул.

— Это здорово, Брайсон. Я серьезно.

— Да?

— На самом деле.

Брайсон был таким парнем, который предназначен для всего этого. В средней школе, он был верен одной девушке. Я вовсе не был потрясен, узнав, что он остынился и завел семью. Я был немного удивлен, что это была Ханна, но нашел положительным тот факт, что меня это не волновало. Я был рад, что она продолжила жить дальше после того, как я ушел, но я определенно упрекну свою мать за то, что не рассказала мне об этом раньше.

— А также я лютеранский пастор.

— Что? — спросил я, смеясь. Это было неожиданно.

— Серьезно, — он улыбнулся мне, пока я пытался переварить эту мысль в своей голове. — Трудно поверить, не так ли? Ребенок, который убегал из дома через окно и пил пиво с тобой, теперь проповедник, — в конце концов, не найдя слов, я откинулся на спинку стула и отодвинулся от стола. — Я начал рассказывать тебе еще у тебя дома, но я не хотел, чтобы ты подумал, что я пришел увидеть тебя с какой-то профессиональной целью. И если честно, ты сказал несколько вещей, которые заставили меня думать, что ты мог бы перестать говорить со мной, если бы узнал.

Пожалуй, так и есть.

— Да, — сказал я. — Я не знаю.

Я перевел взгляд с Брайсона на вход в кафе. Пожилой мужчина, который выглядел смутно знакомым, боролся с входной дверью. Я думал о том, чтобы помочь ему и заодно

избежать этого разговора. Это была очень заманчивая мысль, но прежде чем я смог составить план действий, старик открыл дверь. Он проскользнул через нее и ушел вместе с планом моего спасения.

— Я должен поблагодарить тебя за это, Куинн, — сказал Брайсон.

— Я виноват в том, что ты стал священником?

Он рассмеялся.

— Нет, но ты дал мне мужество ответить на призыв, — я смотрел на него в растерянности. — Я подумал о том, что если в тебе было достаточно храбрости, чтобы последовать своему призванию, то я тоже достаточно храбрый. Я спросил себя и понял, что я должен был сделать это в своей жизни. Бог, страна, семья, не так ли? Разве это не твой девиз?

Я посмотрел на свои ботинки.

— Я потерял одного из них в Афганистане и оставил двух других, чтобы постоять за себя, — это была первая честная вещь, которую я сказал, за несколько месяцев.

— Ты хочешь поговорить об этом? Без нравоучений, обещаю. Только между нами.

Я взглянул в лицо Брайсона. Он имел в виду именно это, но я не хотел об этом говорить.

— Не думаю.

— Я понимаю и принимаю это.

Мои глаза блуждали по кафе в попытке зацепиться за что-нибудь, чтобы отвлечься. Помещение было почти пустым. Уиллоу задержалась у стойки, наклоняясь, как будто бы замирая на мгновение. Может быть, она наслаждалась затишьем перед обедом, потому что тогда начнет собираться толпа. Или, возможно, она пыталась дать нам немного уединения, чтобы мы могли поговорить. Небольшая закусочная нисколько не позволяет этого.

Я наблюдал, как она оттолкнулась от стойки и затем, покачиваясь, сделала несколько шагов. Я хотел было встать со своего места, но остановился, когда она просто прошла за стойку. Девушка наклонилась вперед, как будто ей нужна была опора. Джон был прав. Она выглядела нехорошо.

Узкое окошко отделяло столовую от кухни, и она, кажется, что-то сказала тому, кто готовил еду. Мужчина вышел в поле зрения и посмотрел на нее через окошко, его лицо отражало беспокойство. Он сказал ей что-то, наморщив лоб. Уиллоу покачала головой, и парень снова исчез. Когда она повернулась, ее глаза встретились с моими, в этот момент я виновато отвел глаза.

Брайсон смотрел на меня с интересом.

— Знаешь, что? Мне действительно нужно уходить. У меня есть несколько близких знакомых в больнице, которых я хочу навестить сегодня, — он встал, намереваясь уйти.

Я остался сидеть.

— Конечно. Мне нужно заплатить за свой завтрак, а потом я тоже уйду.

— Если когда-нибудь ты захочешь поговорить, Куинн, у тебя есть мой номер. Может быть, однажды ты придешь к нам на ужин. Я знаю, что Ханна хотела бы увидеть тебя.

— Спасибо за предложение. Я подумаю об этом.

Мы оба знали, что я бы не стал приходить к нему в гости.

— Ладно, не пропадай и не заставляй меня открывать на тебя охоту, — он покачал головой и усмехнулся. — Ты ведь не хочешь, чтобы я сделал это. Я уверен.

— Нет, я буду на связи.

— Ловлю на слове.

Брайсон направился к выходу. Поскольку Уиллоу все еще выглядела бледной и шаталась, я решил подойти к ней сам, а не заставлять ее подходить ко мне. Я подошел к стойке, сел на стул и положил телефон и бумажник на стол рядом с собой.

— Уходишь? — спросила она, порывшись в кармане своего фартука.

— Уиллоу? — спросил я. По какой-то причине, мне хотелось, чтобы она знала, что я вспомнил ее.

Парень из кухни вышел из-за угла и стал вытираять руки, испачканные в соусе, о полотенце. Казалось, он был примерно нашего возраста, но его лицо не было мне знакомо. Он был немного ниже ростом и более коренастым, чем я, но от того, как он смотрел на меня, я знал, что он думал, что может одолеть меня, и на самом деле рассматривал это. Это был приятный сюрприз.

Уиллоу отмахнулась от него.

— Я в порядке.

Я не думаю, что хоть один из нас поверил ей.

Он посмотрел на нее с опаской, прежде чем снова прищурился, глянув на меня. Он был защитником, когда дело касалось его женщины. Я не мог его винить. Уиллоу выросла и стала великолепной женщиной. Если бы она была моей, я бы тоже защищал ее.

— Серьезно, у меня все под контролем. Занимайся своими делами.

Он кивнул ей и снова исчез.

Она положила мой чек на стойку. Когда она убрала руку, я не смог удержаться от смеха. Это был первый раз за несколько месяцев, когда я смеялся. Осознание этого шокировало и наполнило меня огромным количеством вины.

— Не кажется ли тебе, что несколько рановато для предложения руки и сердца? — спросил я. — Я имею в виду, ты едва знаешь меня.

Она повернулась красная как кетчуп в бутылках, стоящих на столиках, и снова стала копаться в своем фартуке. Уиллоу была взволнована, но нанесла ответный удар.

— Если ты знаешь, а ты знаешь, я обычно выжидаю некоторое время после обеда, чтобы их выписать.

Она протянула мне другой чек и потянулась за первым. Я положил свою руку поверх него, и она вздрогнула. Это была самая забавная реакция, которую я когда-либо видел.

— Так ты говоришь, что вручаешь их регулярно? Я не должен чувствовать себя особенным? — подразнил я.

Боже, было так хорошо притворяться нормальным. Опять же, мне всегда нравилось быть рядом с ней.

Несмотря на ее все еще розовые щеки и растерянную манеру поведения, глаза Уиллоу смотрели в мои неотрывно.

— Я всегда считала тебя особенным, Куинн Диаборн.

Я откашлялся, теперь ощущая себя некомфортно. Я не был тем способным ребенком со светлым будущим, которого она помнила. Я достал двадцатку из бумажника и положил на стол.

— Подожди. У меня закончились мелкие деньги. Позволь мне вынести тебе сдачу из-за бара, — она ушла, все еще слегка пошатываясь. Начинался сезон гриппа. Я надеялся, что это не было чем-то серьезным, вроде головокружения или чего-то в этом роде.

Как только Уиллоу пропала из виду, я развернулся и по-тихому ушел из кафе, избавляя нас от любого дальнейшего смущения. Когда я сел в свой грузовик и уехал, то понял, что как бы неловко мне ни было, я был рад, что пришел, и не собирался уезжать так далеко, как планировал.

Настало время разобраться в себе.

Глава 3

Уиллоу

Райан вытер руки о полотенце, прежде чем бросить его в корзину для грязного белья, которое я забирала с собой домой каждый день. Это будет еще один захватывающий вечер стирки белья и учебы, если я не смогу в ближайшее время заставить Райана приступить к работе над нашим проектом. Как ни печально, но это была часть моей жизни. По крайней мере, в настоящее время.

— Хорошо, ты первая, — сказал он.

Я подняла палец, заставляя его замолчать. Мне нужно было еще несколько секунд тихой концентрации. Когда я закончила суммировать сегодняшнюю прибыль, то улыбнулась и посмотрела вверх. Субботы всегда были прибыльнее, чем остальные дни недели, но это был хороший день, даже по меркам суббот.

— Аах, хороший день, а? Окупит ли он тебе новую раковину и ванную?

Я закрыла свой ноутбук, пододвинула его в сторону и кивнула.

— Я думаю, да. Дженис была бы рада.

Он наклонился вперед, опершись локтями на стойку.

— Нет, Дженис гордилась бы тобой. Ты превратила это кафе в лучшее в округе и сделала это самостоятельно.

Я усмехнулась.

— Я собираюсь нанять кого-то нам в помощь. Может быть, даже пару человек.

— Яправляюсь на кухне самостоятельно. И меня все устраивает. Но тебе нужен кто-то здесь, даже просто, чтобы ты иногда могла взять выходной.

— Я бы не отказалась от пары свободных дней в месяц, — кафе работает семь дней в неделю. Я даже не могу вспомнить, когда в последний раз у меня был день для себя. — Но я хочу того же самого и для тебя. Тебе тоже нужно свободное время.

— Нет, мне нужны деньги, — я виновато посмотрела в сторону. Не знаю, как он мог позволить себе работать здесь с тем, что я плачу ему. Это были копейки. — Эй, я шучу. Я мог бы иногда брать выходные, леди-босс. Как всегда, тебе виднее.

Я закатила глаза.

— Если это так, то почему я позволила тебе отвлечь меня, вместо того чтобы выслушать твои проблемы?

— Я не отвлекал тебя. Я хвалил тебя. Человек, знающий манеры, говорит спасибо, когда кто-то делает ему комплимент.

Я фыркнула на него. Если бы был конкурс манер, я бы определенно выиграла в нем.

— Так, что происходит?

— Ничего не скажу, — он смотрел на меня, умоляя взглядом назвать его лжецом. Он хотел поговорить об этом. Ему нужно было поделиться этим, но Райан взрослый и уверенный в себе мужчина. Он не собирался просить о помощи или плакаться на моем плече. Но как бы то ни было, я вытяну из него правду.

— Как хочешь. Но твоя маленькая записка в начале этого утра...

— Та, что заставила тебя выглядеть глупо перед Куинном Диаборном? — он усмехнулся, забавляясь моим смущенным выражением лица.

Боже, это было неловко. Что еще хуже, Куинн ушел, оставив недоговоренности между нами. Значит, будет неловко в следующий раз, когда он войдет в кафе, что случится рано или поздно, так как он оставил свой телефон на стойке.

— Да, эта, — ответил я. — Твоя записка не была предложением. Это был крик о помощи, который заставил меня выглядеть глупо.

Его слабый смешок превратился в громогласный гогот, звучавший на всю закусочную.

— Ты меня смешишь.

— Ты сводишь меня с ума. Рассказывай уже. Она снова крутит хвостом? — нынешняя (и уже много раз бывшая) бывшая девушка Райана — еще та мелкая капризная штучка, у которой проблемы с принятием решений. — Я действительно не хочу охотиться на Ванессу снова, но, если потребуется, буду. Ты вынуждаешь меня снова ломать кости?

Он засмеялся, но на этот раз это прозвучало так, словно ему больно.

— Ммм, нет. Это была худшая ночь в моей жизни. И совершенно неравный бой, кстати.

— Она могла улететь.

— Не после того, как ты сломала ей крылья, — он посмотрел на меня сердито, в течение какой-то секунды. Она заслужила это, и он это понимал. Тайно, я думаю, ему понравилось, что я встала на его защиту. — К тому же, это было давным-давно, и она изменила свой образ жизни. Это не проблема.

— Ей лучше помнить об этом. Тогда проблема в твоих родителях?

— Ага.

— Они ведь понимают, что ты уже взрослый мужчина?

Он фыркнул.

— Если бы мне было восемьдесят, и я носил бы подгузник для взрослых и имел катаракту толщиной со стекло бутылки Колы, они бы относились так же, когда речь заходит о ее семье.

Я вздохнула, переживая за Райана. Мне не обязательно было одобрять его выбор женщины. Но у меня другая причина в отличие от его семьи и их непринятия Ванессы.

У семейства медведей Бэлер были глубоко укоренившиеся предрассудки. Предрассудки настолько старые, что мне кажется, что они не смогли бы вспомнить, почему те существовали. Это было глупо. Любой вовлеченный в семейную вражду, умирал еще до того, как ему исполнится пятьдесят лет.

Я не знаю, что сказать, чтобы он почувствовал себя лучше. Все, что я могла сделать в данный момент, это посочувствовать.

— Это смешно, Райан. Твои родители никогда не видели «Бриолин», «Красавица и Чудовище», или «Немножко беременна»? Противоположности притягиваются. Это закон природы. Ты большой. Она маленькая. Ты пушистый. У нее есть перья. У тебя четыре лапы. У нее две. Что с того?

Его глаза расширились перед тем, как он посмотрел вниз.

— По их словам, я поджег фитиль лужи позора. Они используют такие фразы, чтобы унизить меня, — его разочарование семьей как плотный туман обернулось вокруг меня, и я была разгневана, так же как и он.

Дедушка Райана доминирует в семействе Бэлер. Если он не одобряет действия одного из членов семьи, то они тут же об этом слышат. Было достаточно ворчания, когда Райан встречался с Ванессой в первый раз. Я думала, что Райан просто был молод и бунтовал, но Ванесса продолжала появляться в его жизни, создавая постоянные проблемы между ним и его семьей. Их неодобрение съедало его. Но в его ДНК не заложено быть одиночкой.

Я перегнулась через стойку и обхватила одну из его гигантских рук.

— Это больно, но мы оба знаем, что это не имеет ничего общего с тем, сколько у нее ног. Даже если бы она была лисой, оленем или тигром, они бы не одобрили ее. Все, что их заботит, — ее фамилия.

— Мой папа сказал, что в браке есть место только для одного дятла.

Я отпустила его руку, откинулась на спинку стула и рассмеялась. Я не могла ничего с собой поделать.

— Извини, но это смешно.

Он улыбнулся и уронил голову в свои руки.

— Так и есть, но они сказали, что если я не понимаю этого, они выбросят меня из семьи. О том, чтобы жениться на ней, не может быть и речи.

Я чувствовала, что мои глаза вылезают из орбит.

— Но ты ведь не думаешь об этом, правда? — между Райаном и мной была масса сердечных разговоров о Ванессе, но это был первый раз, когда он использовал слово на Ж.

— Верно? — он провел большой рукой по лицу и ничего не ответил. — О, мой Бог. Ты. Ты действительно думаешь об этом, да?

— Мы не становимся моложе, ты знаешь.

— Нам по двадцать девять, Райан. Но нам еще далеко до американской ассоциации пенсионеров и подгузников для взрослых.

— Я хочу жениться на ней. И не передумаю. Я люблю ее, она любит меня, — должно быть, я посмотрела на него с опаской. — Она единственный человек, которого я знаю, кто может блокировать меня, но она предпочитает не делать этого. Она больше ничего от меня не скрывает.

— Откуда ты знаешь?

— Я просто знаю.

В дополнение к его иногда мятеjnому характеру, была еще одна черта, которая отличает Райана от остальных членов его медвежьей семьи. Он мог читать мысли. Принадлежащие им. Мне. Каждому, кто вошел в кафе. Мысли всех, кроме Ванессы, когда она не хотела, чтобы он это делал.

Так же, как и тогда, когда написал мне первую записку во втором классе, он знал, что на следующий день у меня не было никаких планов, поэтому предложил поплавать на речке. Также он знал, что люди хотели съесть на завтрак еще до того, как они озвучивали мне свой заказ. Именно поэтому, даже если бы мы не смотрели друг на друга, как братья и сестры, мы никогда не могли стать парой. Но именно по этой причине он может быть с Ванессой. Она могла заблокировать свои мысли, когда хотела. Никто из нас не мог понять, как и почему.

— Я люблю ее, Уиллоу.

Мое сердце словно сделало сальто. Мой лучший друг хотел жениться, и последствия были бесконечны. Он был, можно сказать, моим единственным другом, а я даже не общалась с Ванессой. Я знала, что она не станет снова ему изменять, но на самом деле не слишком в это верила.

Я была неправа.

Я наблюдала, как он пробежался руками по волосам. Мне было тяжело представить, что его нет рядом, но его отчаяние было больше, чем мое собственное. Я задыхалась от него. Мне нужно было подружиться с ней, и сделать это в ближайшее время.

— Ну, тогда, думаю, мы должны выяснить способ заставить их увидеть, что они ошибаются.

Он поднял голову.

— Ты мне поможешь в этом? — мгновенно, тяжелый вес, что сдавливал мою грудь, исчез.

— Конечно, помогу.

Его надежда росла с каждым словом и воодушевляла.

— Но ты не любишь ее.

— Ты любишь. Этого достаточно для меня. Я постараюсь полюбить ее, — он сжал мою руку. — Как думаешь, она когда-нибудь простит меня за сломанные крылья? — спросила я.

— Уже простила. Она знает, что заслужила это, и знает, что мы идем в комплекте. Реальный вопрос, почему ты вдруг стала настолько снисходительной?

— Если она твоя единственная, то мне придется принять это. Твоей семье тоже. Ты помнишь, как сходили с ума мои родители, когда я отказалась от колледжа, чтобы провести свою жизнь, работая в закусочной? Однако они изменили свое мнение, и твои изменят. Просто это займет больше времени.

Он внезапно встал и обошел прилавок. Райан встал сзади меня и притянул в свои большие, медвежьи объятия.

— Ты самая лучшая, и твои родители гордятся тобой.

— Так и есть.

Колокольчик над дверью зазвенел.

— Мы закрыты, — проворчал Райан.

Когда мы оба повернулись к двери, руки Райана все еще находились на моих плечах. И я была рада этому. Так много противоречавших друг другу цветов заполнило комнату, что я едва могла видеть. Кобальтового цвета дымка разочарования смешалась с зеленым или чем-то другим, я не могла определить из-за головной боли, которая сковала мою голову.

Я не видела Куинна, но знала, что это был он.

Он откашлялся.

— Простите. Я не хотел прерывать. Думаю, что оставил свой телефон на стойке, днем, — его голос был хриплым и резким.

Я полезла в карман фартука, чтобы достать его телефон. Мои колени подогнулись, и я осела в руках Райана. Если бы он не держал меня, я растеклась бы лужицей у его ног. Куинн сделал несколько шагов вперед, но Райан поднял руку, чтобы остановить его. После чего друг усадил меня аккуратно на стул и выхватил телефон из моей руки. Он встретил Куинна в дверях, стал между нами так, что его широкая спина заблокировала мне вид.

Не то, чтобы я вообще могла что-нибудь видеть.

Через несколько секунд, колокольчик зазвенел снова, и Райан вернулся ко мне. Он подхватил меня на руки и посадил на стойку, расположив руки вокруг меня, затем потянул меня вперед, так чтобы я могла на него облокотиться. Я положила свой лоб ему на плечо и стала ждать пока пройдет тошнота.

— Что происходит, Уиллу?

— Разве ты не знаешь?

— Все, что я получаю от тебя, — путаница. Ты не знаешь, что происходит, но чувствуешь себя дерзковато. Каждый раз, когда он оказывается в одной комнате с тобой, ты задаешься вопросом, почему чувствуешь себя так плохо. Тебя тошнит. У тебя зрительные галлюцинации. Ты смущена, потому что его эмоции отличаются от того, что ты когда-либо испытывала.

— В значительной степени, все так. Что с ним? — я выпрямилась. Тошнота оставила меня с уходом Куинна.

— Ты не хочешь знать.

Я отстранилась и встретила его взгляд.

— Нет, я хочу.

— Мне не нравится, что ты им увлеклась. Его мысли повсюду. Он зол. Он грустный. Он разочарован. Он сходит с ума. Он ревнует. Он также борется с тем, насколько запутался. Война поимела его во всех отношениях.

— Я чувствую тоже самое. Скажи мне то, чего я не знаю.

— Он не понимает, почему чувствует любую из этих эмоций. Он опасен, Уиллоу. Нестабилен. Он не нравится мне, и мне не нравится твоя реакция на него.

Я вздохнула и снова уткнулась ему в плечо, чувствуя себя исчерпанной.

— Что-то не так с ним. Со всеми остальными, если чувства не являются действительно отрицательными, я могу справиться с этим. Только тогда, когда я ощущаю интенсивно негативную энергию это трудно, но даже тогда, моя стена хорошо удерживает большинство людей. По крайней мере, это терпимо.

Он кивнул, чтобы поощрить меня.

— Но Куинн повсюду. Он — это потоп противоречивых чувств и ярких цветов. Ослепительные цвета. Красивые, но ослепляющие. Я думаю, что есть связь между тем, что я вижу и что чувствую, но я пока не уверена, в чем она заключается. Когда он пришел этим утром, чтобы встретиться со своими друзьями, то нервничал, и все вокруг него было много желтого и оранжевого цвета и, возможно, с легким оттенком красного.

— Он переживал. Они давно просили его о встрече, но это был первый раз, когда он сделал больше, чем сходил в магазин за продуктами. За три месяца, Уиллоу. Люди заставляют его нервничать, и это заставляет нервничать меня.

Это имело смысл. Все то, о чем рассказал Райан, соответствует тому, что я чувствовала.

— Зачем ты прочел его? — Райан был так же хорош в блокировании людей, как и я. Иногда, он закрывался, но иногда подслушивал просто потому, что ему было скучно.

— Я и не пытался. Он слишком громкий.

Это также соответствовало тому, что я чувствовала.

— И вот сейчас, когда он приходил, он был, я не знаю... разочарован? Правильно?

— Разочарован и ревновал.

— Он ревновал? Кого?

— Тебя ко мне. Он думает, что мы пара.

Я засмеялась.

— Куинн Диаборн не стал бы. Он никогда не был заинтересован во мне, — безусловно, Райан неправильно понял его. Куинн мог, вероятно, просто по-дружески.

Опять же, Райан редко ошибается в людях. Трудно понять что-то неправильно, когда ты точно знаешь, о чем думает каждый.

— Ну, он чертовски уверен. Ты изменилась, и ему нравится то, что он видит. Это именно то, о чем он думает.

Я покраснела. Казалось неправильным знать то, о чем думает Куинн, но это не значит, что я не хочу услышать это.

— Это, наверное, хорошо, что он думает, будто мы пара, — продолжил Райан. — Он не подходит тебе, Уиллоу. Слишком противоречивый. Опасный.

Теперь, Райан, должно быть, понял все неправильно. Я отказываюсь верить в то, что Куинн плохой парень.

— Это смешно, Рай. Он всегда был хорошим парнем, и он герой, ради Бога. Он спас множество людей.

Райан покачал головой.

— И я уверен, что много людей умерло из-за него.

Я вздрогнула.

— Ты вытащил это из его головы? — я не могу себе даже представить, через что Куинн прошел, будучи далеко. Война уродливая, гадкая, но все, что он сделал, было оправданным. Только хороший человек чувствовал бы вину и сожаление, какие чувствовал он.

— Смотри, я уважаю его как человека. И не имею в виду, что он плохой. Я просто имею в виду, что он не очень хорош для кого-то вроде тебя. Он очень громкий. Его мысли были такими оглушительными, что я не мог расслышать кого-либо еще в кафе, Уиллоу.

— Веселым. Таким я ощущала его, и никак иначе, когда мы были моложе. Он ничем не отличался от других.

— А сегодня тебя тошнило каждый раз, когда он приближался. Может быть, твои способности выросли?

— Не всегда. Это происходит только тогда, когда он расстроен. Он был прекрасен, когда разговаривал с Брайсоном. Почти спокоен.

— Он не нравится мне.

— Ему нужен друг. Уж кто-то, а ты знаешь это.

— У него есть друзья. Они были с ним сегодня. Он тебе не нужен. Все, что происходит здесь, — он указал на мое тело, — это не хорошо для тебя.

— Ты знаешь, как это работает, Райан. Ты научился адаптироваться. Это то, с чем мы уже сталкивались. Это то, кто мы есть, — стена не сработала сегодня, но это лишь означает, что мне нужно выяснить, где находятся слабые места и восстановить ее, чтобы она стала достаточно прочной для Куинна.

— Нет, это не то же самое. Ты будешь иметь дело с более тяжелым случаем, чем мой. Ни из-за кого и никогда я не чувствовал себя физически плохо.

Я не могла с этим поспорить. Райан считал свои сверхспособности подарком, но мои способности эмпата всегда были проклятием для меня.

— Так почему же ты думаешь, что он другой? И что, по-твоему, это значит?

Райан сделал шаг назад, положил руки мне на плечи и сжал их.

— Я думаю, это означает, что тебе нужно держаться от него подальше.

— Но что, если он для меня, как Ванесса для тебя?

— Ванесса блокирует мои силы. Она обнуляет их, и из-за этого я чувствую баланс между нами. Благодаря этому мы можем работать вместе, — это был еще один бесспорный пункт. Ванесса могла избежать игры ума Райана и дать им обоим перерыв, когда они нуждались в этом. — Куинн же каким-то образом усиливает твои ощущения, — продолжил он. — Я не понимаю, как он делает это. Очевидно, он даже понятия не имеет, как и по какой причине это происходит, но ты едва можешь ходить, когда он находился в одной с тобой комнате.

Я закусила губу и обдумала сказанное им.

— Раньше он излучал лишь положительную энергию, — было время, когда его энергия была как магнит для меня. Его отрицательная энергия, казалось, не отличалась, хотя я должна признать, он не чувствовал себя так же хорошо, как прежде.

Райан опустил руки с моих плеч и вздохнул.

— Ты не собираешься держаться от него подальше, да?

Я не могла солгать, когда Райан мог прочесть правду прямо в моей голове. Вместо этого я предприняла попытку пошутить.

— Всю свою жизнь я ждала кого-то, кто собьет меня с ног. Что поделать, если это он?

— Тебя не должно тошнить от принца. Только будь осторожна, хорошо? Я не хочу, чтобы ты поранилась.

— Я обещаю, что не буду искать встречи с ним. Как тебе это?

Он покачал головой.

— Это лучшее, на что я могу рассчитывать.

Глава 4

Уиллоу

После того, как последние слова лекции слетели с губ моего профессора, я закрыла свой ноутбук и сунула его в сумку. Я должна сосредоточиться на преподавателе. Он научит меня всему, что нужно знать о коммерческой деятельности и гостиничном бизнесе, которые я должна выучить в ближайшее время. Я очень на это надеюсь.

К сожалению, некто, на несколько рядов позади, отвлекал меня последние сорок пять минут.

Сосредоточиться во время занятий было трудно. Большинство студентов университета были младше меня. У них было больше друзей, чем у меня. Они были лучше меня. Но также в их жизнях было намного больше переживаний. Из-за чего у них имелся переизбыток эмоций. Даже тишина библиотеки была какофонией в моей голове.

Иногда, я хотела бы читать мысли, как Райан. Все вокруг меня было загадкой, а у меня была только половина ответа. Даже когда я пыталась собрать все эти кусочки вместе, то могла составить лишь половину картины. Я должна была постоянно напоминать себе, что нахожусь на территории кампуса для того чтобы учиться. Начинать вникать в чужие проблемы не вариант. Тем не менее, это было именно тем, что я делала сегодня.

Девушка у меня за спиной была расстроена, но я не знала, что было тому причиной. Фигура? Домашнее животное? Проблемы в отношениях? Это не имело значения. Я провела последние сорок пять минут, потирая свои раздраженные глаза, делая глубокие успокаивающие вдохи и заставляя себя не опускать голову на стол или сдержаться и не наорать на нее. Я была исчерпана.

Я последовала с потоком студентов из здания и вышла на тротуар. Направляясь к стоянке, я срезала путь, пройдя по лужайке, ведущей в сторону от толпы болтающих студентов, в надежде сэкономить несколько шагов и толику моего здравомысления.

Я отослала два текстовых сообщения, одно в доставку «Пиццы Пи», а другое Райану, который в это время уже должен ждать меня дома. За обед и пиво он помогал мне отремонтировать мой старый дом. Мы уже закончили первый этаж и приступим ко второму сегодня.

Первая волна тошноты ударила в меня, когда я приблизилась к своей машине.

Он был рядом.

Прошла почти неделя с тех пор как я в последний раз видела Куинна. Он не вернулся в закусочную, да я и не рассчитывала на это. Но это не значит, что я не думала о нем. С глаз долой, из сердца вон не работало в моем случае.

«*Садись в машину и убирайся отсюда*», — убеждал меня внутренний Райан. Я знала, еще с того уик-энда, что расстояние принесет облегчение. Как только Куинн уехал со стоянки при кафе, я мгновенно почувствовал себя лучше. Головная боль задержалась, но тошнота ушла вслед за ним.

Поступить по-умному — значит проигнорировать притяжение, сесть в свою машину и вернуться домой. Но откуда-то изнутри меня доносился еще более громкий голос. Он перекрикивал голос разума, и мои ноги пришли в движение, пройдя прямо мимо убежища моего автомобиля.

Тошнота ухудшилась, когда я подошла в конец стоянки, говоря мне, что я иду в правильном направлении... или неправильном, если верить Райану.

Я не сомневалась в намерениях друга. Он всегда заботился обо мне. Но он может быть чрезмерным время от времени, тем более я не очень верю в то, что Куинн опасен. Я не могу сопоставить предупреждения Райана с тем, что я знала — Куинн был хорошим парнем, который пожертвовал всем ради блага своей страны и пошел дальше, став героем.

Я нашла его в заднем ряду на стоянке, уронившим голову на руль старого пикапа. Если бы не сияние, исходящие от него, я бы подумала, что ему плохо или он вырубился... или того хуже. Но ореол из оранжевого, желтого и синего цвета, исходящих из авто говорили мне об обратном.

Я никогда не видела, чтобы кто-то излучал цвета, как это делал Куинн. Всегда, сейчас и раньше, я могла видеть легкий оттенок вокруг кого-то, если эмоции были слишком сильными в данный момент. Более того, цветовые ассоциации были полностью в моей голове. Я ощущала фиолетовый в ответ на гнев, легкий красивый красный для любви и обожания, и желтый для страха. Расстроенная девушка в аудитории заставила меня думать о темно-синем кобальтовом, но я не видела его.

Хоть я знала, что никто не мог их видеть, цвета вокруг Куинна были не только в моей голове. Цвета омывали его. Это должно было отпугнуть, но производило противоположный эффект. Цвета были прекрасными, их свечение было ошеломляющим напротив его кожи. Эффект был магическим, что вызывало трепет в моей груди, несмотря на беспокойство в животе.

Я начала возводить стену, хоть и знала, что она будет не эффективна против него. Я постучала в окно.

— Куинн.

Он резко поднял голову, и я взорвалась той самой повреждающей тревогой, которую почувствовала, когда он вошел в мое кафе. Его изумрудные глаза были темными и отчетливо отображали все эмоции, которые ощущала я.

Мои ноги угрожали подогнуться.

Я думала, что, возможно, придется сесть на стоянке или открыть дверь грузовика и заползти внутрь. Но мне пришлось бы это объяснить. «*Прости, Куинн, что ползу по тебе и стараюсь не стошнить на твои колени*».

К счастью, мне не пришлось этого делать. Беспокойство сменилось узнаванием. Несколько раз моргнув, выражение его лица изменилось от замученного до настороженного, но приветливого. Его окутало Карибским бирюзовым цветом, и худшее из моего дискомфорта исчезло.

Произвожу ли я на него тот же успокаивающий эффект, что и он на меня в средней школе?

Куинн опустил окно.

— Эй, Уиллоу, — его голос звучал хрипло, как будто это был первый раз, когда он заговорил за весь день, даже если уже было далеко за полдень.

— Ты в порядке? — я положила руку на дверцу грузовика, больше для поддержки, пока ждала его ответа. Он посмотрел на нее, как будто не был уверен в моей близости, и намек на желтый снова появился вокруг него.

Моя теория об успокаивающем эффекте отпала.

Я опустила руку и сделала шаг назад, чуть не рассмеявшись. Я была той, кто не мог находиться с ним в одном квартале, без того чтобы меня не тошило, а он смотрел на меня так, словно думал, что я могу его ограбить.

Куинн перевел взгляд на лобовое стекло грузовика и, казалось, сосредоточился на чем-то, что увидел там. Его пальцы нервно забаранили по рулю.

— Да, я в порядке. Просто пытался понять кое-что.

Я попыталась придумать что-нибудь такое, что облегчило бы неловкость между нами, но провалилась.

— Думать — это хорошо, — я чуть не закатила собственные глаза на абсурдность своего ответа.

Он пожал плечами, его глаза по-прежнему были сосредоточены на чем угодно, кроме меня.

— Необходимое зло, я полагаю. Вудлэнд Крик, кажется, так отличается от меня сейчас, — обильный синий полностью заменил желтый, накрывая мое сознание, и у меня появилось желание положить голову на его плечо и разреветься в его объятиях.

Каково это было быть Куинном? Он поставил свою жизнь на паузу, пожертвовал всем и пошел ва-банк. Как это, посвятить себя своей стране и такой цели? А потом, в мгновение ока, вернуться обратно в свою прежнюю жизнь? Мое предположение было таким: Куинн не мог перемотать к тому месту, где он остановился. Жизнь в Вудлэнд Крик шла дальше без него. Его молодые мечты играть в профессиональный футбол давно забылись. В то время как он находился далеко, борясь за нашу свободу, кто-то другой воспользовался его шансом и занял его место.

Внезапно у меня появилось желание узнать его — на самом деле узнать. Чтобы понять, от чего он отказался. Чтобы знать, что он пережил. Чтобы знать о нем все. Учитывая поведение моего желудка, он бросил вызов всей логике, и Райан не был бы поклонником этого нового плана.

— Так ты идешь или уезжаешь? — спросила я.

— Иду, — решительно проговорил он.

— Ты учишься?

— Нет. У меня назначена встреча с куратором. Ты знаешь, который сейчас час?

Я посмотрела на телефон в своей руке, когда он завибрировал, оповещая о входящем сообщении.

— Почти пять тридцать, — я быстро прочитала сообщение от Райана.

«Прости, не могу помочь сегодня вечером. Приду позже и объясню».

Я знала, что его объяснения будут так или иначе связаны с Ванессой. Я вздохнула, зная, что мне нужно было привыкнуть к тому, что теперь я вторая в очереди.

— Что случилось? — спросил Куинн, его зеленые глаза были полны беспокойства, я чувствовала это до мозга костей.

Я заставила себя улыбнуться.

— О, ничего. Райан должен был помочь мне с проектом сегодня вечером, но он не может сделать это сейчас.

— Ох, — Куинн провел пальцами по волосам, казалось, обдумывая что-то. Радуга заплескалась вокруг него, когда его конфликтующие эмоции начали воевать друг с другом. Я старалась не смотреть, но его эмоциональная неустойчивость была одной из

самых очаровательных, самых внушающих трепет вещей, которые я когда-либо видела. Все это стабилизировалось, когда он пришел к решению. — Я могу тебе помочь?

— Поверь мне. Ты не захочешь связываться со мной.

Он рассмеялся, его глаза засверкали легкостью, которой не хватало раньше, и тогда радуга, окружающая его, внезапно исчезла. Мой мозг забил тревогу, пытаясь выяснить причину, но нашел Куинна чистым листом. Парень склонил голову, его губы изогнулись вверх в первой настоящей улыбке, что я видела у него. Он, наверное, думал, что это было весело. Странная малышка Уиллоу все еще влюблена в него спустя все эти годы.

И это была смешная мысль. Я сказала себе, что мой интерес к нему обусловлен чистым любопытством. Я просто хотела знать, почему он оказывал такое влияние на меня, почему он, казалось, увеличивал проклятие, с которым я жила всю свою жизнь, пытаясь найти способ борьбы с ним. Если *ОН* имел на меня такое влияние, то наверняка найдутся и другие.

Правильно.

«Почему ты даже думаешь об этом? У него явно проблемы. Он избегает своих друзей. Он ест овсянку, потому что его желудок бунтует — и это ничто по сравнению с тем, что он делает с тобой или тем, что происходит в этой его голове, а теперь он сидит в своем грузовике, избегая своего будущего».

«Не-а. Я не заинтересована в нем. Не в этом смысле, во всяком случае».

Много раз я пыталась завязать отношения с нормальными парнями, но это ни разу не работало для меня. Так что встречи с тем, кто заставляет меня чувствовать недомогание каждый раз, когда я рядом с ним, были сомнительны. Я никогда не была в состоянии мириться фасадом нормальности. Райан был прав. Мне нужен кто-то, кто отличался, такой как я — иной. Конечно, Куинн был ходячей радугой, но он не был тем, кого я искала, даже если вид был прекрасным.

— Я имею в виду, ввязываться в этот проект, — продолжила я, закатывая глаза на дополнительный слой неловкости, что привнесла в наш разговор. Как будто мы действительно нуждались в еще большем. — Ты не захочешь участвовать в этом проекте. Он огромный и за него плохо платят, — я рассмеялась. — Или вообще не платят.

— Решать мне. Я способен на многое, — он подмигнул мне, и вдруг, эти глаза блеснули так, как будто ему снова было восемнадцать, и не было этих последних пятнадцати лет. Мое сердце сбилось с ритма вплоть до остановки, а к щекам прилил румянец. Он был огромным мужчиной. И я уверена, он мог сделать многое. Его брови изогнулись. — По проекту, конечно.

Я уставилась на него и отступила.

— Разве у тебя не запланирована встреча?

— Я опоздал часа на полтора. Уверен, что она отказалась от меня, а в настоящее время, вероятно, уже направляется домой. Ты сказала, что уже больше пяти.

«Господи! Он сидит в своей машине полтора часа?»

Я должна была услышать тревожные колокола. Они должны были уже звенеть так громко как в католической церкви, когда папа приходит с визитом, но вокруг меня была тишина. Моя тошнота полностью прошла, и радуга Диаборна пропала. Сможем ли мы работать вместе без нее, когда нет чувства, что меня вот-вот вывернет? Возможно, Райан был неправ. Как и Ванесса, Куинн, казалось, был в состоянии блокировать меня. Мне нужно было лишь найти лазейку.

Я также очень хотела бы поработать над ванной комнатой. Это было моей целью. График нужно соблюдать.

— Ты действительно хочешь помочь мне?

Он кивнул.

— Больше чем что-либо.

Я засмеялась.

— Как ты думаешь, может быть, ты используешь меня в качестве предлога, чтобы избежать своего будущего?

Он снова кивнул.

— Больше чем что-либо.

— Ты должен поговорить с кем-то об этом.

— Я разберусь с этим.

Я вновь взглянула на свой телефон.

— Я заказала пиццу. Мне нужно забрать ее по пути домой.

— Ужин тоже включен? Классная сделка!

— Конечно. Ужин и пиво. Я не ожидаю, что вы, ребята, станете работать бесплатно.

Его лицо вытянулось, самую малость.

— А как насчет Райана? Он не против?

Определенно, он будет не в восторге.

— Нет. Он будет рад, что ты занял его место.

— О, я не мечу на его место, — быстро сказал Куинн. — И не хочу, чтобы он думал так. Я просто подумал, знаешь, ты помогла мне однажды, когда я нуждался в этом. Я хочу, вернуть должок.

— Ну, это совершенно ни к чему. Мне заплатили за помочь тебе, и я наслаждалась этим.

— Я не получил бы возможность сыграть в игре чемпионата без тебя. И хочу сделать это. Я могу забрать пиццу и встретиться с тобой.

— Ты уверен? — я вынула своего кошелек, чтобы достать деньги. Я плохо себя чувствовала, позволяя ему забирать пиццу, но я могла бы воспользоваться несколькими дополнительными минутами, чтобы добраться домой, прежде чем он туда попадет.

— Уверен. Куда ехать? Пицца Pi?

— Она самая, — в буквальном смысле слова. Это было единственное место в городе, где продавали пиццу. Хотя, если Куинн не был нигде, кроме продуктового магазина за три месяца, он, вероятно, и не знал этого. Я вытащила двадцатку и протянула ему.

Он покачал головой.

— Не стоит.

Я потянула ее через открытое окно и бросила ему на колени, и сразу же начала пятиться, чтобы он не мог отдать деньги обратно.

— Я плачу за ужин или нет сделки.

Он склонил голову, но поставил свой грузовик на передачу. Выпустил громкий стон в ответ.

— Куда ехать после?

— Зеленый и пурпурный дом рядом с кафе.

Он кивнул, и грузовик двинулся на дюйм вперед.

— Увидимся через несколько минут.

— О, и, Куинн?

Он вдруг остановился, и грузовик накренился.

— Да?

— Райан только друг.

Его улыбка, когда он проехал мимо, произвела более разрушительный эффект на мои дрожащие ноги, чем все остальное причиненное мне.

И только после того, как он повернулся за угол, и его грузовик скрылся из виду, я поняла, что он даже не спросил о проекте. Он помогал мне, идя вслепую. У меня было ощущение, что это не новая концепция для сержанта Диаборна.

Глава 5

Куинн

Я сидел в своей машине у пиццерии, обхватив руль грузовика так, как если бы я мог выжать из него ответы. Как я собирался помочь этим вечером Уиллоу, если даже не мог заставить себя зайти внутрь и забрать заказ? Это была ужасная идея.

Проведя руками по изношенному кожаному рулю, я спросил себя: «Только ты можешь помочь себе. Как ты собираешься помочь ей?»

Мне нужно было найти способ, но все перепуталось в голове. Я был настолько растерянным, что не знал, чего хотел.

И сейчас я был готов удрать из этого города. Существовало что-то, что делало затруднительным уход из Вудлэнд Крик — то, что затягивало обратно, даже если у вас получалось вырваться. Я был доказательством этого. Я приехал навестить свою мать, а в конечном итоге остался на три месяца, хоть я не должен был быть здесь.

Но лишь вспомнив взгляд Уиллоу, я решил отложить побег.

Я не распаковывал свои сумки. Я по-прежнему был готов уехать в любую минуту. Идя на встречу в кафе попрощаться, сразу после того как скажу «привет», я не ожидал увидеть ее. Я так беспокоился о встрече с парнями, что даже не учел того, что Уиллоу тоже может там быть. Опять-таки, почему она все еще работает там спустя пятнадцать лет?

Она была умной, очень умной на самом деле. Черт, она обучала меня математике, когда я был выпускником, а она студенткой второго курса. Она должна была бросить этот никудышный городок и никогда не оглядываться назад. Работа в закусочной и учеба во вторую смену не казались мне достаточно хорошей жизнью для такой девушки, как Уиллоу — поправочка — для такой женщины, как Уиллоу.

Она выросла, во всех местах, и я не был уверен, с какой стороны она мне нравилась больше. На работе ее темные волосы были собраны на макушке в небрежный узел. Ее фартук с надписью «Кафе «Гавань», как и рубашка, был испачканы. Сегодня же вечером, она оставила волосы распущенными, и эти длинные каштановые локоны спадали ей на спину. Она сменила свою футболку и фартук на нечто, что демонстрировало ее прелестную фигуру. Я думаю, что мне нравятся обе ее стороны. Она была самой сексуальной девушкой из всех, кого я видел за пятнадцать лет, а я видел множество.

Я вернулся домой из кафе и, наконец, распаковал свои чемоданы.

Существовало что-то в этих миндалевидных глазах цвета темного меда, открытых и игривых, что держало меня в плену и делало перспективу оставаться намного более сносной. Мне просто нужно продержать свое дерьмо в себе достаточно долго, чтобы иметь возможность нормально общаться с ней.

Не то, чтобы я мог это сделать.

Когда Уиллоу смотрела на меня, казалось, она видела все. Мои безумие, страдание и безысходность, все отражалось в ее глазах. Она точно знала, каким запутавшимся я был.

Но также я мог видеть нечто другое отражающееся в них. Она вспомнила парня, которым я когда-то был, такого невинного, нетерпеливого и полного жизни. Она смотрела на меня, как будто думала, что где-то внутри меня есть еще часть того ребенка, но я ведь знаю лучше. Он — мираж, который исчезает, как только ты достигаешь его.

Часть меня хотела скрыть все те ужасы от нее. А другая часть меня хотела обнажить все это, чтобы увидеть, сможет ли она помочь мне найти снова этого веселого и беззаботного парня.

Уиллоу

Я металась по всему дому, по пути хватая обувь и разбросанную одежду. Я забросила их в свою спальню, даже не глядя куда именно, и поспешно закрыла за собою дверь.

Кухня была рядом. Открытая коробка из-под хлопьев вернулась на свое место в шкафу. Я спрятала грязную посуду в посудомоечную машину, где ей самое место. Убрав все, я начала протирать столешницы и кухонный стол. Дом не получал столько внимания для Райана. Он бы съел пиццу поверх моих крошек, не жалуясь, и я ожидаю это от него. Но я не могу ожидать того же от Куинна.

Я бросила тряпку в раковину, надеясь, что кухня выглядела так, словно я всегда жила в такой чистоте, а не так, будто я пыталась произвести на него впечатление.

Стена по пути к входной двери была построена лично мною кирпичик за кирпичиком. Я подошла к двери, и в то же время раздался звонок в дверь. Я заставила себя сосчитать до пяти, прежде чем открыть ее. Ему не нужно думать, что я стояла у двери в ожидании его. Куинн был более возбужденным, чем после нашего разговора на стоянке, но это было не настолько плохо, как тогда, когда я нашла его с головой, прижатой к рулю.

Когда я поприветствовала его, весь внутренний конфликт, который он чувствовал, когда ступил на мое крыльцо, исчез. Он вошел в прихожую, обернутый слабым оттенком цвета морской пены, который представлял в моем воображении спокойствие, каким он и был. Пока Куинн снимал свою куртку, я позволила себе немного рассмотреть его. Он носил брюки-карго, которые вы можете найти в любом универмаге. Простая черная футболка красиво обтягивала его торс. Куртку он бросил на вешалку, по-видимому, военный образец. Сочетание всего этого говорило о том, что он прикладывает усилия, чтобы выглядеть как обычный гражданский, но не может полностью быть им. Солдат, он всегда солдат. Так ведь?

Он осмотрелся вокруг с неподдельным интересом.

— Я всегда думал, что это отличный дом.

— В самом деле?

— Когда мы были детьми, все думали, что этот дом с привидениями и что Дженис Крабтри была ведьмой, смешивающей зелья в подвале. Я никогда не верил в эту ерунду.

Я кивнула и проглотила ком в горле. Это был слух, увековеченный детьми из новой части города, где вырос Куинн. Но потому что я была из старой части города, я знала лучше. В доме не было призраков, и Дженис не была ведьмой. В Вудлэнд Крик просто не было такого понятия.

Были несколько волшебников, разбросанных в округе, хотя, и слухи о Дженис, смешивающей зелья в своем подвале были не далеки от истины. Не то чтобы она отрицала их. Наоборот, я всегда подозревала, что она покрасила свой дом в цвета зеленого лайма и фиолетового, чтобы подпитывать слухи. Старая викторианская чудовищность — в комплекте с круглой комнатой и башней — выглядела так, словно ведьма обязана жить здесь. Опыт научил меня, что зерно истины было в сердцевине каждого слуха, независимо от того, каким, казалось бы, нелепым он мог быть.

— Хм. Я уверена, что они, вероятно, говорят то же самое обо мне сейчас, — сказала я, смеясь.

— Нет, ты слишком красивая, чтобы быть ведьмой. Не то, чтобы Дженис была не красивая. Я уверен, что она другая, — добавил он быстро. — Она здесь? — его взгляд путешествовал вверх по парадной лестнице, ведущей на второй этаж.

— Нет. Она умерла несколько лет назад, — печаль с оттенком чувства вины захлестнула меня. Я была рада, что Куинн не страдал тем же недугом что и я, не мог чувствовать все эмоции слишком остро. Прошло почти шесть лет с момента сердечного приступа Дженис, а мне до сих пор ее страшно не хватало. — Ну, — сказала я, пытаясь сменить тему. — Мы можем поесть на кухне.

Я повернулась в ту сторону, но он остановил меня. Куинн посмотрел на свою руку, как если бы был удивлен тем, что прикоснулся ко мне, а выражение его лица и его прикосновение заставило мой желудок сделать сальто. На этот раз, самым лучшим образом.

— Мне так жаль, Уиллоу. Я знаю, что вы были близки, — меланхолия, которой веяло от него, соответствовала моей собственной.

Он слегка сжал мою руку, а потом я наблюдал за тем, как его рука опустилась. Я была уверена, что выражение моего лица было таким же далеким. Прошло много времени с тех пор как другой человек, не считая Райана, касался меня, и еще больше с тех пор, как кто-либо заставлял мое сердце сбиваться с ритма и биться быстрее, как это сделало прикосновение Куинна. Я провела его через дом, борясь с желанием схватить его за руку и переплести со своей, просто так я смогла бы снова прикоснуться к нему.

— Я знаю, что люди думали, что Дженис и я не ровня. Они не могли понять, почему я хотела болтаться с кем-то на пятьдесят лет старше меня, но она была одним из моих лучших друзей.

— Нет никаких правил, когда дело доходит до друзей. К тому же, даже у ведьм есть семья, не так ли? — он рассмеялся на то, что он до сих пор считал абсурдным понятием. — Я думал, что она была тетей или кем-то вроде, так как ты всегда была здесь и помогала ей в кафе.

На кухне я взяла пиццу из его рук и положила на стол. Вытащив несколько тарелок из шкафа, я поставила их рядом с пиццей.

— Мы были семьей во всех отношениях, что имело значение. Я была единственной, кто у нее был, и когда она умерла, она оставила мне дом, потому что она знала, что я любила его.

Он недоверчиво посмотрел на меня.

— В самом деле? Она отдала тебе свой дом?

— И кафе тоже, хотя я думаю, она считала, что это плата за старый долг, — я открыла дверцу холодильника. — Пиво?

— Не откажусь. Какой долг?

Я нырнула с головой в холодильник.

— Спасибо за то, что забрал пиццу, — сказал я, меняя тему. Я уже и так сказала слишком много. Если я продолжу в том же духе, он узнает все мои секреты, прежде чем мы расправимся с обедом, и я была бы в куче неприятностей.

— Не проблема.

Я достала из холодильника два пива и повернулась, чтобы обнаружить, что он стоит позади стула, который он выдвинул от стола. Он жестом предложил мне сесть. Только после того, как я присела, он последовал моему примеру. Затем, во втором акте галантности, Куинн потянулся через стол и открыл мое пиво, прежде чем открыть свое собственное.

Взволнованная, я раскрыла коробку с пиццей и указала ему жестом, чтобы он взял кусочек.

— Надеюсь, ты не против колбасы и грибов. Я заказала ее для Райана, прежде чем узнала, что он не придет.

Его глаза затуманились, и я подумала, пицца с колбасой и грибами сделала их зелеными или упоминание о Райане.

— Она выглядит хорошо, — сказал он нейтральным тоном, не выражая эмоций.
— Я довольно много ем. И перестал быть разборчивым многие годы назад.

— Там была плохая еда?

— Она удовлетворяла потребности, это то, что было необходимо. Так что за проект на сегодня? — сказал он, быстро меняя тему, очевидно, не желая говорить о своем времени на службе, также как я хотела бы поговорить о своих неравных отношениях с Дженис.

Я думала о ванной, которую хотела сделать в первую очередь, и задача вдруг показалась слишком большой и трудновыполнимой. Я не должна была, никогда даже не думала о том, чтобы просить его помочь.

— Ну, Райан собирался помочь мне демонтировать ванную наверху сегодня, — сказал я, мой голос был робким и застенчивым. — Но я на самом деле не ожидаю, что ты мне поможешь. Это ведь очень большой объем работы.

Он кивнул, задумчиво жуя.

— Итак, ты делаешь ремонт.

— Да, мы уже закончили первый этаж.

Он оценил кухню.

— Я могу сказать, что здесь все выглядит очень хорошо. Ты сделала все это в одиночку?

— Я нанимала кое-кого, чтобы сделать эти столешницы, но мы сделали шкафы и полы сами.

— Это какой-то камень? — спросил он, указывая на блестящие, бронзовые столешницы.

— На самом деле, это полированный бетон. Я волновалась, что гранит или мрамор могут показаться неуместным здесь. Слишком фантастично для этого дома, если ты понимаешь, что я имею в виду?

Он кивнул, но пожал плечами.

— Я ничего не понимаю в декоре, но как по мне кухня выглядит хорошо.

— Я тоже не понимаю. Я учусь по ходу дела. Я действительно хотела улучшить здесь пространство и установить встроенную микроволновку, — я с грустью посмотрела на уродливую микроволновую печь, стоящую на столе. — А то это уродство занимает ценнейшее пространство столешницы, которое мне нужно, когда я пеку пирожки.

Что-то промелькнуло в его глазах при упоминании пирогов.

— Так исправь это.

— Никак. У нас заняло три года, чтобы сделать все это. Я не хочу возвращаться сейчас на исходную.

— Почему так долго?

— Мы открываем кафе в пять утра каждый день, и у меня есть занятия почти каждый день после обеда. По вечерам, мы можем немного поработать, но я также должна составить специальное меню на следующий день. А еще я стараюсь помнить, что у Райана тоже есть собственная жизнь. Его девушка оставляет кучу сообщений на ответчике, если он проводит здесь много времени, — технически, дятлы не кричат так пронзительно громко, когда щебечут, но это сравнение все-таки заставило меня захихикать.

— У него есть девушка? — на его губах появилась полуулыбка, хотя я едва могла видеть сквозь щетину на его лице.

Бородка Куинна не была оставлена ради стильного образа по версии «Самый сексуальный» на страницах журнала «People». Щетина была, по крайней мере, четырех- или пятидневной, помимо этого, выглядела не как я-побрился-так-чтобы-выглядеть-

притворно-грубо, а как я-не-страдаю-подобным-дерьмом. Кажется, именно этой категорией. И вот опять у меня появилось неловкое желание протянуть руку и прикоснуться к нему.

Я подавила его и вместо этого положила на каждую из наших тарелок по куску пиццы.

— Да, ее зовут Ванесса Бёрдвэлл. Она моложе меня и тебя. Ты, наверное, не помнишь ее по школе.

Он покачал головой.

— Колокольчики не звенят. А с кем ты встречаешься? Я его знаю?

Я покраснела. Если верить тому, что сказал мне Райан, то Куинн был так же заинтересован во мне, как и я в нем. Зная это, я ощущала некое душевное спокойствие. Нам не нужно было играть в догадки нравлюсь-я-ему-или-нет, но зная это, я все равно волновалась и нервничала.

— У меня сейчас нет парня. Я встречалась с твоим другом, Тимом, несколько лет назад.

Хотя выражение лица Куинна ничего не выражало, вспышка темно-зеленого, древесного, ослепила кухню, переворачивая мой желудок, вызывая тошноту. Я чувствовала, как Куинн боролся с желанием перевернуть кухонный стол и впечатать кулак в стену, но я надеялась, что он этого не сделает. Ни одному из нас не нужно, проделывать дыры в моих свежекрашенных и текстурированных стенах. И, конечно же, Тим Рейборн не заслуживает такой реакции.

— Ты позеленела, — сказал он.

На краткий миг я была в замешательстве. Может быть, он тоже может видеть радугу Диаборна? Может быть, это было не только в моей голове? Текла ли магия в его венах, была ли в крови?

— Что ты имеешь в виду? — я была осторожна, но не теряла надежду. Если он также мог видеть, что ревность висит в воздухе, я бы расцеловала его и спросила, знал ли он, почему для меня так трудно быть рядом с ним, хоть это было всем, чего я хотела.

Покружив пальцем в воздухе, он указал на мое лицо.

— Твое лицо. Оно было зеленым в течение секунды, — он выглядел озадаченным.

— Сейчас же выглядит нормально. Виною тому пицца или Тим?

— Должно быть пицца, — я оттолкнула ее и сделала глоток пива, чтобы скрыть свое разочарование. Я была рада, что не выставила себя дурой и не спросила его о радуге, которую он проецирует. — Я была с Тимом давно, и поверь мне, недолго. По какой-то причине, меня тянет к мужчинам, с которыми у меня не много общего.

— Он не подходит для тебя, — от окончательного тона его голоса я растерялась.

— На самом деле я довольно быстро поняла это. Но почему ты говоришь мне об этом?

— Он никогда не относился хорошо к девушкам в средней школе, и не кажется, что он сильно изменился.

— Мы живем, и мы учимся, не так ли? — я встала и пошла к холодильнику за еще двумя бутылками пива, радуясь тому, что тошнота прошла так же быстро, как и возникла.

Опять же, Куинн протянул руку и открыл обе наши бутылки, начиная с моей.

— Должен ли я надрать ему задницу? Я так понимаю, не исключено, что стоит.

Я засмеялась.

— Нет. Я в силах позаботиться о себе, но большое спасибо. К тому же, он твой друг.

— Был моим другом. В субботу был первый раз, когда я видел его со средней школы, и если он плохо относился к тебе, то моим единственным желанием относительно него прямо сейчас будет пинать его задницу, — я оперлась подбородком о свой кулак и поерзала на стуле. Я, конечно, не была против, но это было жестоко. — Женщины всегда были нашей проблемой, — продолжил он.

— Похоже, что есть хорошая история об этом.

— На самом деле, нет. В средней школе мы всегда боролись за девчонок. Думаю, что на самом деле он знал о моих чувствах к тебе.

Мое сердце гулко забилось груди. Я не решалась говорить, или я бы выдала, что у меня всегда был на счет него пунктик.

— Смотри, ты удивлена, — продолжил он. — На той неделе, когда ты обучала меня, были осенние танцы. Помнишь?

Я не помню танцев. Он был всем, что я помнила об этой неделе.

— У тебя была девушка, — все, что я могла сказать.

— Мы расстались за неделю до этого, и мне нужна была пара. Я собирался просить тебя, но всю неделю, ты говорила, что чувствуешь себя нехорошо. И в итоге, ты не пришла в школу в пятницу, так что я подумал, что ты заболела.

Эту часть я вспомнила. Я не была больна, хотя чувствовала тошноту ночью. Дженис напоила меня каким-то травяным чаем, начав лечить меня немедленно. Я остался дома в пятницу без уважительной причины. Если бы я пришла тогда на учебу, то Куинн пригласил бы меня на свидание?

Внезапно до меня дошло, что возможно он был причиной моего недомогания. Что делать, если это было тем, что я теперь называю «эффект Диаборна», и я просто не знала этого в то время?

— Кого ты пригласил? — спросила я благодарная, что слова не звучали так, словно я задыхаюсь, ведь именно так я чувствовала себя сейчас.

— Я пошел один, — его губы изогнулись в менее счастливую улыбку. — Но я видел Ханну там, конечно. Мы помирились, а потом, окончив школу, снова расстались.

Сожаление охватило мое сердце, связывая и сжимая его.

Я не знала, что сказать. Я хотела спросить, сожалеет ли он из-за того, что пошел на танцы один или того, что помирился с Ханной. Но что, если все было сложнее, чем я думала? Потому что вскоре после того, как он уехал из города, а затем в его отсутствие, она вышла замуж за его друга. Может быть, его сожаление было глубже, чем из-за танца с кем-бы-то-ни-было. Может быть, он сожалеет о потере Ханны.

Это было проклятие — жить со знанием того, что он чувствовал, но не понимать из-за чего. Что еще хуже, мне не следовало знать о его сожалении. Я была окном в его душе, но он не озвучивал этого. Если бы он хотел, чтобы я знала о его чувствах, то рассказал бы об этом сам.

— Я полагаю, все происходит по какой-то причине, — предложила я, не зная, что бы еще сказать. Это был дрянной, обобщенный ответ. Что-то из того, что ты говоришь кому-то, когда не можешь придумать ничего лучше.

— Может быть, — сказал он, улыбаясь. — Но это заставляет задуматься, не правда ли? — мое сердце остановилось, и я затаила дыхание, ожидая его продолжения. — Что случилось, если бы ты не приболела, и я вместо этого пригласил тебя? Что случилось бы тогда?

«Я бы сказала «да»! Я бы из кожи вон лезла, но ты бы не уехал. Ты бы играл в футбол за какой-то колледж, а я бы болела за тебя, сидя на трибунах. И сегодня мой фиолетово-зеленый дом был бы заполнен множеством маленьких Куиннов».

Конечно, я не очень верю, что что-либо из этого оказалось бы правдой. Один маленький танец не изменил бы ход всего, что произошло потом. Или изменил бы? Я знала, что могла спросить гадалку, но понимала, что свою судьбу изменить не в силах. Я не нуждалась в своих собственных сожалениях, когда Куинн уже заставлял меня задыхаться своими.

Он оттолкнулся от стола и встал.

— Почему бы тебе не показать мне ванную комнату? Мне кажется, я получу наслаждение от сегодняшней работы.

— Этот кусок реально еле держится, — я подцепила ломом плинтус и поморщилась, когда под давлением затрещал гипсокартон. — Ой-ой.

— Хорошо, что ты захотела заменить и это тоже, — сказал Куинн со смехом.

— Большая часть уже отломалась, но я не могу до конца его сломать.

— Позволь мне помочь, — он ловко маневрировал в пространстве рядом со мной, сел на корточки и взял лом в свои руки. — Здесь довольно уютно, не так ли? Я чувствую, что уже знаю тебя намного лучше, — он подмигнул, расплавляя мои внутренности.

Эта ванная комната была одной из самых маленьких. Мое затяжное чувство вины за предложенную мне помочь побудило меня выбрать ее вместо большего размера ванной дальше по коридору. Я пыталась дать ему передышку, но получила бонус для себя. Весь вечер, мы практически работали друг на друге. Боролись инструментами. Отряхивали спины от известки. Каждое прикосновение посыпало электричество сквозь меня. Мне было известно о каждом его движении, и вскоре я обнаружила, что управляю нашими столкновениями, а не пытаюсь избежать их.

— Держись за этот конец. Тебе просто нужно немного дополнительных мышц. Я схватилась за свободный конец лома.

— Поняла.

Так как Куинн поднял тему мышц, я решила, что он вроде как дал мне разрешение поглязеть на него. В то время как он протолкнул лом под доску, я смотрела на его руки и плечи. Каждый дюйм его мышц изгибался и натягивал футбольку, когда он двигался. Я задавалась вопросом, как он будет выглядеть без рубашки. И была абсолютно уверена, что великолепно.

— Я собираюсь загрузить этот большой снаряд в кузов своего грузовика, если у тебя на нем нет других планов, — сказал он.

Прежде чем я успела ответить, он оттолкнулся назад. Это тут же нарушило мое равновесие и откинуло меня назад. В итоге я очень не привлекательно приземлилась на задницу. Куинн тут же оказался рядом. Что не трудно сделать в комнате такого размера.

— Ох, вау. Я не хотел сбить тебя с ног.

«Забавно. Это все, что ты только и делал с момента прихода в мою закусочную».

— Я в порядке, — сказала я, смеясь.

Он предложил мне руку, и я приняла ее. Он потянул меня на себя, и снова мы оказались практически друг на друге, только переломанные доски на несколько дюймов разделяли нас. Изумрудные глаза сверкали, оглядывая меня сверху вниз. Статья в газете определенно не отдавала им должное. Они были такого же глубокого цвета, как я и запомнила. Его грудь поднималась и опускалась, а мое дыхание перехватило.

Его взгляд упал на мои губы, а мои и без того расплавленные внутренности охватило огнем. Он хотел поцеловать меня. Я видела это в его глазах, в том, как дернулись его губы. Прямо сейчас в комнате я ощущала малиновый цвет его желания. Его желание. Я задавалась вопросом, какого цвета будет мое, если оно имело цвет.

— Разве это нормально? — спросил он. Его челюсти щелкнули под всей этой порослью щетины.

«Как это будет? Будет ли это грубо? Неуклюже? Оставит ли след на моем лице?» Я хотела выяснить.

— Да, — ему не нужно спрашивать разрешения, чтобы поцеловать меня.

— Значит, у тебя нет никаких планов на дерево? — спросил он.

Ну, а теперь... это было вполне ожидаемо, но опять-таки, технически, я уже попросила его выйти за меня. Я засмеялась, фыркнув от этой мысли, а уголки его губ дернулись вверх, как если бы он прочитал мои мысли.

— Да, — пробормотала я, все еще глядя на его рот. У меня были планы на эти доски. *«Сделай это. Поцелуй меня».*

К моему огромному и полнейшему разочарованию, вместо этого Куинн отошел от меня, выйдя в коридор.

— Так что, мне не стоит увозить всё это? — спросил он, указывая на груду деревяшек, накопившуюся там.

Мои щеки вспыхнули достаточно ярко, чтобы конкурировать с цветом комнаты. Я была уверена, что не неправильно поняла его эмоции, хотя я, вероятно, неверно истолковала его слова. Я смущенно отвернулась, радуясь, что он не мог читать мои мысли или эмоции прямо сейчас.

— Я могу использовать их как дрова.

— Хорошая идея. У тебя есть куда сложить это?

— За домом.

— Отлично. Тогда я отнесу все это вниз.

Было бы замечательно. Спасибо, — раздосадованная, я взяла кувалду и замахнулась на стену. Отверстие в гипсокартоне мгновенно заставило меня чувствовать себя лучше. По словам Райана, я нравилась Куинну, и мой эмоциональный барометр подтвердил это. Тем не менее, он упустил прекрасную возможность поцеловать меня. Смущенная, я сделала еще одну дыру в стене.

Он ушел давно, возможно с трудом находя поленницу (*прим. полénница — представляет собой сложенные как правило штабелем дрова*), и к тому времени, когда Куинн вернулся, целая стена отсутствовала. Через несколько часов, вся комната была вынесена. Старые шкафы и светильники были загружены в кузов грузовика Куинна для того, чтобы их вывести прочь. Мы разрушили стены до самого пола, и теперь у меня был целый список вещей, которые нужно заказать из лесного склада на следующий день.

После нашего неловкого момента, я провела большую часть времени, разговаривая, болтая о тех, кого он мог бы знать, и рассказывая о том, что произошло, пока он был далеко. Он, я полагаю, довольствовался разрушением плитки во время моей болтовни.

Когда мы, наконец, развалились в гостиной — я на диване, а Куинн в моем любимом кресле, мы оба были вымотаны.

— Я так устала, — я вздохнула.

Куинн провел рукой по волосам. Темные круги под глазами стали еще больше, чем раньше.

— Я грязный и, наверное, не должен даже стоять рядом с твоей мебелью, — сказал он, проводя руками вниз по подлокотникам кресла.

Я засмеялась.

— О, пожалуйста. Я не лучше. К тому же, я намеренно выбрала всю мебель, чтобы та была супер прочной.

— Итак, какой у тебя план для этого места? Очевидно, что ты что-то задумала.

Я кивнула, широкая улыбка расползлась по моему лицу. Я наклонилась вперед, схватила журнал с журнального столика и бросила на его колени.

Он нахмурился, изучая заснеженный дом на обложке.

— Журнал «В мире достопримечательностей» (*прим. «В мире достопримечательностей» — это пособие по туристическим маршрутам, впервые изданное в 2014 г. Каждый туристический маршрут охватывает церкви и часовни по всему северу от Кередигиона графства Уэльс, каждый со своей историей?*)

— В колледже я посещаю занятия по гостиничному и ресторанному бизнесу.

— Ты хочешь превратить этот дом в отель? — спросил он, быстро переворачивая страницы.

Я проглотила комок в горле. Райан был единственным человеком, которому я рассказала о своей мечте. Конечно, я еще не сделала это достоянием общественности. В этом городе уже есть одна гостиница, так что я не была уверена, насколько хорошо моя идея будет принята; не то, что бы кто-то сможет отговорить меня.

— Гостиница типа «Кровать и завтрак», если быть точной.

— О, да, — сказал он кивая. — Этот дом идеально подходит для этого. Это, конечно, достаточно хлопотно. Что у тебя есть — четыре номера для сдачи в аренду?

Ранее этим вечером, я провела ему экскурсию по всему дому, кроме моей комнаты на первом этаже и подвала. В моей комнате был беспорядок от быстрой уборки, перед его приездом, а подвал все еще был полон очень эксцентричными вещами Дженис. Шары, кубики, кинжалы и котлы. Баночки с содержимым, которое меня слишком пугало, чтобы об этом думать. Такие вещи, как черепа, ладан, горянка крупноцветковая, шанда обыкновенная, драконова кровь (герань Роберта) и тому подобное. Я не знала, что она делала с этими ингредиентами, и не знала, как избавиться от них.

В конце концов, я должна была пройти через это все потому, что у меня были планы и на цокольный этаж тоже, но придется подождать, пока я не закончу с остальной частью дома. Честно говоря, как не странно, я не спешила избавить дом от последних оставшихся следов Дженис.

— Есть четыре комнаты, которые ты видел наверху. Еще квартира над гаражом. Дженис построила ее для меня, после того как я окончила среднюю школу. Она старела и думала, что это хорошая идея, иметь кого-то рядом. Мне нужно было уйти из дома, так что в то время это имело смысл.

Он кивнул, словно о чем-то размышляя.

— Я это понимаю. Однажды, безусловно, наступает момент, когда ты становишься довольно взрослым, чтобы больше не жить со своими родителями.

— Это обычная комната, ничего фантастического. Если там навести блеск, ее можно использовать, как еще один арендаемый люкс.

— Там есть собственная ванная?

— Да. У меня есть две идеи, и я действительно не могу определиться, как лучше поступить. Но еще есть время, чтобы думать об этом, потому как это самый долгий ремонт в истории.

Куинн глубже сел в кресло, удобно устраиваясь.

— Оставь это мне.

— Хорошо, слушай первую мысль. Помнишь ли ты настольную игру Clue (*прим. Cluedo, или Clue в США* — настольная игра для трёх-шести человек, в ходе которой имитируется расследование убийства. Игровое поле представляет собой план загородного особняка, в котором произошло преступление. Необходимо выяснить кто, где и чем убил хозяина дома — доктора Блэка (мистера Бодди в США). Под подозрением находится каждый гость особняка — игрок)?

— Конечно. Я играл в нее с моей мамой, — его губы скривились в улыбке. — Полковник Мастрард, в библиотеке, яdom.

— Точно! — эта идея меня особенно волновала. — У меня тоже была эта игра, когда я была ребенком... хотела бы я и сейчас ее иметь. Во всяком случае, я слышала о подобного типа гостинице в Луизиане, в которой каждый вечер проходит Clue-тематический костюмированный ужин.

Он выглядел смущенным.

— Что это вообще значит?

— Я думаю, что я накрою пятизвездочный ужин, а затем гости получат возможность разыграть игру. Один человек назначается в качестве жертвы, а все остальные являются потенциальными убийцами.

Он посмеялся.

— И так как все в городе уже думают, что в этом доме не покоя...

— Правильно. И, может быть, со временем, местные жители тоже будут бронировать столики. Чем больше, тем лучше.

— Я думаю, что это отличная идея. Что еще?

— Хорошо, еще один вариант — украшения каждой из спален на верхнем этаже на разную тему. Я думала, быть может «Сказочный лес» и «1000 лье под водой». Может

быть, русалки. Звучит глупо, когда я говорю это вслух, но все же, — я вдруг снова очень занервничала. Единственным человеком, которому я высказала свои идеи, был Райан, и он был вроде как «за» обе, но на самом деле не имел представления об этом. Он должен был бы увидеть, чтобы на самом деле понять.

Куинн наклонился вперед и сцепил руки вместе.

— Это звучит совершенно не глупо, и почему бы и нет?

— И? — я спросила, сбитая с толку. Я не думала об этом.

— Почему нет? Все спальни находятся на втором этаже, а все номера, необходимые для Clue находятся на первом этаже, правильно?

— Да? Ну, я уверена, в оригиналке игры в качестве одной из игровых комнат была спальня. Единственная спальня на первом этаже моя, и я действительно не хочу, чтобы гости каждую ночь проходили через мою комнату.

— Хм, да. Это проблемно, но такая классная идея. Это определенно отличается от всего остального в городе.

— Ну, в городе есть только одна гостиница, так что не трудно будет выделиться. Думаю, туристам и студентам понравится, — я не сказала ему, что думала, что это также может быть популярным среди неких более эксцентричных особ этого города.

— Я тоже так думаю, — он снова откинулся в кресле, глубоко задумавшись. Внезапно комната засветилась светло-розовым и ярко-оранжевым цветами, и мои нервы загудели. — Ты могла бы сделать комнату в стиле Арабской ночи и установить парящую как волшебный ковер кровать. Еще одна комната может быть оформлена на тему джунгли с чучелом медведя в углу.

Я скрыла дрожь. Это было так волнующе — чувствовать Куинна. Я не хотела отбить у него охоту, но таксiderмия всякого рода была вне рассмотрения (*прим. таксiderмия — способ изготовления чучел животных, основой при котором является шкура животного*).

— Никаких медведей, но я не исключаю идею с ковром. Мне нужно обстоятельно изучить вопрос, как осуществить эту идею.

— В этом я могу тебе помочь. Теперь, тебе нужна всего лишь еще одна тема.

— Две. Есть еще гараж, — напомнила я ему. — Может быть, я могла бы переселиться в гараж, но чувствую, что это будет недостаточно близко к гостям.

— Хорошо. Несколько проблемно в исполнении, но все еще выполнимо.

Я молчала, позволяя ему вести коллективное обсуждение еще немного. Что бы он ни надумал, это не расстроит ни одного из нас.

— Ты все еще будешь держать кафе, не так ли? — наконец спросил он.

— Конечно. Я люблю кафе и должна же где-то готовить гостям, так ведь? А то, что оно расположено так близко, я думаю, это очень удобно. Я могла бы переименовать его.

— Как на счет «Подсвечники Инн или Револьвер-кафе»?

— О, Боже мой, мне нравится. Придержи эту мысль на секунду, — я встала и прошла короткое расстояние до лестничной площадки. Я распахнула дверь, чтобы обнаружить руку Райана, зависшую в воздухе, чтобы постучать. Гастон, русская голубая кошка Дженис, извивался у его ног, прежде чем исчезнуть в доме.

— Я ждал тебя достаточно долго. Я уж подумал, может быть, твой Рай-дар сломался. Черт возьми, с состоянием, в котором я нахожусь, ты должна была почувствовать, что я приближаюсь еще за милю.

Я прижала палец к своим губам и зашипела на него.

— Тссс. У меня компания.

Его глаза сузились, и он принюхался.

— Кто? Теперь, когда ты сказала об этом, я чувствую из этого дома странные вибрации этим вечером.

— Проходи, сам увидишь, — сказал я, стараясь не проговорить имя моего гостя в моей голове.

В гостиной, Райан коротко кивнул Куинну.

— Диаборн. Рад снова видеть тебя, — потом он повернулся и посмотрел на меня, давая знать, что он на самом деле думает о его нахождении здесь.

Куинн пробормотал приветствие, когда Райан сел рядом со мной на диване, гораздо ближе, чем это было принято у нас.

Комната была полна агрессии, и я нашла это любопытным. Райан не вел себя так, как правило, и территориально не мог претендовать на меня так или иначе, и Куинн... ну... я не знала, что с ним делать. Я не знала его достаточно хорошо, даже чтобы рискнуть предположить.

— Куинн помог мне демонтировать первую ванную комнату наверху, — сказала я, заполняя неловкое молчание.

— Да? — Райан повернулся к Куинну и осмотрел его.

Куинн казался безразличным.

— Она сказала, что ты будешь занят сегодня, так что я решил помочь.

Райан удостоил его поклоном, и я почувствовала, что его неодобрение немного уменьшилось.

— Слушай, Уилл. Я очень сожалею, что подвел тебя. Но у меня был адский вечер.

— Что случилось? — спросила я.

— Я провел вечер в «Птичьем озере» с Несси.

Оххх. Вот как. Поездка в самый дорогой ресторан города может означать только одно: изменения были на горизонте. Райан мог пригласить ее туда, только чтобы обсудить нечто значимое. Это может означать только одно.

— Так ты спросил ее?

Его лицо исказилось в неверии.

— Нет, она меня пригласила. И это *она* просила меня.

— Поужинать? — спросила я с надеждой.

Он фыркнул.

— Нет, жениться на ней.

— Она сделала тебе предложение?

— Ага. Я был в шоке, как и ты сейчас.

Я засмеялась.

— Я предполагаю, что она устала ждать. Я должна отдать ей должное. Для такой маленькой птички, у нее большие яйца, — она, очевидно, не заботится о чувствах своей семьи по отношению к ней. Я не была уверена, что чувствую по этому поводу. Я хотела бы быть впечатлена, но это вызовет множество проблем для Райана. Несмотря на это, я должна поблагодарить ее. Она все сделала правильно.

Райан коротко посмотрел на Куинна, взвешивая что-то, а потом небрежно пожал плечами.

— Думаю, так или иначе, в ближайшее время об этом узнают все. Она беременна.

Я вскочила с дивана и зашагала по комнате, пытаясь оставить между нами большее расстояния, насколько это возможно. Напряженно, я смотрела на него сверху вниз.

— Повтори.

Куинн тоже встал и прошел в середину комнаты.

— Я должен идти. Вам, ребята, нужно поговорить.

— Это вышло случайно, — сказал Райан, игнорируя его. — Я не хотел, чтобы так случилось.

— Катастрофа на мою задницу. Существуют вещи, не подходящие под категорию «несчастный случай», это не случайности, а акты тупости.

Райан вскочил и указал пальцем на меня, прожилки фиолетового и лилового мгновенно залили комнату, Куинн отреагировал так же.

Злость. Разочарование. Стыд.

Три конкурирующих состояния ума сразу же атаковали меня. Я не могла сказать, где заканчивалось одно и начиналось следующее. Какое из них было моим? Была ли я зла или

разочарована? Молнии жгучей боли пронзили мою голову, и я рухнула на стул в углу. Мгновенно, Куинн оказался передо мной, стоя на страже между Райаном и мной.

Если бы мне не было так плохо, я бы удивилась. Я знала Райана лучше, чем свои пять пальцев. Мы понимали, что были похожи, будучи иными. Наши споры часто раскалялись, но с ним я никогда не была в опасности. Даже если он оборачивался, я была в безопасности. Того же самого нельзя сказать о Куинне. Он не имел ни малейшего представления о том, каким опасным может быть Райан. Тем не менее, он был здесь, стоя на страже, закрывая меня собой.

Райан отступил первым, откинувшись на диван. Я знала, что он только что вытащил что-то из головы Куинна, и это изменило мнение Райана о нем. Я видела это во вспышке в глазах Райана. Я почувствовала, как его неодобрение превратилось в нечто более созвучное к принятию.

Он посмотрел на Куинна, когда заговорил, выражение на его лице было чем-то средним между удивлением и благоговением.

— Я бы ни за что, никогда не причинил ей боль, мужик. Никогда. Тебе не следует беспокоиться об этом.

Они смотрели друг на друга с минуту, как будто имея тихий частный разговор, к которому я не была допущена. Я знала, что это было не совсем справедливо, ведь только один из них знал, что думает другой, но Куинн, казалось, неплохоправлялся.

Я могла бы попросить Райана кратко рассказать мне мысли Куинна завтра на работе, но я не стану. Мне уже слишком сильно нравился Куинн, чтобы нарушить его личную жизнь таким образом. Что бы ни думал обо мне Куинн — или что-либо вообще, если на то пошло, — я хотела бы, чтобы он рассказал мне сам. Пересказ никогда не будет достаточно достоверным.

Их противостояние закончилось, и Райан повернулся ко мне. Он покачал головой, прежде чем уронить ее в свои руки и провести пальцами по волосам. Слезы появились в моих глазах, мое горе отражало его.

— Я не думаю, что должен был беспокоить тебя этим, Уилл. Кто-то должен встать на мою сторону, и мне нужно, чтобы это была ты.

Я посмотрела на его опущенную голову и опустившиеся плечи и растаяла.

Он станет папой.

Ему уже почти тридцать лет. И теперь у него есть кто-то, кто заботится о нем. Несси может быть не мой выбор, но он определенно был в лучшем положении, чем я. Единственный парень, которого я привлекала, теперь даже не смотрит в мою сторону.

У меня был только кот — даже не мой собственный кот, так как я унаследовала его со всем остальным, чем владела. Я была обречена стареть; одинокая дева в доме, полном незнакомых людей... и это лишь в том случае, если моя идея будет успешной. Райан, хотя... теперь у него есть семья.

Я потерла виски и выдавила улыбку, невзирая на головную боль.

— Конечно, я на твоей стороне. Что мы делаем дальше?

— План свадьбы?

— Какая свадьба? — из-за двойственной натуры, как правило, играли две свадьбы — на одну они могли пригласить своих человеческих друзей, а другая проводилась для их ближайших родственников и стаи или клана, в зависимости от обстоятельств. Последний вариант был церемонией, которая требует обмена клятвами между женихом и невестой сначала в человеческой форме, а затем в измененной форме. Церемонию вел, как правило, лидер группы. В случае Райана, это означало, что это будет его дед. Его родители также играют определенную роль, поэтому без поддержки его семьи, не было бы никакой такой церемонии, и они останутся незамужними в глазах тех, кто для них важнее всего.

— Ее не заботит то, что она забеременела. Она хочет старомодную свадебную церемонию с фуршетом после клятвы, — сказал он, отвечая на мой вопрос.

— О. Где? — в Вудлэнд Крик был небольшой выбор мест, где можно сыграть свадьбу, к примеру, в зале общественной библиотеки или актовом зале университета.

Райан опустил голову и поморщился.

— Я как бы сказал ей, что мы могли бы сделать это здесь.

Я сузила на него глаза.

— Райан! Дом далеко не готов к гостям, не говоря уже о приеме.

— Когда? — спросил Куинн, показывая внезапный интерес к трудностям Райана

— Через шесть или семь недель, но это же прекрасно, Уиллоу. Подумай об этом как о рекламе для народа, возможности увидеть великолепие того, что приходит в Вудлэнд Крик.

— Во дворе? — спросила я с надеждой.

Он выглядел раздраженно.

— Через шесть недель будет очень холодно.

— Мы установим палатки и те подогреватели. И лебедей, — я подумала об одном из любимых мною в детстве фильмов. Там было именно так, и так я всегда представляла свою собственную свадьбу. Не было ничего более романтичного, чем лебеди.

— Ты такая странная, — сказал он, смеясь. — Мы не знаем никаких лебедей.

— Правда, — я украдкой взглянула на Куинна, чтобы увидеть, понял ли он намек Райана о двусмысленности, но Куинн, казалось, был погружен в собственные мысли.

Я была просто благодарна, что то, о чем он сейчас думал, не влияет на меня. Я была слишком обессиленной, чтобы даже попытаться вновь возвести стену. Подозреваю, что этим уничтожила бы остаток вечера, и сейчас было бы неплохо, если все мы поладим.

— На самом деле, я сказал Несси, что мы могли бы устроить свадьбу здесь, и она могла бы сойти вниз по лестнице. Она хочет торжественный выход.

Я закатила глаза. Конечно, она хочет.

— Что будем делать, если кто-то захочет подняться наверх? Нет ни малейшего шанса, что мы завершим ремонт за шесть недель.

— А было бы круто. За семь.

Я посмотрела на Райана.

— Я могу помочь, — вставил Куинн.

«Ох, парень». Я не была уверена, что чувствовала на счет этого. Без вариантов, я не могу провести следующие шесть недель, провалившись больной. Опять же, я совершенно не беспокоилась об этом, когда мысленно умоляла его поцеловать меня наверху. Когда дело касалось Куинна, я постоянно была в состоянии растерянности, разрываясь между нуждой находиться от него на расстоянии и желанием притянуть его как можно ближе.

Я оторвала взгляд от Куинна, чтобы обнаружить хмурого Райана, глядящего на меня, наверное, потому что я только что призналась, что хотела, чтобы Куинн поцеловал меня наверху. Он должен был понять, что я не могла принять предложение Куинна.

— Это очень мило с твоей стороны, предложить, но я не могу просить тебя сделать это. К тому же, я уверена, что у тебя есть более важные дела.

Он пожал плечами.

— По правде говоря, нет.

— И я не могу позволить себе платить тебе много... в общем.

Неожиданно Райан сказал:

— Я могу поручиться за это. Она злоупотребляла мною в течение нескольких месяцев, но Уилл будет хорошо кормить тебя и обеспечит пивом, — я сузила на него глаза. Почему он вдруг так поддерживает эту идею?

— Этой оплаты для меня достаточно. Так или иначе, мне еще нельзя возвращаться к работе.

— Почему?

— Медицинские причины.

Что обеспокоило меня.

— Если ты все еще выздоравливаешь, то это, безусловно, плохая идея. Я не хочу, чтобы ты причинял себе боль.

Я могла чувствовать, что он закрываются от меня.

— Ничего подобного. Это будет полезно для меня. По крайней мере, позволит мне отлучаться из дома моей мамы на несколько часов каждый день.

— Похоже, идеальное решение, — сказал Райан, — потому что мне нужно, искать реальную работу.

Я вошла в пристальный режим.

— Ты даже не собираешься помогать? — я собиралась всыпать ему за это в следующий раз, когда увижу и когда Куинна не будет рядом.

— Я помогу, но собираюсь подрабатывать по вечерам. Скоро у меня будет ребенок.

— Ты понимаешь, что ты боль в моей заднице? — спросила я его, прежде чем перейти к Куинну. — Ты в этом уверен?

Он радостно кивнул.

— Я начну завтра.

Мне не нужна помошь Райана в том, чтобы узнать, были ли истинными намерения Куинна. Я пожевала внутреннюю сторону своей щеки, обдумывая его слова. Если бы я могла оставаться на ногах, когда он был рядом, это сработает для всех. Ванесса получит свою свадьбу, и Райан получил бы свое спасение. В отличие от Куинна, который получит лишь возможность ежедневно приходить сюда, что кажется важным для него. А я могла бы открыть гостиницу на годы раньше, чем планировала.

Это сработает.

Возможно.

Глава 6

Уиллоу

Автомобиль Куинна был припаркован за домом — стоял перед гаражом так, будто он принадлежал этому месту. Этот вид наполнил меня одновременно и опасением, и возбуждением.

Вся эта ситуация еще не чувствовалась как начинающееся бедствие, но как я могла сказать нет? Райан не оставил мне иного выбора. Он собирался нанять кого-то на полный рабочий день, чтобы успеть подготовить дом к свадьбе, которая состоится через семь недель.

Хоть это должно быть проблемой Райана, я знала, что он не справился бы в одиночку. Сегодняшний день он провел, прочесывая город в поисках второй работы. В кафе я не могла платить ему достаточно, чтобы прокормить семью. Может быть, если бы мы оставались открытыми и после обеда, но это означало бы отказаться от своей мечты. Я не могу быть в кафе целый день и забросить гостиницу. Даже если они и находятся рядом друг с другом, я не могу быть в двух местах одновременно.

Но в основном мой страх заключался в том, что я боялась полностью потерять своего друга. Если Райан найдет более высокооплачиваемую работу, чем работа у меня в кафе, я уверена, что он уволится. Хорошего повара найти тяжело, и эта мысль приводила меня в ужас, но я решила пока не останавливаться на ней на некоторое время.

В конце концов, у меня была еще одна проблема, на которой стоит сосредоточиться, — Куинн Диаборн.

Он был в моем доме.

Он провел весь день, работая наверху, а я провела весь день, готовя себя к американским горкам эмоций, с которыми должна буду иметь дело, когда вернусь домой. Его и моим эмоциям.

Я решила занять активную позицию. Перед тем как идти в кафе сегодня утром, я спустилась в подвал, чтобы найти рецепт чая Дженис, которым она поила меня, когда я заболела «гриппом Диаборна» в средней школе. К счастью, Дженис всегда дотошно сохраняла рецепты своей стряпни. Полки подвала хранили в себе множество стопок тетрадей. Некоторые из страниц читались как рецепты, в то время как другие были больше похожи на записи дневника, но все были датированы. Поэтому у меня не отняло много времени найти тетрадь, в которой, скорее всего, имелась нужная мне информация.

Я быстро пролистала записи октября 2001 года, пока не нашла страницу под названием «Чай для Уиллоу». Ингредиенты были достаточно распространеными, и я нашла ромашку, имбирь, корицу и теперь нуждалась в странных баночках Дженис.

Перед тем как уйти на работу, я сделала большой кувшин ужасно пахнущего чая и проглотила еще более мерзкий на вкус стакан этой жидкости. Я поставила остаток в холодильник, зная, что буду нуждаться в добавке, когда вернусь домой после работы. Припарковав машину рядом с его пикапом, я схватила еду с сиденья и быстро зашагала к дому. К моему удивлению, Куинн стоял на кухне, присматриваясь к микроволновой печке.

— О нет, я действительно надеюсь, что ты еще не ел, — я подняла коробку китайской еды.

— Я не ел, — он переступил с ноги на ногу, как будто чувствовал себя неуютно, стоя на моей кухне. Честно говоря, сейчас рядом с ним мне тоже было не совсем комфортно.

— Ты искал чего-нибудь выпить? — я обошла вокруг него, открыла шкаф и вытащила из него два стакана.

— Ух-х-х, да.

Черт возьми, я надеялась, что нам не будет так же неудобно в течение следующих семи недель. Прошлым вечером мы совершенно непринужденно общались, но теперь, мы оба вели себя так, как будто никогда раньше не встречались.

— Чего бы ты хотел? — я открыла холодильник и вытащила кувшин чая.

Вонючий запах достиг Куинна сразу же, после того как достиг меня. Его глаза расширились, и он закрыл нос.

— Ты ведь не это имеешь в виду?

Я хихикнула.

— Я не виню тебя, пахнет действительно не очень. Знаешь, что? Есть еще немного пива. Хочешь бутылочку?

— Было бы замечательно, — он подошел к холодильнику, чтобы взять его сам. Пока он доставал пиво, я судорожно пила свой чай. Я сделала все возможное, чтобы сохранить нормальным выражение своего лица, но закашлялась на полпути, когда омерзительная жидкость пошла не в то горло.

— Почему ты пьешь, если это так противно? — спросил он, когда я, наконец, перестала кашлять словно астматик.

— Это почти лекарство.

— Разве это лечит больше, чем доставляет неудобства? — спросил он с содроганием на лице.

— Надеюсь, что да.

Куинн приподнял бровь и чокнулся о мой стакан своей бутылкой.

— Тогда до дна. Я надеюсь, что это заставит тебя чувствовать себя лучше.

— Если это не убьет меня раньше, — пробормотала я.

Мы стояли на моей кухне, выпивая наши напитки, как пара первокурсников колледжа, заканчивая примерно в одно время.

— Еще?

Я поморщилась и покачала головой.

— Как ты здесь сегодня?

Неожиданно его настроение изменилось, окрасив комнату ярко-розовым.

— Отлично. Я достиг реального прогресса в большой ванной комнате.

— Предлагаю выпить за это, — он вернулся к холодильнику, а я начала распаковывать еду. — Я взяла на себя смелость в выборе ужина на основе твоих вчерашних слов о том, что ты не придирчив к еде, — я открыла контейнер. — Монгольская говядина, казалось, достаточно мужественной для тебя.

Он усмехнулся и постучал по груди, заставляя меня захихикать.

— А что будет есть леди?

— Курицу с апельсинами, но я поменяюсь с тобой, если хочешь.

— Нет, ешь свою курицу с фруктами, а я буду есть мужское блюдо — говядину. Ты знаешь, что я нахожу еще более интересным, чем твои аргументы в выборе? — он распечатал пару палочек для еды из бумажной обертки и указал ими на меня.

— Что?

— То, что два дня подряд ты ешь еду на вынос.

— И?

— Это просто удивляет меня. Очевидно же, что ты умеешь готовить. Но когда ты дома, то даже не удосуживаешься достать тарелку.

Я вынула пенопластовый контейнер с моей курицей и рассмеялась.

— Мы ели с тарелок прошлым вечером, и ты видел содержимое моего холодильника. Не похоже, что мои шкафы пустуют, — добавила я, несмотря на то, что их содержание было немного необычным. На самом деле, я собиралась приготовить на завтра лазанью. — Дело в том, что я подаю еду людям в течение восьми часов каждый день, семь дней в неделю. Сегодня вечером, я должна буду приготовить на завтра лазанью, потому что должна встать на рассвете, чтобы начать готовить десерты.

Он кивнул.

— Я понимаю. Последнее, что ты хочешь делать, — это готовить для себя.

— Правильно. Говорят ведь, что лучшая еда — это дегустация чего-нибудь приготовленного кем-то другим. Я зарабатываю на жизнь, основываясь на этом принципе. И живу этим тоже, я думаю.

— Я не вправе судить вас, леди. Это довольно жесткий график.

Мы ели в уютной тишине, неловкость, которая заполняла комнату, когда я только вернулась домой, ушла. Наконец, через несколько минут Куинн заговорил.

— Прошлым вечером ты сказала, что унаследовала кафе из-за долга. Я задавался этим вопросом весь день.

Я кивнула и проглотила кусочек курицы.

— Я действительно не должна была говорить об этом. Думаю, Дженис чувствовала, что обязана мне, но это не совсем так.

Я тщательно взвешивала свои следующие слова. Насколько я была готова поделиться с этим человеком, которого я едва знала? Сколько я хочу знать о нем? Ответов на оба вопроса я боялась. Будучи подростком, он был самым раскованным, общительным парнем, которого я знала. Для меня он был лучом позитива в мире путаницы эмоционального потрясения. Я знала, что теперь он боролся со своей темной стороной, но в нем все еще были следы того парня, которого я помнила. Может быть, если я откроюсь ему, он откроется мне?

— Ты хочешь услышать эту историю?

— Только если ты хочешь рассказать ее мне.

— Я хочу, но никто не знает об этом, кроме Райана и моих родителей, и я хотела бы сохранить все, как есть.

— Я хорошо храню секреты, Уиллоу, — его лицо выражало искренность. Было не трудно представить, какие секреты он хранил в течение последних пятнадцати лет в вооруженных силах.

— Хорошо, Дженис была немного свободной духом, — он кивнул и отложил свои палочки для еды, чтобы обратить на меня пристальное внимание. — Она проходила через

фазу, в которой была не согласна с направлением политики нашей страны. Отказываясь следовать новым законам, она верила в свое право не финансировать правительство в том, что она не поддерживала.

Куинн заметно напрягся.

— Что это значит?

— Она не платила налоги.

— Вообще? — отвращение окрасило пространство комнаты в красновато-коричневый цвет.

Куинн был патриотом. Посвятив свою жизнь защите того же правительства, которое не принимала Дженис, он был не согласен с тем, что она сделала. На самом деле и я не была согласна с ее решениями, но Дженис — это Дженис. И я любила ее невзирая ни на что.

— Не совсем. Около четырех лет.

— А что было в течение этих четырех лет?

— Правление Рейгана. Она была недовольна делом «Иран-Контрас» (прим. ИРАН-КОНТРАС (дело «Иран-контрас», *Iran-Contra affair*), политический скандал, связанный с незаконными тайными сделками в 1986-1987 годах по продаже США оружия Ирану в обмен на американских заложников в Ливане и передаче вырученных средств никарагуанским контрас).

Он покачал головой. Его неодобрение усилилось моими собственными чувствами по этому поводу.

— Видимо, все на самом деле не так просто, как кажется.

— Я знаю, но Дженис считала по-другому, — продолжила я. — Правильно или нет, она действовала в соответствии с ее собственным набором правил. Она начала платить их снова, когда был избран Буш, но затем поменяла позицию снова с приходом Клинтон.

Крошечная улыбка появилась на лице Куинна.

— Я предполагаю, что она была неравнодушна к одной из сторон, ведь так?

— Не-а, и у нее никогда не было много денег. Поэтому, когда в 2003 году пришел человек из налоговой, она не смогла оплатить штрафы. Кафе работало недостаточно хорошо в то время, и она чуть не потеряла его.

— Но? — спросил он.

— Но кто-то пошел и заплатил им.

Его челюсть упала.

— Ты оплатили ее налоги? Как? Тебе было восемнадцать?

— У меня был небольшой, но приличный фонд для колледжа, который моя бабушка скопила для меня. Я использовала его.

— Я не могу поверить, что твои родители позволили тебе сделать это, Уиллоу. Ты была самой умной девушкой, которую я знал. Ты могла бы поступить в любой колледж, который только захотела.

Я слышала все это раньше. Миллион раз. От моих родителей. Это была одна из причин, почему я никогда никому не говорила об этой ситуации.

— В действительности я не дала им право голоса. Это были мои деньги. И это была реальная причина, по которой я переехала из их дома к Дженис. К сожалению, на некоторое время делая всем только хуже. Они думали, что я под ее чарами или нечто в этом роде. Им потребовалось несколько лет, чтобы понять, что это был мой выбор, и я сделала единственный правильный ход.

— Не могу поверить, что Дженис позволила тебе сделать это.

— Она не знала. Она ничего не знала, пока несколько лет спустя я не призналась ей. Поверь мне, когда она это услышала, то была не очень счастлива по этому поводу, и Дженис не была кем-то, кого ты хотел бы разочаровать.

— Это одна из самых щедрых вещей, которые я когда-либо слышал. Не могу поверить, что ты отказалась от колледжа, чтобы помочь ей.

— Она была похожа на мою бабушку. Для меня она не отличалась от члена семьи. Куинн покачал головой с восхищением.

— Ты одна из самых удивительных людей, которых я когда-либо встречал, — раскаленное обожание полилось из Куинна, согревая меня до кончиков пальцев ног. Лучше, чем любой чай, и я хотела бы запомнить этот момент, чтобы никогда не забывать, каково это.

— Когда я была молода, у меня было мало друзей. По многим причинам, я была не такой как большинство девочек в моем классе. Странная. Тихая. Я любила читать и животных, и была счастлива играть в одиночестве.

Печаль окутала меня, но это была не моя эмоция.

— Не смотри так грустно, Куинн. У меня были Райан и Дженис. У меня было несколько двоюродных братьев. И... — сказала я, указывая на него пальцем, — когда-то давно, был очень милый и популярный мальчик, который был добр ко мне и которому очень понравился мой пирог. Я даже слышала, что он однажды почти пригласил меня на танцы.

— Шоколадный пирог готовила ты?

Я засмеялась.

— Удивлен?

— Я всегда думал, что это был пирог Дженис. Подожди, он называется — шоколадно-муссовый пирог Дженис?

— Да. Потому что она доедала каждый оставшийся кусочек этого пирога.

— Трудно поверить, что от него что-то оставалось. Так или иначе, как вы познакомились с Дженис? — это был необычный вопрос.

Я указала на окно над кухонной раковиной, через которое открывался вид на задний двор. Где на участке протекал ручей.

— Я имела обыкновение прогуливаться вдоль ручья и играть в лесу на обратной его стороне. У нее был сад трав, там, где никто не знал, — несмотря на то, что я уже рассказала немного о Дженис и о ее незаконном поведении, я решила не упоминать о том, что буквально выросла в ее маленьком саду. Мне не стоило выдавать ему все свои секреты в один день. — Это не важно, что она была намного старше меня, или что была еще более странной, чем я. Она научила меня жизни, думая о качестве, а не количестве.

— Так что, когда она была в беде, ты выручила ее.

— Это то, что делают друзья.

— Я бы хотел иметь такого друга, — слабая улыбка играла на его губах.

— И он у тебя уже есть.

Он смотрел скептически.

— Я знаю.

Облако сапфирового цвета образовалось между нами. Я боролась с тем, чтобы игнорировать его, и взяла свои палочки для еды.

— Ну вот, это была моя история. Какая твоя? — я многозначительно посмотрела на него, практически вынуждая рассказать, хоть что-нибудь о себе.

Кuin медленно прожевал и тяжело сглотнул. Я чувствовала, что его нежелание ускользнуло.

— Спортивный отдел потерял мои документы по физическим показателям, которые я получил летом моего выпускного класса. Я должен был собирать их заново, или я не смог бы играть в футбол в этом сезоне, — его глаза блестели так, что привлекли мое внимание. — Я был в приемной кабинета доктора Паркера, когда первая башня упала. Я мог бы взять тебя сейчас туда и показать точное место, где стоял, когда моя жизнь изменилась. В течение нескольких следующих месяцев, все, о чем я мог думать, — только об этом. Столько семей пострадали от нескольких хорошо спланированных и варварских актов (прим. имеются в виду события, произошедшие 11 сентября 2001 года (иногда именуемые просто 9/11) — серия четырех координированных самоубийственных

террористических актов, совершенных в Соединённых Штатах Америки членами террористической организации «Аль-Каида»). Я знал, что должен был сделать что-то.

Мои глаза наполнились слезами в ответ на страсть в его голосе.

— Так ты присоединился к армии?

— Прямо перед Рождеством. Мне было уже восемнадцать. Моя мама не могла ничего сделать, чтобы остановить меня. Я даже не говорил ей до весенних каникул.

— Выходит, мы оба были своевольными в свои восемнадцать.

— Как и твои родители, она не была счастлива. Она не давала мне покоя, пока я не вышел за дверь в последний раз, — он усмехнулся, вспоминая об этом.

— Нужно быть довольно особенным парнем, чтобы отказаться от своей мечты для такого благородного дела.

— Я не отказался от своей мечты, Уиллоу. Я изменил ее. Но это не делает меня особенным. Почти все, кто присоединился к вооруженным силам в то время, связывали свое решение с 9/11 и произошедшим в тот день. Все мои парни были там по той же причине, — была некая мягкость в его глазах, когда он сказал: «мои парни». Я знала без его пояснений, что они были его семьей.

Я потянулась через стол и коснулась его руки.

— Тогда вы все были особенными. Вы решили сделать что-то, что большинство людей не может себе даже представить. Это невероятно почетно.

Он покачал головой.

— Нет более значимого, по сравнению с тем, что сделала ты.

Я откинулась на спинку стула, желая, чтобы у меня появился повод положить свою руку на его.

— Гм, даже близко не то же самое. Я отказалась от колледжа на несколько лет. Ты же рисковал своей жизнью за то, во что верил.

Куинн тяжело вздохнул.

— Я до сих пор был бы там, если бы мог. Возвращение домой — не то, о чем я думал.

— Почему? — спросила я.

— Возможно, потому, что я пришел домой не на своих условиях. Или, может быть, это потому, что мне не оставалось ничего иного, кроме как вернуться домой. Большинство из нас разделяют жизнь на две части. Одна здесь и одна там, — он закрыл глаза на секунду, а затем продолжил. — У них есть жены, дети... что-то, ради чего стоит бороться и жить. У меня же... нет. Помимо моей мамы, мой взвод был моей единственной семьей.

Синее облако меланхолии, казалось, пульсировало между нами, увеличиваясь по интенсивности, пока не стало угрожать поглотить нас обоих.

— Теперь я дома, снова живу с мамой, как будто можно просто стереть пятнадцать лет. Это не очень хорошо для нас обоих.

— Мне очень жаль, Куинн.

Он находился, казалось, в состоянии транса, в то время как говорил, словно должен был дистанцироваться от этой истории, чтобы быть в состоянии сказать это, но за долю секунды, он вернулся. Мужчина сел прямее, раздраженный и почти рассерженный.

— Я думаю, что должен продолжить.

Он бросил свои палочки для еды на стол, и я вздрогнула при звуке стула, отодвигаемого по полу. Куинн вытащил еще пиво из холодильника и сорвал крышку.

— Если ты не против, я пойду и починю кран в большой ванной комнате, прежде чем уйду.

— Конечно.

Его ботинки тяжело ступали на лестнице. Я оттолкнула свой обед прочь и положила голову на прохладную столешницу. Ударяя головой по поверхности древесины в такт его шагам, я внутренне спорила с голосом, который шептал начало плана мне на ухо. «Он помогает вам», — сказал ноющий голос. А что если бы я не сказала ему, что у него есть

друзья, которые помогут ему, если он в них нуждается? И о ком я говорила? Тим? Эта мысль заставила меня фыркнуть.

Неужели это такая плохая идея? Я села и оценила мое нынешнее состояние, поняла, что чувствовала себя прекрасно. Морально, Куинн всегда подавлял меня, но физически я чувствовала себя хорошо. Не было тошноты. Голова не болела. Я посмотрела на пустой стакан, стоящий на столе, где я его оставила. Может быть, чай на самом деле работает? Может быть, я нашла способ борьбы с худшей частью «эффекта Диаборна»?

Эта гипотеза требовала дальнейшего тестирования, и мое сердце колотилось от его перспективы. Я собиралась сделать это.

— Куинн, — крикнула я, перепрыгивая через ступеньку. — У меня есть идея.

— Держись, — крикнул он в ответ. А затем последовали несколько ударов, множество ругательств и безошибочно узнаваемый свист вытекаемой проточной воды. Слишком большого количества воды.

Я пролетела остаток лестницы, хватаясь за перила. Дойдя до туалета, я уставились на Куинна, который лежал на полу в ванной комнате. Вода выливалась из-под раковины, тогда как он распластался и кряхтел под ней. Голову и грудь его скрывал шкаф, стоящий в ванной, а нижняя часть его тела вытянулась в комнате. Он пошевелился, и его футболка немного задралась, показывая достаточно кожи его пресса, чтобы мое сердце забилось быстрее еще по одной новой причине. Я открыто уставились на него, и на мгновение я забыла о своих мокрых ногах.

После еще нескольких проклятий и тяжелых ударов, он застонал.

— Мне очень жаль, Уиллоу. Умом я был в другом месте, и я забыл перекрыть воду. Ты можешь принести несколько полотенец?

Я побежала вниз по лестнице и схватила столько, сколько могла унести из моей ванной. Когда я вернулась, нашла сухое место для стопки полотенец, а затем встала на четвереньки, чтобы начать вытираять воду вокруг него. Когда первое полотенце промокло насеквоздь, я перегнулась через мужчину, чтобы дотянуться до другого. Куинн же выбрал именно этот момент, чтобы вылезти из-под раковины, он сел, оказавшись со мной практически нос к носу. Влажные завитки волос прилипли к его лицу, придавая ему то, что можно было назвать сладким, ребяческим взглядом, если бы не борода, покрывающая его челюсти. Сочетание было похоже на вливание топлива в мое уже мчащееся сердце. Капля воды упала с его небольшой бороды на промокшую насеквоздь футболку. Она облепила его тело, уже не скрывая широкую грудь и плечи, бугрящиеся под ней. Мое сердце официально загорелось.

— Ты весь м-м-м-мокрый, — запиналась я.

Он усмехнулся, проговорив низко и хрипло:

— Да.

Когда я вернула глаза назад к его лицу, то обнаружила, что он внимательно наблюдал за мной, как будто пытался узнать, о чем я думала. Небольшая улыбка приподняла уголки его рта.

— Позволь мне помочь, — мой голос задыхался. Мне нужно было получить над собой контроль. Он был просто человеком.

«Очень мокрый, очень красивый, очень сексуальный мужчина». Но все-таки просто человек. Не то чтобы я никогда не была раньше так близко к мужчинам.

Я промокнула его лицо сухим полотенцем, следя за тем, чтобы просушить его бороду. Полотенце выскоцизнуло из моих рук, но они остались на его лице, слегка касаясь грубой щетины волос. Ощущение ее на моих пальцах было такое, как будто кто-то поднес дефибриллятор к моему уже бешено колотящемуся сердцу.

Я смотрела на эти губы, в которых он отказал мне накануне.

Они дернулись, когда нас окутало желанием, умоляя одного из нас, сделать первый шаг.

Это уже должно было случиться. Если бы прошлым вечером я решилась.

«Поцелуй меня, Куинн. Поцелуй меня, чтобы я знала, каково это. Не отворачивайся снова».

Он сидел неподвижно как статуя, и я затаила дыхание, ожидая, когда он наклонится. Моя рука соскользнула с его бороды и легла на его шею. По-видимому, он не получил мысленное послание про мои ожидания того, чтобы Куинн сделал первый шаг.

— Уиллоу? — пробормотал он.

Это было только мое имя, но оно прозвучало как вопрос, который я не хотела ему задавать, каждый раз сомневаясь и не желая получить его отказ.

— Нет, — я бы не позволила ему этого.

— У тебя была идея?

— Нет.

— Ты не говорила? — он выглядел смущенным. — Я думал, что, когда ты поднималась вверх по лестнице, то говорила, что у тебя была идея.

Я говорила? Я не могла думать. Он путал мои мысли своей близостью. Я напрягала свой мозг пока, наконец, ответ не пришел сам собой. *A-a-a, да*. Получалось все лучше и лучше, так что я ухватилась за мысль.

— Переезжай ко мне.

— Что? — он отскочил от меня, разрушая чары между нами, и ударился головой о край шкафа.

Вздрогнув, я села на корточки и потерла себе голову.

— Ауч. Это должно быть больно, — сказала я, ощущая боль на себе.

С любопытством склоняя голову, он посмотрел на меня.

— У меня, возможно, сотрясение мозга, но клянусь, ты попросила меня переехать к тебе... — его голос затих.

— Да, это то, что я сказала. Переезжай сюда, — он посмотрел на меня, как будто я говорила по-гречески. — То, что ты сказал внизу, заставило меня задуматься. Если тебе сложно с твоей мамой, живи здесь пока не закончишь работу по дому или пока не найдешь что-то лучше. Здесь много места.

Он оглянулся на разрушенную ванную.

— Нет, нет. Я разломал все здесь. И даже не начал это ремонтировать.

— Квартира над гаражом в хорошем состоянии. Никто не оставался там, с тех пор как я переехала в дом несколько лет назад. Она нуждается в хорошей уборке, но имеет собственную ванную комнату и небольшую кухню. Ты даже можешь не пересекаться со мной, если захочешь.

Он насторожился.

— Я не думаю, что это хорошая идея.

Мое сердце разрывалось на части. Два раза подряд он почти поцеловал меня, но не сделал этого. Я хотела, но оставила выбор за ним. Теперь он отклонил мое предложение переехать в квартиру, где он даже может не видеть меня, если не хочет. Чтобы скрыть свое разочарование и стыд, я вернулась к вытиранию воды по всему полу.

— Я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь, — сказал он, схватив меня за руку. Я посмотрела на свою руку, пока он не отпустил ее. — Дело не в тебе, Уиллоу. Я не колеблюсь, когда дело доходит до тебя.

«Тем не менее, ты колеблеешься каждый раз». Я кивнула в пол.

— Все в порядке, Куинн. Я не обижуюсь.

Он вздохнул, глубоко и тяжело. Его взгляд упал на пол.

— Что я могу сказать, чтобы ты поняла? — его руки в отчаянии сжались в кулаки. — У меня есть проблемы, Уиллоу. Жуткие, пугающие проблемы, в которых я пытаюсь разобраться. Я не хочу втягивать тебя в них. Было бы просто не справедливо, обременять тебя ими.

— Я имела дело со странностями и страхами всю свою жизнь, Куинн. Я могу справиться со всем, что есть у тебя.

Он спокойно сидел, наблюдая, как я вытирала воду вокруг него.

— Ты в этом уверена?

Я встретилась с ним взглядом.

— Уверена. Я никогда не была более уверена, — я затаила дыхание, пока он обдумывал. Я не знала, могла ли вытерпеть еще один его отказ.

Через несколько мучительных секунд он, наконец, заговорил.

— Хорошо, — одно это слово полностью изменило выражение его лица. Его изумрудные глаза стали яркими и блестящими, они отражали надежды мерцающие и витающие вокруг нас.

Глава 7

Куинн

Я бросил свою сумку с вещами на кровать, и та заскрипела. Скорчив гримасу из-за этого, я сел на край, и она простонала в ответ.

Я огляделся по сторонам. Это была старая комната Уиллоу. «Неужели визжаций матрас тоже принадлежал ей?» Я представил, как она свернулась на нем и ее темные волосы рассыпались по подушке. Оба раза, когда я был рядом с девушкой, она пахла ванилью и сахарным печеньем. Я представил себя лежащим рядом с ней, как притягиваю ее ближе, прячу нос в ее волосах и теряюсь в ее вкусном запахе.

Что-то внутри меня пробудилось к жизни, так же, как это было прошлым вечером.

Дважды я бы так близок к тому, чтобы поцеловать ее, но отступил в последнюю секунду. Оба раза было ясно, что она хотела, чтобы это сделал именно я. Ее глаза практически умоляли меня сделать это, но мне каким-то образом удалось собрать воедино все свое самообладание и сопротивляться. Я был сломлен и страдал нервными расстройствами. Уиллоу же была с точностью до наоборот. Уравновешенной. Целиком и полностью, во всем. «Ради Бога, у нее свой собственный бизнес, и она подумывает о втором». Она заслуживает больше, чем украденный поцелуй в разгромленной ванной.

У меня были планы на этот счет.

Если бы я был лучшим человеком, то перестал бы даже думать об этом и отступил. Но я не был, и я не мог. Уже казалось, что я не мог остаться в стороне от Уиллоу, особенно теперь, когда она дала мне лучший повод — указала в каком направлении двигаться.

Я подпрыгнул на кровати, и она снова заскрипела. Я добавил: «заглянуть в Матрас Экспресс» в мой список вещей, которые нужно сделать. На таком матрасе будет довольно неудобно спать. Да и в любом случае Уиллоу нужен новый, если она собирается сдавать эту комнату. Может быть, если эта договоренность сработает, она позволит мне остаться на долгосрочной основе? С гостями в доме, для нее было бы неплохо иметь рядом человека на случай, если будет необходимо что-то прибить или починить.

Моя мама — единственная моя семья, и я сделаю для нее все, но, как известно, наше нынешнее мировое соглашение было временным. Я взрослый человек, а она до сих пор относились ко мне как ребенку, постоянно кружила надо мной. Мне не нужно, чтобы кто-то застилал мою кровать вместо меня. Я не хочу, чтобы кто-то складывал мое нижнее белье. И если я выпью банку пива, или две, или три, или даже пять в конце дня, чтобы это помогло мне уснуть, я не нуждаюсь в том, чтобы моя мама считала крышки от бутылок, чтобы потом решить, что для меня это уже слишком.

Она выглядела немного грустной, когда я поставил свою сумку у двери этим утром, но также я видел в ее глазах следы облегчения. Я мешал ей спокойно спать по ночам. Мы оба знали, что так будет лучше.

Я посмотрел на часы. Было немного больше полудня. Уиллоу пробудет в кафе еще несколько часов, прежде чем придет домой, чтобы подготовиться к учебе. После того, как она снова уйдет, у меня будет около семи часов, чтобы сделать все, что я запланировал. Я вскочил с кровати, готовый заработать себе на еду.

У меня было несколько поручений, которые нужно выполнить, прежде чем я смогу приступить к работе над послеобеденным проектом. Мне нужно было съездить на лесной склад, чтобы купить немного фанеры и отделки для небольшого проекта, который я буду воплощать в жизнь во второй половине дня. После этого, мне нужно было попасть в магазин бытовой техники, чтобы купить шуруповерт и узнать у владельца все о сантехнике и способах ее замены и ремонта, так как катастрофа прошлой ночи доказала, что я не знаю, что делаю. А после у меня было несколько других остановок, которые будет необходимо совершить. Сделать все это и прибраться после будет проблемно, но ведь я проводил массовые военные операции за меньшее время. Я хотел бы сделать всю эту работу.

Я быстро прошелся по квартире. По привычке, я открыл холодильник, чтобы проверить работает ли тот. Нетронутый шоколадно-муссовый пирог стоял на верхней полке. Сложенная записка, приветствующая меня в моем новом доме, лежала рядом с ним.

Я улыбнулся сюрпризу Уиллоу. У меня тоже был один для нее.

Уиллоу

Когда я вернулась домой с учебы, пикап Куинна был припаркован на том же месте. Это было то, к чему я должна буду привыкнуть. Я помчалась вверх по ступенькам, надеясь, что у меня получится проскользнуть в свою комнату и не попасться.

У нас были планы. Или, может быть, у нас их не было. Я не была полностью уверена.

Когда я приходила домой между работой и учебой, я нашла ту субботнюю записку. Она висела на холодильнике.

Выйдешь за меня? Поужинаешь со мной?

- Да
- Нет
- Возможно

Я даже не поняла, что Куинн ушел тогда с запиской Райана, но тот факт, что она оказалась у него, а затем он повесил ее на холодильник, заставил меня улыбнуться. Я налила себе полный стакан чая, одновременно раздумывая над его предложением, хотя «раздумья» — не совсем правильное слово. Я бы ни за что не отказалась от ужина с Куинном.

Я поставила галочку напротив «да» прежде, чем захватить свой рюкзак и пойти к выходу, чтобы направиться в колледж. Но мне не стоило туда идти, так как я не услышала ни слова из лекции профессора, и на этот раз, я даже не могла винить в этом моих однокурсников. Мои мысли были далеко и всё, о чем я могла думать, был мужчина в моем доме.

Я открыла дверь и тут же ощутила запах лазаньи, которую я готовила прошлым вечером. Я тихо проскользнула в фойе и стала прислушиваться к любому шуму наверху. Однако звуки, которые я услышала, доносились из задней части дома, а не сверху. Раздалось пару ударов (или стуков), а затем напев. Был ли это Куинн? Это должен быть он. Ухмылка на моем лице стала шире.

Я пошла по коридору как можно тише, осторожно пропуская все скрипучие доски, которые я знала наизусть. Я была почти у моей двери, когда он позвал.

— Уиллоу, это ты?

Я посмотрела вниз на пятно от кофе на моей рубашке — то, что произошло в то время, как я замечталась во время занятий и вздыхала.

— Да. Это я. Где ты?

Он колебался.

— Ммм... кухня. Но можешь ли ты дать мне еще несколько минут, прежде чем войти? Я работаю над одним проектом. Это сюрприз.

— Конечно, — выкрикнула я. Были еще пара ударов, а потом что-то с грохотом упало на пол. Я не могла себе даже представить, над чем он там работал. Ремонт на кухне был закончен.

В своей комнате в шкафу я нашла черную рубашку и надела ее. Проведя несколько минут перед зеркалом, я поправила прическу и освежила макияж. Я попыталась задержаться достаточно и в то же время так, чтобы это не выглядело, словно я пытаюсь произвести на него впечатление.

Это было всего лишь намёк, потому что произвести впечатление на него было единственной моей мыслью.

Мы уже ужинали вместе дважды, так что записка могла означать только одно: у нас намечалось настоящее свидание. Это возбуждало меня и приводило в ужас. Ведь я уже и не помню, когда позволяла мужчине производить такой эффект на меня.

Когда я стала довольна тем, что видела в отражении, отошла от зеркала и пошла по коридору, на этот раз нарочно наступая на скрипучие доски, чтобы предупредить его о том, что я иду.

— Могу ли я войти сейчас? — спросила я, прежде чем сделать последние несколько шагов. Спрашивать разрешения войти на свою собственную кухню казалось немного странно, но я не хотела испортить «сюрприз».

Что-то шипело на кухне. Я посмотрела на поток света на полу, который шел из-под двери, пытаясь по нему определить, что там происходит. Если Куинн укрощал гремучую змею на моей кухне, входная дверь будет следующим местом, где я окажусь.

Он пробормотал проклятие, прежде чем ответить:

— Хорошо. Я готов.

Я отскочила за угол с улыбкой на лице, которая соответствовала моему настроению.

— Дорогой, я дома! — я хихикнула своей глупой шутке, а мои глаза метались по комнате, принимая во внимание теперь уже пустое место, где стояла микроволновая печь и ее новое расположение, встроенное в стену над плитой. Но это был не самый большой сюрприз.

Им был Куинн.

Он выглядел совсем иначе, не то, чтобы мне не нравилось то, как он выглядел раньше. Я считаю, что образ грубого отшельника соответствовал ему. Но новый Куинн тоже нравился мне.

Мои глаза задержались на его лице, прежде чем опуститься ниже, осматривая всего его. Он сбрив бороду, открывая гладкую челюсть намного более широкую, чем она была, когда я в последний раз его видела. Конечно, ему ведь тогда было восемнадцать. Всего лишь ребенок. Теперь он был мужчиной.

Он одет в джинсы и белую рубашку на пуговицах, которую он пытался защитить фартуком Дженис с надписью: «Руки прочь от моих Булочек». Спагетти свисали с ковшика в его руке, а на груди было красное пятнышко от помидора. Нервная энергетика в воздухе подтвердила мои догадки. Я только что пришла на наше первое официальное свидание.

— Хороший фартук.

Он выгнулся бровь.

— Не совсем мужественный, не так ли?

— О, я не согласна, — Куинн мог надеть балетную пачку и тапочки с мордочкой кролика и все равно выглядеть мужественным. Лапша упала на пол, и он наклонился, чтобы поднять ее.

— Ты подготовил нам ужин? — благоговение в моем голосе было очевидно.

— Спагетти. К сожалению, это все, что я знаю, как приготовить, — он криво улыбнулся, что заставило мое сердце забиться немного быстрее. — Будем надеяться, что твои слова о том, что ты что-то приготовила заранее правда, потому что твоя лазанья пахла очень хорошо сегодня утром. Моим спагетти будет трудно конкурировать с ней. Я, наверное, должен был заглянуть в твою книгу рецептов, — он указал рукой с ковшом на книгу рецептов Дженис, которая до сих пор лежала на столе.

— Наверное лучше, чтобы ты этого не делал, — сказала я, снова хихикая. — Это книга Дженис, а не моя.

— Она тоже была хорошим поваром.

— О, она была, но, когда она не готовила для клиентов, она делала некоторые действительно странные вещи, — мне нужно было убрать книгу с глаз долой, прежде чем он узнает о Дженис больше, чем ему нужно. Мне также следует помнить, что я больше не одна в доме. Я не могу оставлять такие вещи, как эта книга, лежать вокруг. Иметь Куинна рядом — хорошая практика до того, как я на самом деле открою гостиницу, и нужно привыкнуть к такому типу жизни.

— Могу ли я налить тебе бокал вина? — спросил он. — Сегодня вечером я буду ухаживать за тобой.

Я подумала о кувшине с чаем в холодильнике и решила, что мне это не нужно. Настроение Куинна было заразительным. Единственное, что беспокоило меня, так это бабочки в животе, и это очень приятное чувство.

— Позволь мне, — сказала я, глядя на бутылку.

— Не-а. Так не пойдет, помнишь? Я прислуживаю тебе.

— Будет не хорошо, если я привыкну к этому. Я могу стать реальной головной болью.

— Я рассчитываю на это, — сказал он, посмеиваясь. Мужчина отвернулся от меня, чтобы налить вино в два бокала, которые он, должно быть, нашел в буфете. Они были красивыми, их подарили на свадьбу Дженис и ее мужа.

Пока я ждала, подошла и осмотрела микроволновую печь. Превосходно. Всплеск волнения побежал через меня. Он четко и детально подогнал все по размеру, даже добавил обшивку вокруг нее, чтобы соответствовать шкафам. Если он приложит столько же усилий на втором этаже, получится красиво.

— Выглядит великолепно, кстати. Я действительно впечатлена.

Он протянул мне бокал вина.

— Я рад. Это то, к чему я стремился.

Мои щеки покраснели и запылали. Я была рада, что взяла лишние две минуты, чтобы сменить мою испачканную рубашку.

— Ну, миссия выполнена.

— Я сожалею, что не получилось подкрасить стену. Я не успевал и не знал, где остатки краски. Я бы чувствовал себя неловко, рыская по твоему дому, — он посмотрел на меня и виновато улыбнулся. — Я имею в виду, и так ясно, что я немного порылся, чтобы найти это, — сказал он, указывая на фартук, а затем ужин, кипящий на плите. — Но я не хочу искать во всех твоих вещах. Я думал, может быть, мы могли бы покрасить ее после обеда?

— Конечно, — сказала я, пробегая рукой по гладкой древесине, вокруг нового открытия. — Я действительно не могу сказать тебе, насколько счастливой это делает меня.

— Эти мелочи, правда?

Я улыбнулась и удовлетворенно вздохнула.

— Да, правда, — я уже представила ряд пирогов, которые поставлю на освобожденном пространстве.

Очень долгое время никто не делал что-нибудь просто, чтобы вызвать улыбку на моем лице. Райан мог, но мне обычно приходилось просить и подкупать его, чтобы заставить сделать что-нибудь для меня. Я также должна была быть предельно точна в своих инструкциях. Он никогда ничего подобного не сделал бы, в первую очередь не обсудив это со мной. Куинн сделал это самостоятельно, просто потому, что он знал, что сделает меня счастливой. Флюиды, которые он источает, и улыбка на его лице, делают меня счастливой, дарят мне удовольствие.

Куинн поставил свой бокал на стол и развязал фартук за спиной. Он снял его через голову, бросил на стойку и повернулся ко мне.

— Мелочи бывают приятными, но иногда не только они. Ужин готов, но прежде я хочу еще кое-что сделать.

— Что-то большое? — подразнила я.

— Я надеюсь, что так, — в три широких шага он преодолел пространство между нами. — Выпей, — сказал он, кивая на напиток в моей руке. Я сделала глоток, не сводя с него глаз. По любым стандартам, он ведет себя странно. Когда я отвела бокал подальше от своих губ, он забрал его у меня. Другой рукой, Куинн взял меня за руку и потянул через комнату, пока мы не встали рядом с открытым пространством у стойки. Он поставил бокал и отодвинул его от нас. А после, в движении, которое стало для меня полной неожиданностью, он положил руки на мою талию и поднял меня, чтобы посадить на стойку.

— Что ты делаешь? — спросила я, мое сердце забилось в ожидании.

— Я хочу сделать это прямо сейчас. В противном случае, это будет отвлекать меня весь вечер, — он положил свои руки на мои бедра, облаченные в джинсы, и мягко развел их в стороны. Всплеск электричества прошел сквозь мое тело, вызывая дрожь. Я наблюдала за ним с любопытством, как он подошел ближе и смело устроился между моих ног.

Все в этом было странно. Воздух вокруг говорил о близости между нами, что было неоправданно. Как будто такие ужины были нашим личным ежевечерним ритуалом. Как будто не было большим делом то, что он расположился между моих ног, а его бедра словно нарочно прижимались к внутренней стороне моих бедер. Тем не менее, истина в том, что мы едва знаем друг друга. Я знала, как я думала, он может быть похож на парня, которого я знала много лет назад, но он больше не был тем парнем. Он стал мужчиной, и при этом трудным для понимания мужчиной. В одно время он казался таким сломленным и потерянным, что едва мог функционировать, а в другое время казалось, чувствовал себя прекрасно.

Этот Куинн — тот, кто расположился между моих ног, — функционирует нормально. Теплые зеленые глаза смотрели на меня с желанием и решимостью. «Верь мне», —казалось, говорили они. Меня словно окутало покрывалом спокойствия и доверия. Я не знала, принадлежали ли эти ощущения ему или мне, но это не заботило меня.

Не говоря ни слова, он взял мое лицо в свои руки. Я едва успела подумать о том, что он на самом деле собирается поцеловать меня в этот раз, прежде чем его губы коснулись моих. Они были мягкими и нежными, и не было ничего неуверенного в его поцелуе. Он был нежным, но настойчивым. Мои ресницы затрепетали, веки опустились, и я запомнила этот момент. Первый поцелуй никогда не повторится. Ты получаешь его только единожды, и губы Куинна чувствовались, как будто они принадлежали моим. Я вздохнула против его рта.

Он отстранился немного, и я открыла глаза, чтобы найти его внимательно смотрящим на мои губы с легкой улыбкой на лице. Я надеялась, что это не все, что он

планировал сделать, потому что я хотела больше. Еще больше. Жаждущая его, я облизала губы.

«*Поцелуй меня снова. Поцелуй меня еще*».

Он тяжело вздохнул, а его губы разомкнулись. Рука скользнула на мой затылок и потянула меня ближе. Он провел языком по моим губам, и я открылась для него. Его язык скользнул внутрь, и мой приветствовал его. На вкус он был как соус для спагетти и вино, и еще что-то вкусное, что я знала, был сам Куинн.

Электрический гул, проносящийся по моему телу, когда он впервые коснулся меня, становился все более настойчивым, сосредотачиваясь внизу живота. Мне нужно было касаться его больше. Я скользнула своими руками по его груди, и ощущения мне более чем понравилось. Я хотела бы задержаться и исследовать, но я вернула свои руки ему на плечи, а после направила их к шее и на затылок. Я погрузила пальцы в его волосы; найдя им более безопасное, более подходящее место для первого поцелуя. Его язык переплелся с моим, и я стала похожей на оголенный электрический провод, конец которого искрил, словно кнут, хлестая по ветру. В этом не было ничего безопасного.

Он больше не чувствовался, как первый поцелуй. Было такое чувство, что это полноценный поцелуй. Тот, который покоряет твое сердце и с напором выталкивает тебя в изменяющуюся жизнь, дарящий всепоглощающее желание. Губы Куинна заставляли кружиться мою голову. Его прикосновение сводило меня с ума. Я не хотела, чтобы это когда-нибудь закончилось.

Но оно должно было. Куинн отстранился, оставив меня нуждающуюся и задыхающуюся. Я открыла глаза, чтобы найти комнату купающейся в том же малинового цвета желании, которое пылает под моими закрытыми веками, что подтверждало, что он чувствовал то же самое.

— Ну, это стоило пятнадцати лет ожидания, правда? — спросил он, посмеиваясь.

— Давай сделаем это снова, — я улыбнулась.

Он засмеялся.

— О, мы сделаем. У меня такое ощущение, что это все, что я буду хотеть делать теперь.

— Ммм, — я была согласна. Я провела пальцами по его затылку. Короткие волосы ощетинились против них, и я поняла, что борода была не единственной вещью, изменившейся в нем. — Ты постригся сегодня?

— Еще одна попытка произвести впечатление. Как тебе?

— Справился, справился и еще раз справился, — пробормотала я, все еще слегка запыхавшись.

— Кстати, чесночный хлеб, похоже, более чем готов, — он предложил мне руку и помог слезть со стойки. Он подвел меня к столу и снова протянул мне мой бокал вина.

Через несколько минут, Куинн поставил передо мной тарелку, наполненную спагетти и, какказалось, домашним соусом. Кусочек лишь незначительно подгоревшего чесночного хлеба довершал композицию.

— Сожалею по поводу хлеба, — сказал он.

— Это стоило того.

— В самом деле.

Мое сердце гудело.

— Куинн, — сказал я, когда он сел рядом со мной со своей тарелкой. — Это действительно замечательно. Ужин, стрижка... это все... прекрасно... но я хочу, чтобы ты знал, что ты не должен делать это. Я хотела поцеловать тебя прошлым вечером и вечером ранее. Ты выглядишь потрясающе, но и таким, какой ты был раньше, ты мне тоже нравился.

— Я знаю.

Мне нравилось то, что он не смущался, я улыбнулась.

— Хорошо. Я просто хочу, чтобы ты знал, что можешь быть самим собой со мной.

Он пожал плечами.

— Не думаю, что могу быть кем-то еще, но признаю, что мне есть, что совершенствовать здесь, — сказал он, указывая на себя. — Ты смотрела на мою бороду прошлым вечером. И я подумал, что это хорошее место, чтобы начать.

— Мне было интересно, как она будет чувствоваться на моем лице.

Он усмехнулся.

— Я думаю, тебе все еще интересно это.

— Действительно, но так тоже хорошо, — лучше, чем хорошо. Фантастически. Отлично. Удивительно.

— Вот это правда. Я запутался, Уиллоу.

Не желая подтверждать словами, я уже знала, что сдержала свое выражение стоически. Пусть он говорит.

— Что-то в тебе заставляет меня хотеть стать лучше. Я наблюдал за тем, как ты смотришь на мою бороду прошлым вечером, и решил, что ты заслуживаешь лучшего, чем это.

— Лучшего, чем борода? Я действительно не возражаю. Это своего рода было тебе к лицу.

— У тебя ежедневно куча забот. У тебя есть свой собственный бизнес. Ты планируешь открыть еще один. Ты сладкая, красивая и смешная. Любой мужчина, заинтересованный тобой, должен хотеть становиться лучше, потому что ты этого заслуживаешь. Ты такая женщина, которая не должна была соглашаться на кого-то, кто просто берет и ничего не отдает взамен.

Мое сердце, которое было настолько переполнено, за несколько минут перевернулось.

— Вот почему я не поцеловал тебя прошлым вечером, хотя мне очень хотелось. Для того чтобы быть достойным тебя, я должен был быть намного лучше.

— Но ты едва знаешь меня, Куинн.

— Я знаю достаточно и знаю, что ты заслуживаешь лучшего, чем я, — он криво улыбнулся. — Как ты можешь видеть, я не очень хороши в том, чтобы отрицать то, что я хочу.

— А ты хотел поцеловать меня? — когда я говорила это, моя голова немного кружилась.

— Я хотел, и после ужина я собираюсь сделать это снова.

Я никогда не ела так быстро.

Глава 8

Уиллоу

— Закончим это завтра, — сказала я, когда Куинн достиг угла. Мы прибивали новый потолочный плинтус в ванной.

Он спустился вниз по лестнице и развернулся, чтобы я тут же оказалась в его руках.

— Согласен. Это не то, что стоит делать в субботу вечером. Давай займемся чем-нибудь повеселее, — его губы задели кожу чуть ниже моего уха, и я растворилась в нем.

— Ты подразумеваешь что-нибудь конкретное? — мои щеки покраснели. — Мне, вероятно, следует принять душ для начала? — хотя он и не возражал, я чувствовала на себе запах пота и пыли после тяжелой работы.

Последние несколько дней были словно сон. Это может быть бредом сумасшедшего так потеряться в желании до невозможности нормально мыслить, но это не было преувеличением. Сколько бы это не продлилось, я дала себе эту отсрочку, тихо и втайне сходить с ума от него.

Мы купались в похоти. Каждый косой взгляд, казалось, что-то означал. Каждое, даже легкое касание, посыпало ток через мое тело. Каждый луч цвета вокруг нас заставлял меня понять, какой черно-белой моя жизнь была до того, как Куинн вошел в нее. Даже цвета, предупреждающие о его темных настроениях, были терпимы, как только я прикасалась к нему.

Чай и его прикосновения, казалось, были лучшими способами борьбы с «эффектом Диаборна». Даже простое прикосновение наших рук, казалось, отводили в сторону худшую из тошноты, так что я много касалась его. К счастью, он, казалось, совсем не возражал.

Каждый день, когда я приходила с работы и поднималась наверх, чтобы проверить его прогресс, он рассказывал о том, что сделал и целовал меня. Куин говорил, что это потому что он упустил много времени со мной. Когда мы были далеко друг от друга, я приглашала его съесть все, что привезла на обед. После этого он целовал меня, благодаря. Когда я уезжала, отправляясь на занятия, он целовал меня на удачу. Каждый раз был лучше, чем предыдущий, но он всегда останавливался на этом. Я была в высшей степени довольна, но с каждым прикосновением, я хотела больше.

Чувство было взаимным. Суть проклятия, с которым я жила, заключалась в том, что мне не нужно было гадать, что он чувствовал ко мне. Я могла видеть это в воздухе вокруг нас каждый вечер, когда он целовал меня у двери. Он был джентльменом, но он не хотел им быть. Становилось все труднее и труднее позволять ему выйти за дверь.

— У меня есть кое-что на уме. И мне тоже нужно принять душ. Встретимся в гостиной через двадцать минут?

Я позволила своему воображению разгуляться. Мысль о том, к чему может привести этот вечер, заставила ослабнуть мои колени.

— Я не смогу собраться за двадцать минут.

Его зубы прошлись вдоль моего уха.

— Я уверен, ты красивая даже когда мокрая насеквоздь. Но нет необходимости куда-либо собираться сегодня, куколка. Мы никуда не поедем.

В этом не было никакой необходимости и в любой другой вечер. Мы никуда не ходили. Куинн был рабочей лошадкой, предпочитая оставаться и работать на дому, чтобы сделать что-нибудь еще. Он, вероятно, работал бы всю ночь, если бы я позволила ему. И я не могла жаловаться. В конце концов, ремонт была причиной, по которой он был здесь. В то время как он работал дома, я работала над тем, чтобы дать ему больше причин остаться.

— Если ты хочешь увидеть меня насеквоздь мокрой, уверена, что могу это устроить. Ты можешь принять душ здесь со мной и сэкономить воду, — я решила применить этот подход с Куинном. Это было немного преждевременно, но он, казалось, нуждался в поддержке. Черт, я пережила два дня отказа до его первого поцелуя, но это того стоило. Отказ легче принять, когда вы знаете, что слова сказаны с неохотой.

Его глаза вспыхнули темнотой, и вся комната полыхнула красным, когда он понял, что я предложила. Но, как обычно, вместо того, чтобы принять мое предложение, он меня отпустил и вышел из ванной.

— Через двадцать минут. В гостиной. Захвати с собой свое игривое настроение.

Я бросилась в душ, побрила ноги на всякий случай и привела себя в надлежащий вид. Я стянула все еще влажные волосы в высокий небрежный пучок и натянула футболку и штаны для йоги. Ровно девятнадцать минут после того, как я получила свои указания, я сидела на диване, ожидая. Старинные часы с кукушкой Дженис тикали, отсчитывая время. Прошло пять минут, а затем десять. Я вошла на кухню, чтобы налить себе бокал вина и украдкой выглянуть из окна. В окнах его квартиры горел свет.

Вернувшись в гостиную, я облокотилась на диван и подготовилась ждать. Я потянулась за журналом на кофейном столике, и телефон Куина, который лежал рядом с ним, привлек мое внимание. Его экран светился, а строка с пропущенными текстовыми

сообщениями дразнила меня. Я заставила себя отвести взгляд, но мое любопытство было уже задето. Я провела почти неделю с ним и даже ни разу не видела его проверяющего свой телефон. Через несколько секунд, я поддалась своему любопытству. Посчитает ли он это вторжением в его личную жизнь, если у меня не было намерения в нее вторгаться? Я ничего плохого не делаю, я оправдана. Сообщения были прямо на экране, словно для того чтобы я их прочла.

«*Встретимся у Тима, если тебе интересно.*»

«*Плохо, что тебя не было. Тим не поймал его, так что всегда есть шанс сделать это на следующей неделе.*»

«*Шансы, что он ходит по моим землям, равны нулю.*»

«*Он был замечен у границы заповедника.*»

«*Это было неделю назад. К настоящему времени он, вероятно, на полпути в Канаду.*»

«*Куинн может отследить его. Он как обученный ищейка.*»

Монстр. Каждый охотник в городе, сбивая ноги, пытается получить шанс поохотиться на него. В течение нескольких недель и после нескольких наблюдений, он стал легендой, хотя я подозревала, только два или три человека, на самом деле видели его. Если бы их было больше, он бы уже украшал чью-то стену. Это напоминало темные времена. Мысль об этом вызвала более сильную тошноту, чем худшее настроение Куинна.

Я не была в восторге от мыслей, что Куинн отправится на охоту, и мне, конечно, не нравилась идея о нем болтающимся с Тимом, но я не могла ничего с этим поделать и чувствовала себя отвратительно. Он провел всю субботу, работая в моем доме, хотя его друзья, по-видимому, приглашали его сделать что-то большее для удовольствия.

Я подскочила на звук открытия и закрытия задней двери и виновато оттолкнула в сторону его телефон.

— Закрой глаза, — крикнул он из задней части дома. Хотя я не могла видеть его, я могла его чувствовать. Он был возбужден и взволнован. Это было нечто новое и совершенно иное в эмоциях Куинна, так что я забыла свою вину.

— Они закрыты, — сказал я, плотно зажмутив веки.

Он был уже ближе, когда снова заговорил.

— Хорошо, открывай их, — когда я сделала это, я нашла комнату, залитую ярко-розовым сиянием, которое соответствовало настроению Куинна. Он был так счастлив как ребенок Рождественским утром. С приподнятыми бровями, он держал перед собой коробку Clue и встряхнул ее так, что содержимое прогремело внутри (*прим. Cluedo или Clue в США — настольная игра для трёх-шести человек, в ходе которой имитируется расследование убийства. Игровое поле представляет собой план загородного особняка, в котором произошло преступление. Необходимо выяснить кто, где и чем убил хозяина дома — доктора Блэка (мистера Бодди в США). Под подозрением находится каждый гость особняка — игрок.*)

— Где ты взял это? — со страхом спросила я.

— В доме моей мамы. Игра была моей, когда я был ребенком. Я думал, что мы могли бы сыграть. Во имя исследования, конечно.

У меня были другие идеи о том, как мы могли бы провести вечер, но эта тоже звучала весело. К тому же, он был так доволен собой; не было никакой возможности сказать ему «нет».

— Конечно.

— Тогда давай сделаем это, — сказал он, открывая крышку.

Я убрала пачку журналов о гостиничном бизнесе и декоре с журнального столика, чтобы освободить место для игры. Куинн потянулся к телефону, который снова засветился, как только он коснулся его. Он едва взглянул на экран, прежде чем бросить его на ближайшую тумбочку.

— Они волнуются, что ты снова пропадешь, — призналась я.

Он покачал головой в отчаянии.

— Да, не думаю, что они собираются сдаться.

— Твои друзья? — спросила я, включая дурочку.

— Да, — он вздохнул.

— Ну, они рады, что ты вернулся. Не могу винить их.

Жизнерадостная комната превратилась в унылую серого цвета.

— Хорошо. Так кем же ты хочешь быть? — спросила я, пытаясь сменить тему обратно на тему счастливой игры. — Невероятно смелый и веселый полковник Горчица? — я подняла желтую игровую карточку. — Остроумный и раздражающий профессор Плам? — я подняла фиолетовую. — Или лихой и иногда ревнивый мистер Грин?

Настроение Куинна сразу улучшилось.

— Мистер Грин, пожалуй, — сказал он, протягивая руку.

Я схватила зеленую игровую карту в свои руки.

— Отличный выбор, хотя я предполагала, что ты выберешь полковника Горчицу.

— Зеленый — один из моих любимых цветов.

Я посмотрела в его сверкающие изумрудные глаза.

— Мой тоже.

— Теперь, позволь мне угадать, — сказал он, вынимая красную карточку от игрового поля. — Ты хочешь быть Скарлетт.

— Как ты узнал?

— Она звезда кино. Каждая девушка хочет быть Скарлетт.

— Правда. Но может быть, я должна быть старой девой мисс Уайт.

— Нет, — сказал он, ставя Скарлетт посередине доски. — Белый слишком мягкий для тебя. Скарлетт динамичная и сексуальная. Ты определенно Скарлетт.

Я просияла от этого сравнения. Куинн вытащил стул, чтобы сесть напротив меня, и сразу стало ясно, в чем был недостаток того, чтобы проводить субботний вечер, играя в настольную игру. Мы не могли касаться друг друга во время игры. Не будет возможности прижиматься к нему на диване или попытаться принудить его нарушить все негласные правила, которые он установил между нами. *Разве что проявить креативность.*

После предупреждения его о том, что случилось с мошенниками в моем доме, я позволила ему выбрать по карте из каждой стопки и убрать их в секретную сумку. Мы объявили подозрительную карту и карту комнаты и сразу же исключили мистера Грина, который был в консерватории, из возможных подозреваемых.

— Ах-ха! Я знал, что я не делал этого. Но ты, — сказал он, качая пальцем на меня, — все еще в моем списке подозреваемых.

Я перетасовала оставшиеся карты.

— Тебе бы лучше не спускать с меня глаз.

— Как будто я могу иначе, — его хитрая ухмылка вызвала мою собственную.

Через час колких обвинений и ожесточенных ограничений картами, убийство было до сих пор загадкой, и никто не улыбался.

— Такое ощущение, что эта игра никогда не закончится.

Я застонала.

— Эта затянулась. Или, может быть, я просто устала, — я на ногах с четырех утра.

— Послушай. Я разденусь и пробегусь вниз по улице, если ты покажешь мне свои карты, — умоляла я.

Куинн разразился смехом и бросил свои карты на стол лицевой стороной вверх.

— Смотри, игра закончена. И тебе не нужно бегать по улицам. Я бы предпочел приватное шоу.

— Будет сделано, — я обошла вокруг журнального столика, останавливаясь, когда стала прямо перед ним. — Я победила, — сказал я, слегка приподняв подол своей рубашки, а затем позволила ей опуститься снова. — Но для галочки, я думаю, что это

была Скарлет в гостиной с веревкой. Я думаю, мистер Блэк пытался использовать ее на ней, прежде чем она убила его, его же оружием.

Куинн откинулся на спинку стула, наблюдая за мной.

— Похоже на правду. Сексуальная женщина с веревкой — это опасное сочетание.

— Я могла бы принять это в шутку, если бы все не закончилось убийством. Теперь ты готов получить свой утешительный приз? — я подняла свою рубашку на долю дюйма, позволяя ему понять, что произойдет, если он к этому готов. Я не имела ни малейшего представления о том, как далеко он позволил бы зайти этой новой игре, но я знала, что готова позволить ему многое.

Он стиснул челюсти и сузил глаза. Комната заполнилась пурпурного цвета желанием, которое, казалось, следовало за нами все эти дни. Я подняла свою рубашку немного выше, и мое сердце сильнее забилось в груди, когда я наблюдала за его реакцией.

С его глаза были по-прежнему прикованы к участку кожи, открытому для него, он обнял меня за талию и притянул ближе.

— Ты делаешь очень трудным для меня, оставаться хорошим, Уиллоу.

— Я не хочу, чтобы ты был хорошим, Куинн. Я хочу, чтобы ты прикоснулся ко мне.

Его рука скользнула под подол моей рубашки. Подушечки пальцев коснулись моей обнаженной кожи.

— Вот так?

— Да, — выдохнула я.

Он приподнял мою рубашку, чтобы увидеть немного больше кожи.

— Ты пахнешь и ощущаешься так хорошо. Я знаю, что на вкус ты еще лучше, — он коснулся губами моего обнаженного живота. Прерывисто вздохнув, я запрокинула голову назад и качнулась к нему. — Но я не хочу торопиться, — продолжил он. — Это кажется важным.

Я застонала.

— Я была хорошей всю свою жизнь. С тобой я хочу большего. Я хочу делать спешные решения и жить настоящим. Я не хочу думать. Я хочу отдаваться на волю чувствам, — *Твоим и моим*. Комната была настолько полна необходимости; Я думала, что мы задохнемся, если не сделаем что-нибудь с этим.

Я зарылась пальцами в его волосах и осторожно потянула за них.

— Никаких ошибок с тобой, — пробормотал он, продолжая покрывать поцелуями мой живот. Его рука скользнула вверх и большой палец очертил нижнюю часть моей груди.

Желание затопило меня. Оно пустило корни в моей душе, распространяясь во мне так, что я не могла сказать, где заканчивалось мое и начиналось его.

— Я мечтала о том, как ты коснешься меня, Куинн.

— Ты мечтаешь обо мне?

— Да, — выдохнула я, прикрыв глаза. — И о том, как мы делаем самые удивительные вещи, — я поцеловала его в лоб, потому что это было единственное место, куда я смогла дотянуться губами. — О чем мечтаешь ты?

По какой-то причине, этот вопрос стал роковой ошибкой. В миг воздух вокруг нас стал ледяным, и он отстранился. Куинн встал с кресла, прежде чем я поняла, что происходит.

— Мне очень жаль, Уиллоу. Я должен пойти домой.

Остолбенев, я слушала звуки его отступления. Топот ботинок по коридору. Задняя дверь открылась и закрылась. Ключ провернулся в замке.

«Домой».

Я побежала через дом к кухонному окну, из которого был виден гараж. Его грузовик остался на стоянке перед ним. Свет в квартире наверху был включен. Я стояла там, наблюдая за любыми признаками движения; я убрала свою ментальную стену по

собственному желанию. Я использовала каждый рецептор, чтобы почувствовать там присутствие Куинна. Ненависть к себе и разочарование наполняли воздух между нами.

Я ждала достаточно долго, чтобы увериться, что он никуда не собирался, а потом я обняла себя и пошла в свою комнату.

Я пыталась найти утешение в двух вещах: Куинн не был рад тому, что только что произошло, и его дом был в моем дворе.

Глава 9

Куинн

Я держал бутылку пива перед своим лицом и наблюдал, как капля скользит по синим скалистым горам на этикетке. Я отодвинул большой палец, чтобы освободить путь честолюбивой капле, давая ей возможность пройти свой путь до конца. Она держалась на ребристом краю бутылки несколько секунд, прежде чем упасть мне на грудь. Даже при том, что я знал, что это произойдет, я все же вздрогнул от холода.

«*Когда ты превратился в такую киску, Диаборн?*» Я практически слышал, как мои парни смеялись надо мной.

Не было никакой логической причины, по которой я сидел сейчас один в своей квартире. Уиллоу предложила мне себя в субботу вечером, а я убежал. Все потому, что она спрашивала о моих снах. Она не знала, что сны были проблемой. Они крали мои ночи, наполняя меня страхом и гневом, я не смог бы скрыть это от нее. Это была часть меня, которую я не хотел, чтобы она видела.

На следующее утро она поцеловала меня и сказала, что продвигаться медленно тоже хорошо, но я все еще чувствовал себя ослом. Прошло пять дней, а я до сих пор не собрался с силами, чтобы дать ей то, чего мы оба хотели.

Мои парни высмеяли бы меня, если бы узнали, какой размазней я стал.

Мои парни.

Я отмахнулся от этой мысли, когда поднял свой телефон и перечитал текстовые сообщения Брайсона и Тима, пришедшие в начале дня. Они снова выходили на охоту в субботу днем. Я напечатал ответ, принимая их приглашение.

«*Потому что все прошло хорошо, когда ты в последний раз с ними болтался.*»

Я проигнорировал ворчаний внутренний голос, предсказывавший очередную неудачу. Если я собирался жить нормальной жизнью, мне нужно было приложить усилия, чтобы делать нормальные вещи. У меня было два дня, чтобы подготовиться.

Вспышка молнии снаружи осветила комнату, и я подпрыгнул. Может быть, в субботу будет дождь. «*Скорее всего, нет. Настоящим мужчинам дождь не помеха.*»

Джимми Фаллон рассказал анекдот по старому телевизору, и комнату заполнил звук смеха. Шутка, волна смеха — все это был просто фоновый шум; статический, который в конечном итоге сделает меня сонным, если мне повезет. Вообще-то я не обращал на это внимания. У меня была одна мысль. Вернее, один человек. Мои мысли никогда не уходили слишком далеко от Уиллоу. Я посмотрел в окно на небольшой участок, покрытый травой, отделяющий меня от окон ее спальни.

В идеальном мире я был бы там с ней, наши тела были переплетены и окутаны тяжелым ароматомекса, витающим вокруг нас, и мы уснули бы под звук дождя, стекающего по металлическим сточным трубам. Я повалился на кровать, и она протестующе заскрипела в ответ. Я все еще не добрался до магазина матрасов. Все говорил себе, может быть, завтра.

«*Но иногда завтра не наступает.*»

Я вытряхнул эту мысль из головы снова и выполз из постели, чтобы взять очередное пиво. Ничто не закрывало окна, поэтому я, вероятно, должен был беспокоиться о том, что ходил голышом, но свет в окнах Уиллоу был выключен уже больше часа.

Когда мне посчастливило поспать, одежда была исключением. Она были слишком сковывающей, скручивалась и сжималась вокруг меня с каждым движением и поворотом. Даже когда я засыпал в своих боксерах, я почти всегда просыпался голым. Видимо, даже мое подсознание ненавидело нижнее белье.

Джимми объявил гостевую группу, и публика приветствовала ее, когда я подошел к холодильнику. Я выпил бокала вина за ужином с Уиллоу. Еще одно пиво, и я отключусь. На всю ночь, я надеюсь.

Я забрался обратно в постель, и приглашенная группа Фэллона начала свое выступление. Один аккорд, и комната вспыхнули ярче афганского солнца.

«Тем летом было чертовски много боли».

Не скажу, что мне нравилась эта группа, но эта конкретная песня стала для нас чем-то вроде мантры. Парни орали ее на полную, когда мы приближались к воротам. Моя команда состояла из сержанта Деррика Матени, капрала Марка МакГроу, рядового Дональда Джеймисона, меня и рядового Гранта Оливера, который сидел за рулем. Их голоса звучали в унисон, когда мы покидали безопасную зону, огражденную колючей проволокой.

Мы были третьей позицией в составе трех бронированных автомобилей, выезжающими вместе на миссию, с которой должны были вернуться задолго до восхода солнца. Никто не хотел пропустить празднование на следующий день. Не было бы ни праздничного стола, ни парада, ни даже холодильника с ледяным пивом, о котором я мечтал, но была бы пицца. Настоящая пицца. Или самое близкое к этому. Четвертое июля было поводом для волнения, независимо от того, на каком континенте вы были.

Тяжелое транспортное средство подскочило на бугре, толкнув меня в Матени, который этого даже не заметил. Я был на грани и не знал почему. Не было ничего необычного в том, что мы делали сегодня. Это была обычная операция. Прибыть на место, схватить цель и вернуться. Я проигрывал наше задание в голове, когда мы отправились к месту назначения.

— Как вы думаете, щенок будет приемлемой альтернативой? Мог бы он купить мне еще несколько месяцев? — Матени наконец нарушил молчание. Он думал о своей жене. Я не знал наверняка, но считал, что в такие моменты трудно было думать иначе.

Я не мог разглядеть его глаз сквозь пыльные очки, чтобы определить, серьезен ли он, но я знал, что это не так. Я был рядом с этим человеком почти три года и знал его лучше, чем он сам. Все это было позерством. Он возвращался домой через несколько недель, на этот раз навсегда. Спор о его будущем был способом его планирования.

— Нет, — ответил я. — Она хочет ребенка. Возьми ей щенка, и у вас будет щенок и ребенок. Никто этого не хочет, — я видел фотографии его жены. Он пихал их мне в лицо почти каждый день в течение первых шести месяцев пребывания в Афганистане.

— Может, если я просто появлюсь с ним, — проворчал он.

— Или, может быть, ты используешь свой член для чего-то большего, чем для теплых рук, — сказал Грант на всю машину. Он был самоуверенным ублюдком, которому всегда было что сказать. Но когда нам это было нужно, как сейчас, комический рельеф был оценен по достоинству.

— У него есть...

С оглушительным грохотом наш автомобиль взлетел в воздух. У меня было смутное ощущение перевернутости, а затем нас перевернуло еще несколько раз, прежде чем вокруг потемнело.

Мои глаза открылись, когда еще один снаряд попал в наш перевернутый МРАР (прим. бронемашина с усиленной противоминной защитой), и раздался следующий взрыв. Был ли я без сознания? Если так, то не больше нескольких минут. Понимание охватило меня, и я мгновенно сориентировался.

Мы были в огне и под огнем.

Что-то взорвалось на расстоянии. Основываясь на грохоте и тряске автомобиля, все должно было быть громче, чем было, но ничто не могло конкурировать со звоном в моих ушах. Мои глаза привыкли к темноте. Даже через мои очки, было слишком много дыма, чтобы разобрать больше, чем смутные очертания. Я протянул руки, чтобы найти Матени, осознавая, что рад, что они все еще при мне.

Ползая на коленях, я ударился обо что-то.

— Диаборн, это ты? — голос Матени звучал так, как будто он говорил через жестянную банку, но звук голоса моего лучшего друга ударили меня в грудь.

— Да, мужик. Ты можешь двигаться? — прокричал я, предполагая, что он тоже плохо слышит.

— Не думаю.

Еще одна вспышка света показала дыру в броне стены. Наверное, это была моя лучшая, если не единственная стратегия выхода на этом этапе. Я поднял Деррика на спину и притянул нас к отверстию. Вдалеке раздались звуки стрельба и еще один взрыв, и мы оба упали лицом вниз в грязь.

Я снова встал на колени и посмотрел на свою грудь, почти ожидая увидеть, что она разорвана. Я был весь в крови, но она была не моей. Все во мне болело, но ничего страшного, чтобы объяснить количество крови, которое я видел.

Неужели я потерял счет времени? Я не был уверен.

Ничто вокруг меня не выглядело так, как я ожидал, но то, что я предполагал, было огнем противника, заставило меня двигаться. Укрытия были в стороне от дороги. Мои ноги буквально пролетели по земле, и я не мог поверить, что мне не тяжело, учитывая нагрузку на спину. Куда делись все камни? Сухие пыльные листья хрустели у меня под ногами.

— Деррик? Деррик? — он не ответил, но я все равно ничего не мог услышать. — Держись там, мужик, — сказал я, надеясь, что сообщение получено.

Я остановился, как только деревья спрятали нас.

— Я возвращаюсь к остальным, — сказал я, стянув его с моей спины и положив на землю. Я похлопал его по лицу, но он не ответил. Его глаза смотрели на меня безучастно, и я знал, что уже слишком поздно. Я не понимал. Он говорил со мной всего секунду назад. Я был в этом уверен. Мои глаза пробежались по его телу и остановились там, где должна была находиться нижняя половина его тела.

Мой лучший друг умер. Я посмотрел на луну, и дождь ударили меня в лицо. Когда начался дождь? Когда мы загружались, не было дождя. Дождь лил, когда мы выползли из MRAP? Я не мог вспомнить, но в это время года всегда было около пятидесяти процентов вероятности, что пойдет дождь. С того дня я ненавидел Афганистан.

Молния снова прорезала небо, за ней последовал раскат грома. Когда я оглянулся на Деррика, он исчез — не половина, а все, и земля под ногами не была афганской. Облегчение переполнило меня, хотя его немедленно преследовали здоровые дозы изнурительной вины, а затем замешательство.

Я опустился на колени. Моя голая кожа казалась неестественно яркой на фоне кленовых листьев и сосновых иголок, покрывающих землю. Я посмотрел в небо, благодарный за дождь и облака, скрывающие луну и любой свет, который он мог бы пролить сквозь ветви деревьев.

Все это не имело смысла. Я закрыл лицо руками и задался вопросом, почему это происходит, когда прекратится, и как все это изменить.

Уиллоу

Не включая свет, я нашла стакан в шкафу и наполнила его водой. Вспышка молнии на мгновение осветила кухню. Это и рокочущий грохот грома снаружи заставили меня подойти к окну.

Я ожидала, что окна в квартире над гаражом в этот час будут темными. Только настоящий безумец не спал бы в 4:00 утра в пятницу, но открытые окна Куинна светились и мерцали, заставляя меня задаться вопросом, возможно, это просто включенный телевизор. Не раз он упоминал, что плохо спит.

«О, Куинн, ты такая головоломка». Мое сердце затрепетало, и молния снова вспыхнула снаружи.

Гастон вскочил на стол, и я повернулась к нему. Этот странный кот любил пить воду прямо из крана. Когда он закончил, я снова выключила кран и рассеянно почесала голову животному.

— Тебе нравится это, не так ли, старина? — спросил я.

Он промурлыкал свой ответ и посмотрел в окно с тихим ужасом.

Мы оба стояли у раковины, вместе наслаждаясь ранним утром, как мы делали большинство дней. Через несколько минут мне уже нужно будет одеться, загрузить машину двумя ящиками с курицей и пельменями, которые сегодня были в меню, и отправиться на работу в пятидесяти ярдах от дома. В любой другой день я просто загрузила бы свою красную тележку и потащила ее туда, но сегодня дождь лил как из ведра.

Глядя в окно, Гастон внезапно зашипел, и я наклонилась вперед, чтобы посмотреть что там. Даже сквозь проливной дождь я видела, как что-то шевельнулось у ручья на краю моих владений. Я наклонилась вперед, чтобы рассмотреть внимательнее.

Земля с другой стороны была неосвоенной. Да и не было ничего необычного в том, чтобы посмотреть в окно и увидеть лису, рысь или даже семью оленей из национального парка, бродящих здесь. Один или два раза у меня даже были бурые медведи, которые рылись в моих мусорных контейнерах. И, конечно же, я дразнила этим Райана, но он клялся, что ему не нужен мой мусор.

Еще одна вспышка молнии осветила двор, и тошнота накатила на меня, словно товарный поезд. Я закрыла глаза и попыталась отгородиться, но это было слишком тяжело. Слишком много темноты. Синий, черный и каждый оттенок мрачного серого угрожали поглотить меня и втянуть в яму, которую я не видела с тех пор, как умерла Дженис. Слезы печали наполнили мои глаза, но это были не мои слезы.

«Куинн».

В темноте показалось еще одно движение, и Куинн проскользнул через ручей. Мое сердце остановилось. Воздух застрял в легких, и мой затуманенный ранним утром мозг встряхнулся. Я схватилась за край стола, чтобы и дальше оставаться в вертикальном положении. Мой желудок бушевал и изворачивался, но я не могла отвести взгляд. Даже сквозь туман отчаяния, отделяющий нас, Куинн был прекрасным видом.

На мужчине не было одежды. Его голая кожа практически светилась на фоне черного пейзажа.

Не то, чтобы я раньше не видела подобного. Мужчины часто бегают голыми по лесу вокруг Вудлэнд Крик. Оборотни часто встречаются в этой местности; это должно было происходить время от времени, если вы знали, когда и где искать. Большинство планировали это наперед, оставил сверток или сумку с одеждой, спрятанной в лесу, чтобы не попасться. Это не имело никакого отношения к смущению. Для оборотня, быть обнаженным так же естественно, как бегать на четырех ногах или летать. Тем не менее, необходимо принять меры предосторожности. Большинство людей в этом районе понятия

не имели о существовании магии, и никто не хотел садиться в тюрьму за непристойное поведение.

Куинн бросился к гаражу, его ноги и руки раскачивались, его тело напряжено. Голый или нет, в нем не было ничего неприличного. Контуры и изгибы его тела были размыты во время бега. Когда он добрался до лестницы на краю гаража, хватаясь за перила, то преодолел ее в два шага.

Мое сердце яростно билось в груди.

Я видела его, каждый его прекрасный дюйм. Он не мог знать, что я смотрела, но я могла чувствовать его смущение так ясно, как будто он прошептал это мне на ухо. Это бросало вызов его великолепию.

Когда он закрыл за собой дверь, я облокотилась на стойку. Чувства были его, а не моими. Даже в моем противоречивом состоянии я весь день могла наблюдать, как он бегает. Даже если вид голого Куинна вызывал бы рвоту каждый раз, когда я его видела, это того стоило. Хотя я должна была признать, что, возможно, хорошо, что мы еще не переспали. Если бы я набросилась на него, когда он впервые разделся предо мной, все могло бы стать неловко.

Я вылила воду, открыла дверцу холодильника и налила себе немного чая Дженис. Я опустошила стакан, а затем налила еще один, прежде чем сесть за стол, чтобы понять, о чем идет речь. Его проекции были уже слабее, направление мыслей менялось, когда он успокаивался в своей квартире.

Я сидела в оцепенении, голова была наполнена вопросами, а сердце сомнениями. Почему он бегал голый в лесу? У него не было дела, находящегося там, особенно в его нынешнем состоянии ума, о чем я даже не могла понять. Ночью в лесу было полно злодейства. Всего месяц назад я потеряла двоюродного брата из-за опасностей, таившихся там. Я не хотела, чтобы Куинн тоже столкнулся с неправильными видами существ.

И почему он снова заболел? У нас было несколько хороших дней, и я решила, что переезд в гараж принес ему облегчение. Я думала, что, может быть, в своем собственном пространстве он находит мир и не имеет дела со своим прошлым. Я позволила его спокойствию убаюкать меня мыслью и надеждой на то, что наши отношения были возможны. Но теперь я оказалась такой же восприимчивой к его настроениям, как и в первый раз, когда он пришел в мое кафе.

После каждого шага вперед, казалось, мы делали два шага назад. И каждый раз, когда я приближалась к нему, он снова отстранялся. В одном я был уверена, Куинну было больно.

***

Я не знала, как и даже смогу ли я ему помочь.

Несколько часов спустя, я чувствовала себя намного лучше. Может быть, это подействовал чай. Может быть, Куинн успокоился или даже уснул. Или это могло быть физическое расстояние между нами. Кафе, казалось, было достаточно далеко от дома, и он не мог влиять на меня. Какова бы ни была причина, я была рада отсрочке по одной конкретной причине — я старалась изо всех сил не думать о том, что видела ранее утром.

Я поставила завтрак на стол номер шесть и снова оказалась у окна, когда Райан нажал на звонок.

— Дозаказ.

— Какие планы на выходные? — спросила я его.

— Подготовка к свадьбе, — раздраженно сказал он. — Видимо, успеть все за шесть недель — задача не из легких.

Я пристально посмотрела на него.

— С учетом ремонта дома.

— Я знаю. Прости. Я твой должник.

— Не мой. Куинна. Он работает, надрывая свой зад.

— Ты тоже.

Я покачала головой.

— Не так много, как должна бы. Он не хочет меня подпускать. К тому времени как я прихожу домой, он уже готовится ко сну.

— Как все продвигается? — Райан нервничал.

— Ты должен прийти и увидеть это. Все потрясающее. Вчера он закончил демонтаж последней ванной и ужинал за столом, когда я вернулась домой.

Он изогнул бровь.

— А после ужина? — поскольку мы довольно много обсуждали каждый аспект нашей жизни, Райан прекрасно понимал, что наши с Куинном отношения зашли в тупик.

— Как обычно, мы оба разбежались по нашим укромным углам, — мои мысли против воли оказались там, где я этого не хотела. Я не могла ничего с собой поделать. Простое упоминание о том, что Куинн бежит, вернуло ему образ этого раннего утра. Бафф, и он на моем заднем дворе.

Голый.

Райан прикрыл глаза, как будто изображение причиняло ему боль.

— Bay. Но ты ясно видела его голым.

— Убирайся из моей головы! — я посмотрела на него. Это был очень реальный и неудобный недостаток того, что Райан был лучшим другом. Я схватила поднос, стоявший на раздаче, и отпрянула от Райана. Но было уже слишком поздно. Я уже слишком много раскрыла.

— Где он был? Похоже, мне нужно вернуться и пробраться к нему в голову.

Я снова резко обернулась.

— Занимайся своим делом, Райан. Я серьезно. Что-то происходит с ним, но я не подталкиваю его. Он скажет мне, когда будет готов.

— Или я могу сократить этот путь.

— Нет, никакого сокращения. Я хочу услышать об этом от него, а не от тебя.

Райан выглядел недовольным.

— Я говорил тебе раньше — он опасен.

— А потом ты передумал, когда это могло послужить твоим целям, — я поиздевалась над ним. — Спасибо, Куинн. За то, что ты готов работать в доме и подготовить его к моей свадьбе, потому что это мне нужно? Потрясающее. Цени это. Ты собираешься каждый день болтаться с Уиллоу? Я тебе не доверяю, но это звучит здорово, — у меня задрожали руки, я побледнела.

— Успокойся, Уиллоу. Я никогда не позволил бы ему находиться поблизости, если бы думал, что он угрожает тебе, — прорычал он мне.

Я встала и свирепо посмотрела на него.

— И все же ты сделал это.

— Нет. Я позволил этому случиться, потому что в тот вечер я видел все, что было у него в голове. Он был как открытая книга, и его было очень легко прочесть. Он думал, что я причиню тебе боль, и стал между нами. Он хотел защитить тебя от меня. От меня, — Райан рассмеялся.

— Значит, ты знаешь, что он собирается причинять мне боль, и ты можешь дать ему то, что он заслуживает, — вызывающе сказала я.

Он наклонился вперед, и его лицо заполнило все окно.

— Кажется, его сердце находится в правильном месте, но что, если он не справится с этим, Уиллоу?

— Держись подальше от его головы. И держись подальше от моей, — я повернулась на каблуках и удалилась.

— Нет правил, когда дело касается твоей безопасности, — сказал он мне в след.

Когда я добралась до столика старика Хансена, я все еще кипела. Поднос стукнулся о стол, и кусочек тоста соскользнул с тарелки на стол. Он поднял на меня удивленный взгляд, но ничего не сказал. Вместо этого он поднял тост и положил его обратно на тарелку. Он подарил мне редкую улыбку, и я изо всех сил старалась ее вернуть. Я все еще могла чувствовать его взгляд на себе, когда уходила.

В очередной раз, подойдя к кассе, я проигнорировала Райана, который все еще смотрел на меня через узкое окно. Я распечатала и просмотрела чеки. Когда я нашла чек Клайва, то разорвала его пополам и выбросила в мусорное ведро.

— Твоя вина, — бросила я через плечо. — Я практически опрокинула завтрак на его колени.

— Перестаньте быть настолько драматичной, — фыркнул он.

Звоночек над дверью зазвонил, и я поднял глаза, чтобы увидеть Куинна, вошедшего в кафе.

— О, ради Бога и всего святого, — пробормотала я. Это был не лучший момент. Я была так зла на Райана, что чуть было не плакала. Моя внутренняя стена была грудой щебня, и, даже если бы я могла снова поднять ее, я знала, что против него нет никаких шансов. Я не хотела, чтобы Куинн меня такой видел. Я не хотела *его* видеть, не сейчас.

Когда я последний раз видела его, он был голый и мокрый. Именно этот образ пролетел в моей голове, когда Куинн встал передо мной.

— Привет, — сказал он, неуверенным голосом. — Все в порядке?

— Угу, да, — сказала я, нервничая. «*Возможно, на тебе есть белье. А может, и нет. Разденься и посмотрим*».

Я услышала, как Райан посмеялся надо мной, и снова обернулась к нему.

— Я предупреждаю тебя, — сказала я, указывая на него пальцем. — Ты не единственный, кто может играть в эту игру. Ты хочешь знать все, что сейчас чувствует Ванесса? Беременным женщинам очень весело, — сказала я со здоровым сарказмом.

— Не-е-е, — он повернулся к печке и начал насвистывать.

— Я так и думала, ты трус, — когда я повернулась к Куинну, он выглядел совершенно растерянным. — Не обращай на нас внимания. Мы спорили до твоего прихода, но теперь все в порядке, — я улыбнулась, чтобы успокоить его. Прямо сейчас мне не нужно было его сбивать с толку. — Что-то случилось?

— Я пришел, чтобы спросить тебя о светильниках для ванных комнат. Я сделал несколько снимков того, что есть в хозяйственном магазине, но не думаю, что тебе понравится то, что я нашел. Возможно, нам нужно что-то заказать.

Я кивнула. Очевидно, Райан был не единственным, кто мог читать кого-то вроде книги. Я уже знала, что было в нашем местном хозяйственном магазине, и там не было ничего, что я бы хотела видеть у себя. Тот факт, что Куинн уже чувствовал то, что мне нравилось и не нравилось, согрело меня.

— Ты мог бы просто прислать мне фото.

— Ну, я думал об этом, но у меня вроде как нет твоего номера телефона.

— Он у тебя есть, — сказал я, смущенно. — Я записала его в твой телефон, когда ты оставил его здесь случайно. — Так многое изменилось за несколько недель.

— В самом деле?

Я покачала плечами.

— Я подумала, что ты захочешь поговорить как-нибудь.

— Ты вроде как хитрая, не так ли?

— Я могу быть такой, — я наклонилась вперед, облокотившись на столешницу. — Когда я чего-то хочу, — я посмотрела на него и невинно моргнула.

Он изогнул бровь. Его зеленые глаза, казалось, блестели ярче, чем следовало бы при свете люминесцентного освещения в закусочной. Он положил руки на столешницу по обе стороны от меня и слегка наклонился вперед.

— И ты хотела чего-то от меня?

Воздух между нами пульсировал сексуальным напряжением. Образ его обнаженного снова замелькал в моем сознании.

— Только тебя, — сказала я, бросая осторожность на ветер.

Он изучал меня секунду, его выражение внезапно стало серьезным.

— Я запомню это.

— Пожалуйста, — я посмотрела вниз, внезапно испугавшись. Что я делала? Я слишком настаивала, чтобы сделать это чем-то большим, чем это было? Я не хотела испортить то общение, что, казалось, органично развивалось между нами, но это также казалось естественным. — Мы могли бы съездить в Луисвилл, — выпалила я.

— Луисвилл? — спросил он, снова смущенный.

— Поехать в Луисвилл и купить там все для нижних ванных комнат.

— Поддерживай местный бизнес, — крикнул Райан из-за меня. — Они тебя поддерживают.

Я резко развернулась и практически зарычала на него. Я серьезно относились к тому, что не хотела, чтобы он слушал все, что было сказано или подумано между Куинном и мной.

— Делай свое дело, — крикнула я ему. — Или еще лучше, открой свое собственное. Он посмеялся.

— Без тебя я не справлюсь.

Я не могла с ним спорить. Я уже беспокоилась о том, как бы яправлялась с кафе без него, если бы он нашел лучшую работу, но я была не в настроении уступить ему в чем-то. Я отмахнулась от него и вернулась к Куинну.

— Почему не в Цинциннати? — спросил он.

Я покачала плечами.

— Я нашла то, что хотела в Луисвилле. Зачем ехать дальше?

— Мы могли бы поехать сегодня днем. У тебя ведь нет занятий?

— У меня не получится. Я смогу только завтра после того, как закончу здесь, но сегодня вечером у меня собеседование с девушкой.

Куинн внезапно обрадовался. Все кафе засияло.

— Кто-то, чтобы помочь здесь?

— Да. Откликнулась какая-то знакомая Райана.

— Вторая официантка — отличная идея. Надеюсь, это сработает, и ты сможешь брать выходной день время от времени.

Из кухни послышался смешок. Я отмахнулась.

— Игнорируй его. Сегодня он пытается меня вывести. Мы могли бы сделать все за один день. Ну, во второй половине дня. Я не могу уйти, пока не закрою кассу, — волнение в моем голосе было безошибочно. От перспективы уехать из города почти на целый день у меня закружилась голова.

Его лицо вытянулось.

— О, я не смогу завтра. Я уже пообещал парням... — он помолчал, и радуга эмоций ударила меня в живот. — Я сказал Брайсону и ребятам, — продолжил он, — что пойду с ними завтра днем. Осталось всего несколько недель лучшего сезона, а они звали меня с самого начала.

Новый вид напряжения пульсировал вокруг меня, заставляя желудок переворачиваться и сжиматься. Я обошла барную стойку к тому месту, где он стоял, и села на ближайший стул. Я ждала, когда оранжевые и синие волны отступят. Когда они не стихли сразу, я поняла, что у него на уме гораздо больше, чем очистить свой календарь для нашей поездки в Луисвилл.

Моя позиция об охоте никогда не менялась, но впервые в своей жизни я чувствовала себя обязанной молчать. Я не хотела препятствовать Куинну проводить время со своими друзьями. Я не знала, что именно он пережил, но они знали его дольше, чем я. Они с ним

лучше общались и проводили больше времени. Был шанс, что они смогут связаться с ним и помочь, прежде чем я смогу это сделать.

Я виновато смотрела, как Райан прошел мимо с двумя тарелками, чтобы поставить их на стол, который я проигнорировала. Всем нужны друзья. Я никогда не смогу поддерживать хобби Куинна, но я все еще могу поддержать его.

— Мы могли бы вместо этого поехать в воскресенье, — предложила я.

Куинн изучал пол, как будто он все еще не знал, что делать.

— Или на следующей неделе. В этом нет спешки, — добавила я.

Он ответил, не поднимая глаз.

— Нет, поедем в воскресенье. Это подойдет.

— Эй, Куинн? — его голова раскальвалась, но он, наконец, встретил мой взгляд. — Ты в порядке? — если он продолжит это, мне понадобится взять с собой целый галлон с чаем Дженис, чтобы пережить поездку. Или провести на коленях все это время. Сидеть на его коленях было бы лучше.

— Да, а что?

— Похоже, я потеряла тебя на секунду.

— О, да. Прости, — он поднял голову и действительно посмотрел на меня. — Подожди. Ты в порядке?

Теперь, когда он заметил это, его эмоции сменились на совершенно иные. Эти я могла бы обработать. Неудивительно, что его забота обо мне хорошо отразилась на мне.

— Да, у меня все хорошо.

Он выглядел неубежденным.

— Снова твой желудок? Как твоя голова?

— Я в порядке. Правда, — Райан снова прошел на кухню и неодобрительно посмотрел на меня. Что он хотел, чтобы я сделала? Рассказала Куинну о таинственном «эффекте Диаборна»? *Этого не произойдет.* — Но мне нужно вернуться к работе.

Я начала подниматься, но руки Куинна на моих плечах вернули меня на табурет.

— Хорошо, но не могла бы ты подумать о том, чтобы пойти к врачу. Этот вирус, кажется, витает вокруг.

— Я подумаю об этом, — он негромко сердито проворчал, а затем наклонился и поцеловал меня в губы. — Вот видишь? Я уже чувствую себя лучше, — сказала я.

— Если это все, что тебе нужно, я могу дать тебе гораздо большее.

— Доктор Куинн спешит на помощь.

Он усмехнулся.

— О, боже мой, нет. Никогда больше не повторяй эту шутку.

— Это было ужасно, да?

— Хуже некуда.

Мы остановились. Он не был готов уйти, и я не была готова к его уходу.

Колокольчик над дверью снова зазвонил.

— Мне лучше вернуться к работе, — неохотно сказала я, поворачиваясь, чтобы поприветствовать нового клиента.

Человек был высоким с темной экзотического цвета кожей. Он шел по залу с грацией, которая не соответствовала его размеру, остановившись прямо перед Куинном и мной. Он протянул руку в знак приветствия.

— Ты, должно быть, Уиллоу. Райан рассказал мне о тебе все.

Я протянула ему свою руку.

— Извините, но я боюсь, мы не знакомы, — я изучала его лицо, гадая, не видела ли его где-нибудь раньше. Великолепные янтарные глаза сверкнули на меня. Они стали другими лишь на миг.

— Я — Лэс. Я пришел раньше. Надеюсь, все в порядке.

— О! — сказала я, неловко смеясь. — Ты Лэсли! Извини, если я кажусь потерянной. Я ждала тебя еще не скоро, — «и я ожидала, что ты будешь женщиной». Я посмотрела

вниз на наши все еще скрепленные руки, когда комната стала кроваво-красной. Куинну не понравилось, что этот мужчина прикасается ко мне. Я одернула руку и улыбнулась Куинну: — Лэсли, это Куинн. Куинн, это Лэсли. Он новый наемный работник, о котором я тебе рассказывала.

— Мои друзья зовут меня Лэс.

Глаза Куинна сузились, но он взял Лэсли за руку, потряс один раз, а потом отпустил ее, как будто бы обжегся.

— Приятно познакомиться, Лэсли. Я предположил, что на эту работу подаст заявку женщина.

Лэс с подозрением посмотрел на Куинна, обменившись с ним несколькими невысказанными угрозами, прежде чем он, наконец, повернулся ко мне, разорвав зрительный контакт с Куинном.

— Я ждал вакансию в Колумбусе последние шесть лет. Как уже сказал, я знаю, что рано, но я подумал, что лучшим собеседованием для этой работы будет наглядный пример. Если вы заняты, я могу помочь вам, а позже мы сможем провести собеседование, если вам понравится то, что вы увидите.

Несмотря на то, что Куинн ощетинился рядом со мной, я подумала, что это отличный план.

— Мне нравится.

Райан снова засмеялся, когда подошел к стойке. Неожиданно он бросил бутылку сиропа в Лэсли, и тот легко ее поймал. Райан похлопал Лэса по плечу, захватив в мужской версии объятий.

— Рад, что ты здесь, чувак. Спасибо, что пришел на помощь, — он повернулся к Куинну и ко мне. — Лэс — мой старый друг, и, как ты видишь, Уиллоу, у него кошачьи рефлексы — это наверняка пригодится, если он собирается идти в ногу с тобой.

Я кивнула в ответ на его скрытое послание и задалась вопросом, был ли Лэс пантерой или какой-нибудь другой большой кошкой. Я никогда не встречала таких раньше и должна была признать, что была в восторге от этой идеи.

— А еще он художник, — продолжил Райан, — и переехал сюда из-за красивых пейзажей.

Лэс улыбнулся мне.

— Здесь нет недостатка в красивых местах.

Куинн издал звук удущья. Комната наполнилась фиолетовым цветом гнева, и он выглядел так, словно мог воспламениться в любой момент. Я была рада, что утром здорово приложилась к скверному чаю, но потянулась к его руке, потому что это было лучшее лекарство.

— Ну, тогда нам, наверное, следует поработать, — сказала я, прерывая разговор. — Райан, ты можешь выдать Лэсу дополнительный фартук из кладовой и блокнот из офиса? — я повернулась к Куинну. — Что ты собираешься делать сегодня днем? — спросила я чуть мягче.

Его плечи расправились, грудь выпятилась наружу. Все эти позы «я-мужчина» были невероятно сексуальными и привлекательными и затрагивали некую инстинктивную потребность внутри меня.

— У меня почти готовы к покраске две комнаты, поэтому я их закончу и буду ждать твоего возвращения *домой*, — я не думаю, что акцент на последнем слове был сделан для меня.

Пока он смотрел на Лэса, я поднялась на цыпочки и подарила Куинну быстрый поцелуй в губы.

— Не могу дождаться. Может быть, сегодня вечером мы сделаем что-нибудь интересное.

— Я что-нибудь придумаю, — Куинн наклонился и поцеловал меня еще раз, прежде чем неохотно направился к двери.

И глядя, как он садится в свой грузовик через окно, я усмехнулась. Куинн никогда не был скучным. Либо я чувствовала себя лучше, чем когда-либо, — как будто не было ничего в мире, с чем я не могла бы справиться, — или хуже не куда. Это было похоже на бросание дротика с закрытыми глазами. Ты никогда не знаешь, во что попадешь.

— Хорошо, давай начнем, — сказал я Лэсу. — Почти все наши клиенты — завсегдатаи, так что ты сразу же все узнаешь, — я схватила кофейник со стойки и протянула ему. — Я была немного неаккуратной сегодня утром, поэтому, если ты не против, то пройдись по помещению, чтобы освежить чашки, это было бы здорово. Оставь старика в углу для меня. Я сама с ним разберусь.

Лэс не нуждался в дальнейших инструкциях. Я смотрела на него лишь мгновение, прежде чем взять еще один кофейник для себя и подойти к Клайву.

— Прошу прощения за то, что чуть не выронила еду на Ваши колени раньше, — сказала я, когда снова наполнила его чашку. — Сегодня завтрак за мой счет.

— Это не обязательно, — проворчал он. — Тебе уже лучше? Этот парень явно влияет на тебя.

Я засмеялась.

— Да, Райан определенно знает, какие кнопки нужно нажать, но я не должна вываливать это на одного из моих лучших клиентов.

Брови Клайва сошлись вместе.

— Не тот парень. Другой.

— О, вы имеете в виду Куинна? — я не могла остановить улыбку, расплывавшуюся по моему лицу.

— Один никогда не вставал за то, во что верил, а другой никогда не делал ничего иного. Я говорю о том, что это сбивает вас с ног и заставляет видеть звезды.

Мои глаза расширились, и у меня отвисла челюсть. Я разрывалась между желанием защитить честь своего лучшего друга и промолчать. Клайв никогда не говорил мне больше, чем заказ его завтрака.

Прежде чем я успела подумать, он встал и задвинул свой стул.

— Это выдуманная любовь к тебе. Как огонь и лед. Заставляет вашу голову вращаться, так что вы не знаете, какой путь верный или как отличить правильное от неправильного. Опять же, иногда любовь — чистая магия и вообще не нуждается в помощи. Наверное, пока не ясно, какая именно у вас.

Он поплелся к двери, пробормотав имя Дженис, словно это было проклятие. Я сразу же пошла на кухню и отменила все, что я сказала раньше.

— Я передумала. Я хочу, чтобы ты перебрал для меня чай-то мозг.

Я рассказала о необычайно странном разговоре с Клайвом на тот случай, если он пропустил его.

— Так как ты думаешь, он как-то связан с Дженис? — спросила я. — Как ты думаешь, у них был роман? Она ничего не говорила о нем.

Райан тяжело вздохнул и покачал головой.

— Я не знаю. Клайв тяжелый для меня. Он как Нэсси. Я получаю только то, что он хочет, и я уверен, что он это знает. Сегодня утром, когда он вошел, он говорил прямо со мной, как будто знал, что я слушаю. Затем он отключил связь, пока не подошел к двери.

— Что он сказал?

— Раньше он еще раз поблагодарил меня за оладьи и сказал, что вчера умер Аристотель. Потом, когда он уходил, то сказал: «Просто читайте проклятые книги», но я не уверен, для кого было это послание.

— Он пробормотал имя Дженис по пути к выходу. Интересно, что это значит?

— Кто знает?

— Что, если он был безумно влюблен в нее и ел здесь каждый день, потому что он не мог держаться от нее подальше? Как это романтично! Я должна спросить его, когда он придет завтра. Или, может быть, нам стоит сходить к нему, — мое сознание помчалось за

выдуманным романом, который я уже собрала в голове. Дженис была вдовой все годы, что я знала ее.

— Или что, если у него есть какая-то сумасшедшая вендетта против нее, и он собирается превратить нас в жаб, как только мы ступим на его порог? Мне нравится быть медведем. Я мужественный и страшный.

Я закатила глаза, но пристальный взгляд Райана сказал мне, что он не собирается прогибаться. Он не хотел участвовать в посещении Клайва. Если бы я хотела пойти к нему, мне пришлось бы идти одной.

— Нет. Ты не пойдешь.

Я раздраженно рассердилась.

— Убирайся из моей головы, Райан.

— Перестань давать мне повод бывать там.

— Когда я смотрю на Клайва, он кажется милым.

— А мне он кажется злодеем.

— Говоря о злодеях... — сказала я, наклоняясь и указывая на него. — Ты мог бы предупредить меня о Лэсли.

Райан хихикнул.

— Я не думаю, что именно тебе нужно было предупреждение. Этот парень плохо на тебя влияет.

— Ты сделал это нарочно? — спросила я недоверчиво. — Серьезно, не дразни медведя, Райан. У него и так достаточно проблем.

Райан закатил глаза.

— Не дразни медведя. Очень забавно. Скорее, не дразни человека.

— Я думаю, что в его случае эффект тот же.

— Без шуток. Когда он уходил, то все еще думал о Лэсе.

Это было так заманчиво. Часть меня хотела спросить, о чем думал Куинн, когда уходил, но я считала, что у меня было хорошее свое собственное представление, даже без способности Райана читать мысли. Я действительно не хотела пересекать эту черту относительно Куинна. Это было неправильно. Тем более у меня самой было достаточно секретов от него.

— Я не хочу знать, — сказала я и отошла от него второй раз за этот день.

— Ладно, но наряďись сегодня вечером, — сказал он мне вдогонку.

Глава 10

Уиллоу

Я подъехала к дому гораздо позже, чем надеялась. Не потому, что заезжала домой к Клайву, как хотела, — я не делала этого, потому что сделала политикой жизни никогда не игнорировать предупреждения Райана, — а потому, что наём Лэса означал заполнение тонны документов. Я провела день, заполняя налоговые формы, и это было напоминанием о том, почему я предпочитаю работать одна.

Чек Клайва лежал на столе у входной двери, рядом с небольшим букетом разноцветных цветов. Они были яркими, жизнерадостными в отличие от времени года. Они сделали меня невероятно счастливой.

***

Куинн стер мой ответ «да» с прошлого раза, но тот все еще был немного заметен. Я проверила время на своем телефоне. В то время как я была бы рада вручить ему ответ лично, у меня не было на это времени. И если я хотела быть готова к 6:30, мне нужно было выдвигаться. Он должен был знать, что я все равно соглашусь.

Спустя почти час я вышла из своей комнаты, потратив несколько минут на то, чтобы проверить, не было ли на мне запаха жаренного с закусочной. Я оставила свои волосы распущенными, хотя обычно завязывала их в хвостик, но публичный выход с Куинном было определенно первым и особенным событием. Мои каблуки постукивали по деревянному полу коридора по дороге на кухню за высоким стаканом волшебного чая.

Я завернула за угол и чуть не закричала. Куинн прислонился к стойке с книгой рецептов в руке. Мое сердце замерло. «*Nem*».

Он захлопнул ее и швырнул на стойку, прежде чем встретить меня в дверном проеме.

— Эй, извини, если я напугал тебя. Я не хотел.

Я посмотрела на холодильник, а потом снова на него, не уверенная, чего я хотела больше.

— Все нормально. Я просто не ожидала тебя увидеть, — древесный аромат его лосьона после бритья чувствовался достаточно хорошо, чтобы заставить меня забыть свое имя и отключить мой здравый смысл, и этот аромат витал вокруг меня.

— Хочешь, чтобы я ушел и вернулся?

— Совсем нет.

«Да. Точно. Я определенно хочу его больше, чем чай».

Он сделал шаг назад, от меня.

— Знаешь что? Все это неправильно, — он повернулся на каблуках, и, прежде чем я успела осознать происходящее, задняя дверь захлопнулась за его спиной. Я в ужасе прислушалась к его шагам. Потом была только тишина. Я стояла, застыв в недоумении, и задавалась вопросом, что только что произошло, и должна ли я так его отпустить. Я посмотрела на свое простое черное платье. «Этого не может быть». Я посмотрела на книгу рецептов на стойке. «Это определенно может быть из-за нее».

Я побежала через комнату и схватила ее. Я открыла дверцу ближайшего шкафа и забросила ее внутрь сильнее, чем это было необходимо. Разозленная, я захлопнула дверцу. Я снова посмотрела на черный ход, не зная, что делать. Я сделала шаг, чтобы пойти за ним, но открывающаяся парадная дверь остановила меня. Я полетела по дому, моя улыбка становилась все шире, чем ближе я подходила к входной двери, которую оставила открытой, и к улыбающемуся Куинну.

— Здравствуй.

— Привет, — выдохнула я, заметив, что он переоделся. В сочетании с восхитительным ароматом, Куинн в брюках-карго, рубашке на пуговицах и модных кожаных лоферах придавал новый смысл эффекту Диаборна.

Его глаза скользили по моему телу, задерживаясь в некоторых местах. Мое тело воспламенилось под его взглядом.

— Ты нарядилась, — сказал он, повторяя мои мысли.

— А ты по-другому пахнешь, — ответила я. Он нахмурился. — Я имела в виду, что ты хорошо пахнешь.

— Ах. Ну, одеколон казался подходящим для ночи в городе, — он указал на выход.
— Мы можем идти?

— Конечно, — «или мы могли бы остаться».

— У нас зарезервирован столик.

— Тогда нам лучше пойти, — «или мы могли бы отменить резерв». Он встретил мой взгляд. Он был так же решителен, как и я.

— Я возьму свое пальто.

Через несколько минут мы остановились на парковке у «Pond & Duck». Он настоял на том, чтобы сесть за руль моей машины, потому что его грузовик был грязным. Зная, что мои проекты виноваты в этом, я с радостью передала свои ключи.

— Это слишком фантастично, Куинн.

— Нет, это не так. Вот куда я бы взял тебя.

— А? — спросила я несколько загипнотизированная романтическим светом огней, льющихся из окон ресторана.

— Если бы я пригласил тебя на осенние танцы, сначала мы бы поехали отужинать. *Oй.*

Я потеряла дар речи еще раз. Ресторан Pond & Duck был самым прекрасным в городе. Все старшеклассники отмечали здесь важные даты, когда они хотели выглядеть взрослыми.

— Честно говоря, я давно здесь не была.

— Ну, тогда тебе пора поужинать.

Он вылез из моей крошечной машины и пошел, чтобы открыть мне дверь. Положив руку мне на спину, он провел через парадную дверь. Как только мы оказались внутри, и он убрал ее, воздух вокруг меня переменился. Это был вечер пятницы, и ресторан был переполнен. Несколько пар ждали у стойки регистрации. Куинн обошел их всех, чтобы узнать о нашей резервации.

Хозяйка провела нас через переполненную столовую. Лучшие столы стояли вдоль задней стены, и оттуда открывался вид на пруд. Настроение Куинна падало с каждым шагом. К тому времени, когда мы сели, я была полностью сбита с толку, и моя голова начала болеть. Я не поняла, куда пропало его хорошее настроение. Мне нужно было прикоснуться к нему. Хозяйка протянула нам меню и исчезла. Я потянулась через стол к его руке. Как только он обернулся свою вокруг моей, я почувствовала себя немного лучше.

— Могу предположить, это тяжело для тебя, — тихо сказала я.

Он сжал мою руку и слабо улыбнулся.

— Честно говоря, то, как люди смотрят на меня. Это меня достает.

— Ты имеешь в виду, что они тебя обожают?

Я была смущена. Когда мы прошли по ресторану, многие узнали его и улыбались. Никто не смотрел на него плохо, насколько я могла видеть.

Его лицо напряглось, и он прочистил горло.

— Как будто я какой-то не такой.

— Но ты герой, Куинн. Для большинства этих людей ты словно супергерой.

— Поверь мне, я не герой.

— В наших умах ты — герой. И тут нечего стыдиться.

— Пожалуйста, не говори так, Уиллоу. Не будь одной из них. Мне нравится быть рядом с тобой, потому что ты смотришь на меня так же, как и всегда. Как будто все постарому.

Я подвинулась в кресле. «*Это потому, что я обожала тебя раньше. Ничего не изменилось*».

— Почему бы нам не пойти куда-нибудь еще? — предложила я. — Мы можем заказать фаст-фуд, пойти домой и устроить пикник на ковре.

Он снова сжал мою руку и отпустил. Он откинулся на спинку стула.

— Нет. Мы сделаем это.

Я кивнула, когда появилась официантка, чтобы узнать что мы будем пить. Я пробежалась по рецепту чая в своей голове, а затем быстро просмотрела меню, прежде чем заказать чашку ромашкового чая, московский мул (*прим.: коктейль на основе водки «Смирнофф» и имбирного пива, изобретенный в 1941 г.*) и воду. Официантка посмотрела на меня, как будто я сумасшедшая, когда я заказала в качестве закуски запеченные груши с корицей.

Лицо Куинна засветилось радостью.

— Мучает жажда?

— Ты даже не представляешь...

— Я понял, — сказал он, его глаза внезапно расширились. — Ты пытаешься воссоздать этот ужасный рецепт чая, который пьешь? Как он называется? Чай Уиллоу. Я видел это в книге рецептов Дженис.

Я была в шоке. «*Как я могу поделиться с ним правдой, не рассердив его?*» Я не хотела скрывать от него то, кем я была, дольше, чем это будет нужно, но я и не хотела его отпугивать. Мои секреты сделали бы это. Я боялась, что пройдет много времени, прежде чем я смогу быть полностью честной с ним, но, может быть, я могу начать с чего-то маленького. Может быть, если я расскажу немного о себе, он тоже откроется и объяснит мне, почему ему так тяжело на сердце. Может быть, он объяснит, почему он был голым в лесу этим утром.

— Именно это я и делаю. Я не могу достать достаточно мерзкого материала.

— Ты сказала, что это лекарство. Что оно делает?

— Недавно у меня было много проблем с желудком.

— Этот вирус, — сказал он, кивая. — Тебе действительно нужно пойти к доктору.

— Чай действительно помогает, — я глубоко вздохнула. — Это не вирус. Просто... у меня очень чувствительный желудок. Находиться вокруг людей может быть очень трудным для меня, — «*а именно, рядом с тобой*».

— Ты страдаешь от беспокойства?

— Иногда. Это зависит от того, что происходит вокруг меня, — «*и как ты себя чувствуешь*».

Я знала, что мои ответы неясны, но на самом деле не было другого способа честно ответить на его вопрос.

— В любом случае, чай помогает успокоить мой желудок и нервы. Дженис его придумала, когда я училась в старшей школе.

— Ты пьешь это со школы? — спросил он с недоверием.

— Нет. Можно сказать, что у меня был своего рода рецидив, — «*поскольку ты вошел в мою жизнь*».

Он наклонился вперед, его взгляд был серьезен, а сердце полно искренности.

— У меня ПТСР (*прим. посттравматическое стрессовое расстройство*), — он откашлялся и с беспокойством переместился на стуле, и несколько кусочков Куиннских пазлов встали на свои места. — Мне поставили этот диагноз после... — его и без того тихий голос умолк.

Я затаила дыхание, ожидая, когда он закончит предложение. Когда стало ясно, что он не собирается этого делать, я попыталась заполнить пустоту между нами.

— Прости, Куинн. Я действительно не могу себе представить.

Он покачал головой.

— Но звучит так, как будто можешь. Я тоже беспокоюсь в таких местах, — он подумал, что меня беспокоили все остальные в помещении, а не именно его присутствие. — Это не просто то, что на меня смотрят люди. Во мне много переживаний, и я боюсь, что что-то произойдет, что вызовет плохую реакцию. Мой терапевт сказал, что я ходячая бомба замедленного действия.

— Если это клинический диагноз твоего терапевта, тогда я думаю, тебе нужен новый терапевт.

Он улыбнулся.

— Ну, я немного перефразировал. Знаешь ли, выразился непрофессиональными терминами. Это достаточно жестоко, что они заставили меня выйти на пенсию. Очевидно, я не могу вернуться на поле боя, и мои сослуживцы могут не рассчитывать на меня. Так что теперь я завершивший карьеру, ни на что не годный тридцатилетний солдат. Я даже не могу помочь в тренировках, — полный спектр серых оттенков окружил наш стол.

— Прости, Куинн.

— Это просто... это все, что я знаю. Это все, что я когда-либо делал. Я не уверен в том, что мне делать теперь. Я не знаю, как это оставить.

— Ты найдешь новую цель, чтобы двигаться вперед. Что-то найдется и для тебя. Я знаю это.

— Может быть, — сказал он, когда официантка вернулась с нашими напитками. Когда она ушла через несколько минут, у нее были заказы на еду, хотя мы едва взглянули в наши меню. — Давай поговорим о чем-нибудь другом. Как там новый парень сегодня? Ты наняла Лэсли?

Я улыбнулась его явному раздражению по отношению к парню.

— Он — причина, почему мы здесь?

— Что ты имеешь в виду? — спросил он с притворной невинностью.

— Я имею в виду, он явно ухаживал за мной сегодня днем, а теперь мы с тобой в лучшем ресторане города. Я просто подумала, может, он как-то связан с этим.

Его глаза расширились, а затем на его лице появилась широкая улыбка.

— Ты действительно собираешься меня в этом обвинять?

— Да, — сказала я, ухмыляясь ему поверх стакана с моим «Московским мулом». — Действительно. Если это причина, по которой мы здесь, я в порядке. Думаю, что это мило.

— Ты думаешь, он милый?

— Нет. Я думаю, что эта ревность выглядит мило.

— Тебя это пугает?

— Нет. Мужчины в моей семье всегда были собственниками. Я привыкла к этому. Он кивнул и откинулся на спинку стула.

— Хорошо, потому что боюсь, что, вероятно, я не знаю, откуда взялась эта ревность и что именно я чувствую.

— Ты не уверен?

— Я никогда не делал подобного раньше, так что нет, я не уверен.

— Чего не делал раньше? — поддразнила я.

— Приглашал на свидание женщину.

Я фыркнула.

— Я не верю в это, Куинн Диаборн. Я знаю, что ты встречался с женщинами. Я помню одну довольно четко.

— Она была простой девчонкой. Мы были детьми. Для меня это было несерьезно. Мой скептицизм должен был быть написан на моем лице.

— Ты действительно пытаешься сказать мне, что у тебя не было девушки в течение последних пятнадцати лет? Насколько доверчивой ты меня считаешь?

— Если ты наняла Лэсли, я надеюсь, что ты не очень доверчива.

Я закатила глаза.

— Не менять тему, — официантка поставила перед нами наши салаты, но мы ее почти не заметили. — Расскажи мне о своей последней девушке.

— Она была около 170 см, не больше 45 кг веса и обычно на вершине пирамиды в старшей школе на моих играх. Я видел ее в «7-Eleven» несколько дней назад, и у нее целая орава детишек, которые выглядят ужасно похожими на Брайсона.

Я начала раздражаться. В конце концов, я свободно раскрыла свои якобы отношения с Тимом.

— Я не люблю лжецов, Куинн, — как только слова слетели из моих уст, я сразу пожалела о них. Я тоже не была с ним полностью честной. Я только начала раскрывать глубину своих секретов. — Прости... мне с трудом верится, что Ханна была твоей последней девушкой, — я отступила назад.

— Она была. Клянусь. Я виделся с женщинами время от времени, но я и не думал об отношениях, если ты понимаешь, что я имею в виду, — он выглядел застенчивым. — Мои приоритеты всегда были в другом месте.

— Ты сожалеешь об этом?

Он выпрямился в кресле.

— Никогда.

— Я так не думаю.

— Если говорить о поклонниках, — сказал он. — Ты наняла мистера Исключительные Рефлексы или нет? — он не собирался это упускать.

Я ответила ему с милой улыбкой и хорошим поддразниванием.

— Да, думаю, что он будет очень полезен в кафе, и он довольно очарователен, ты так не считаешь?

— Не дразни медведя. Он проснется.

Я хихикнула.

— Раньше я говорила то же самое Райану.

— В Вудлэнд Крик нет недостатка в красивых достопримечательностях, — насмешливо высказал Куинн. — Он действительно думал, что это сработает с тобой? — он сузил глаза. — Это ведь не сработало, верно?

Я засмеялась.

— Нет, со мной это не сработало. Видишь ли, есть один парень, и он как бы нравится мне. Оказывается, у него не было девушки последние пятнадцать лет, поэтому он понятия не имеет, что делать. Это забавно.

— Уиллоу Райкер, ты хочешь сказать, что хочешь быть моей девушкой?

Мое лицо покраснело. Это было совсем не то, что я говорила, но теперь, когда он упомянул об этом, я поняла, что это именно то, чего я хотела.

Однажды.

После того, как мы проработаем некоторые из его проблем, и я приду в себя.

— Тебе не обязательно отвечать на этот вопрос, — продолжил он. — Я просто утомляю тебя. Не знаю наверняка, но хочу сделать ставку, что крутой парень с красивыми глазами попытается украсть мою девочку, — он наклонился вперед и коснулся моей руки. — Поэтому тебе нужно еще кое-что узнать обо мне.

— Что? — спросила я, а затем затаила дыхание.

— Я с тобой, Уиллоу Райкер.

Не имело значения, что впереди был еще весь вечер. Я знала, что все еще буду улыбаться, ложась спать.

— Я тоже с тобой, Куинн Диаборн.

***

Я вошла в прихожую и поставила свою сумочку на стол у входной двери. Когда я обернулась, Куинн все еще стоял в дверном проеме, его массивное тело подсвечивалось фонарем с крыльца.

— Ты входишь?

Я смутно могла разглядеть то, как он покачал головой.

— Нет, не сегодня.

Мы оба были разочарованы его решением.

— Ты уверен?

— Да. Уже поздно, тебе завтра рано вставать. Утром я должен пойти к маме, чтобы собрать свою охотничью экипировку.

Отговорки. Еще один пример одного шага вперед и двух шагов назад.

Если он не собирался заходить внутрь, я собиралась получить адски хороший ночной поцелуй, прежде чем отпущу его. Я вернулась к двери и провела руками вверх по его груди — решение, которое сделало нас обоих счастливыми.

— Сегодня было не так плохо, правда? — спросила я.

— Надеюсь, что нет, — пробормотал он. Он провел рукой между моим платьем и пальто и притянул меня ближе к себе. — Плохое было на самом деле не тем, к чему я стремился.

Мои жаждущие исследовать пальцы прошлились вокруг его плеч и шеи.

— Мой салат был хорош. Ты едва дотронулся до своего бифштекса, но никто из нас ни к кому не развернулся и не устроил сцену. В общем, я объявляю это успехом, — я не

стала добавлять, что узнала кое-что о нем, он сам сознался в некоторых вещах и все еще светился, потому что он был «вроде как» со мной.

— Ты знаешь, стейк мне просто не понравился. Странно, — он задумчиво покачал головой. — Но я знаю это по тому, что у меня сегодня была хорошая компания. Поэтому все прошло легко.

Я поднялась на цыпочки, чтобы дать ему повод остаться.

— Не могу не согласиться.

Я не дала ему времени спорить или обдумывать это до того, как мой рот был на его. Скользжение моих губ умоляло его прекратить отталкивать меня. Мой поцелуй приглашал его и просил остаться.

Он разомкнул губы, и его язык нашел мой. Они принадлежали друг другу. Мои пальцы схватили его за волосы. Мое тело растворилось в его душе. Я никогда не чувствовала себя таким целостной и спокойной, как когда касалась его.

«Не останавливайся».

У него перехватило дыхание, когда он украл мое. Рука вокруг моей талии опровергла его решимость уйти, схватив меня вместо этого, как будто он никогда не отпустит. Мое тело дрожало и пело в ответ на его прикосновения.

«Я так похожа на тебя, Куинн Диаборн. Во многом».

Слишком рано, он решительно вздохнул.

— Хотел бы я взять тебя завтра с собой. С тобой все лучше, Уиллоу. Ты заставляешь меня чувствовать, что все возможно.

Я сделала шаг назад, мои ноги все еще дрожали от моей любимой части Эффекта Диаборна.

— Что тебя беспокоит?

Он посмотрел в пол вместо меня.

— Я должен был просто отменить все и отправился в Луисвилл с тобой. Мы не будем болтаться вместе, находясь там. Охота — это не групповой спорт. У каждого из нас свой тристанд (*прим. тристанд обозначает охотничью площадку с сидением, а чаще без него, устанавливаемую на дереве. Тристанды чаще всего переносятся до места охоты за спиной*). Не важно, там я или нет.

Я надеялась, что отправить его с друзьями было хорошей идеей. Я была в высшей степени разочарована тем, что они не будут вместе ожидать появления мифического монстра. Только для улучшения психического состояния Куинна я могла отпустить свою ненависть к «спорту». Я не видела, как это само по себе поможет ему, но я не стала менять свои взгляды сейчас. Я планировала увидеться со своей семьей. Поскольку Куинн вступил в мою жизнь, я не проводила с ними время. Взять его с собой было невозможно.

— Вы не пойдете куда-нибудь после? Поесть? Выпить? — с надеждой спросила я. — Обычно ребята заходят в кафе, чтобы рассказать о своих завоеваниях. Поскольку мы будем закрыты, предполагаю, что у них будет какой-то план про запас.

— Я уверен, что ты права. Я просто хотел бы сразу перейти к этой части. С тем, чтобы выпить пиво, я могу справиться. В остальном же я не уверен.

— Почему бы тебе не войти, и мы поговорим об этом?

Он посмеялся.

— Мы оба знаем, если я войду, мы не будем разговаривать.

— Ты думаешь, я вообще не владею самоконтролем? — поддразнила я. — Я могу держать свои руки на расстоянии от тебя. Обещаю, — я не была уверена, что это правда, но я же могла попытаться.

— Не твое самообладание меня беспокоит, — он снова посмотрел на пол, а затем потупился. — Думаю, я беспокоюсь не о том, чтобы быть там, а о том, что у меня будет только моя собственная голова, чтобы бы не дать мне заскучать, — его взгляд поднялся по лестнице. — Ремонт в доме был хорошим занятием для меня, потому что я занят и думаю о том, что делаю... и о тебе. Я трачу много времени, думая о тебе.

— Если у тебя плохое предчувствие, не ходи, — это было не то ободрение, которое ему нужно, но его зловещее настроение насторожило меня. Если он входил в это с опасениями, я тоже волновалась.

— Я уже сказал им, что приду. Я не нарушаю свое слово.

Я кивнула, зная, что его слова важнее всего. Его непоколебимая цельность была частью того, что сделало его тем, кем он был, и однажды я надеюсь, что обещания, которые он будет соблюдать, будут обещаниями для меня.

— Хорошо, хорошо, пообещай мне только одну вещь, — я подошла к нему и положила руку ему на лицо. Его затененные глаза встретились с моими. — Когда ты окажешься на тристанде, если чего-то станет слишком много, закрой глаза и представь, что я рядом. Просто подумай обо мне, и я буду там, чтобы сделать ситуацию лучше.

Я еще раз поцеловала его, прежде чем отпустить.

Глава 11

Куинн

Погода менялась к ночи. Воздух становился чище и холоднее, чем был до этого. Прекрасный день для охоты на оленей.

Если вы являетесь кем-то другим.

С самого начала мое сердце и разум были не здесь. Это было именно то, чего я боялся. Было слишком тихо для того, чтобы думать. Слишком много времени для воспоминаний. Сидеть здесь в лесу Индианы, в окружении лишь звуков природы, казалось слишком знакомо.

Разная география, но всё тоже ожидание.

Проходили часы, я был взволнован и постоянно отвлекался. Я ожидал, что мы будем использовать деревья, как прежде, когда мы были детьми, но это оказалось не так. Тим сказал, что на 33 гектарах земли распределены еще восемь таких будок на деревьях. Я решил, что у него слишком много денег. В углу был даже портативный газовый обогреватель, хоть я и не потрудился его включить. Было холодно, но терпимо.

Мы все были рассредоточены, каждый по отдельности. Я не видел и не слышал ничего от других парней, так как Тим, едва разблокировав ворота, обозначил наши позиции, и сейчас я находился в самом отдаленном уголке территории.

Мое оборудование устарело. Ничего подобного современному оружию у нас не было. Только мой лук, хороший старый бинокль и мои собственные глаза, чтобы следить за своей мишенью. Я работал и в худших условиях.

Я поднял бинокль к глазам и посмотрел в него одним глазом, ища любое движение. Но все, что я видел, это ряды сосен.

Враг был скрытен и спокоен. Уклончивый ублюдок. Мое терпение испарялось. Я хотел выбраться из этого гроба на высоте и пойти куда-нибудь выпить пива. Мне нужно было чем-нибудь занять себя.

Я осматривал самую чащу леса, когда раздался первый выстрел. Оборудование разлетелось по сторонам в столь маленьком пространстве. Я прикрыл голову руками, но все же несколько раз ударился, один раз лицом.

Я был слишком высоко и слишком открыт. Я бросился через маленький дверной проем охотничьей будки, ныряя к земле метра на два вниз. Мое тело покатилось по скалистой местности.

Я слышал только один выстрел, но не терял времени, чтобы сориентироваться, вместо этого просто пополз, волоча за собой одну ногу. Мои глаза были устремлены на участок, на который я только что рухнул. Он был бы хорошим местом, чтобы залечь и подождать.

Как только я оказался там, то присел на корточки и оценил повреждение. Я потерял свое оружие и был уверен, что у меня была как минимум одна сломанная кость. Я попытался встать, чтобы проверить свои подозрения, и был разочарован, обнаружив, что оказался прав. Моя лодыжка была сломана. Уже во второй раз именно эта лодыжка.

Что-то теплое струилось по моему лицу. Рукой на ощупь нашел порезы на влажном и липком лбу. Основываясь на количестве крови, я решил, что мне нужно наложить швы. Я опустошил карманы куртки в надежде найти аптечку, но потом рассмеялся. Я охотился на оленей, а не на террористов. Я не упаковал вещи для травм.

Раздался еще один выстрел, и я снова припал к земле. Закрыв себя листвами под низкой сосенкой, я приготовился ждать, но вместо этого потерял сознание.

***

«Моя рука мокрая», — это было первое, что мне пришло в голову, когда я проснулся. Небо потемнело, и у меня была мокрая рука.

— Диаборн, — позвал голос.

Я выдохнул. Кто бы это ни был, он был слишком далеко, чтобы помочь.

Что-то толкнуло мою руку достаточно сильно, чтобы сдвинуть ее, и мои глаза распахнулись. Я моргнул, когда они привыкли к темноте. Два больших карих глаза моргнули мне в ответ.

Она была прекрасна.

На самом деле она прижалась ко мне, почти была на мне. Ее тепло проникало в меня, даже когда холодная земля боролась с ее присутствием. В соседнем подлеске что-то промелькнуло, и ее голова внезапно повернулась. Она фыркнула, и ее большие уши оживились, чтобы ничего не пропустить.

Через несколько минут она снова повернулась и встретилась со мной взглядом. Это не было сном. Лань была самым красивым, изящным существом, которое я когда-либо видел, и я сразу же полюбил ее большие карие глаза.

Я не мог представить себе человека, который бы пришел в лес с намерением, которое я имел, намерением убить одного из ее вида, закончив тем, в какой ситуации я оказался.

Она ткнулась мокрым носом мне в руку и снова фыркнула, на этот раз только для меня.

Я улыбнулся, несмотря на боль.

— Что ты здесь делаешь, красавица? Ты столкнешься с целой кучей неприятностей, если останешься здесь.

Она вознаградила меня облизыванием ладони.

— Диаборн, — теперь голос был ближе.

— Они не ищут тебя, но тебе лучше уйти отсюда.

Она медленно моргнула, не обращая внимания на ситуацию.

— Диаборн.

Внезапно она встрепенулась и нервно заходила на четырех ногах. Одарив меня последним длинным взглядом, лань исчезла.

***

Когда я очнулся снова, рядом со мной не было теплого тела и не было обнадеживающего носа, вдавливающего мне в ладонь.

В комнате было искусственно холодно, и рядом звучал мелодичный звуковой сигнал.

— У мистера Диаборна сломана лодыжка, но меня больше беспокоит возможная травма головы.

— Старший сержант Диаборн, — исправил мелодичный, но твердый голос.

Я любил этот голос.

«У меня травма головы?» Я попытался сосредоточиться на потолке, потому что это казалось подходящим местом.

— Он очнулся, — сказала Уиллоу, бросаясь в мою сторону. Ее руки были в сотнях мест одновременно, как будто ей нужно было убедиться, что у меня все еще есть все части тела. — Доктор, он очнулся.

Еще одна тень упала на меня, большая и не такая приятная.

— Вы действительно упали, сержант Диаборн.

Основываясь только на его тоне, я не чувствовал необходимости отвечать.

«Падение?» Я этого не помнил.

— Я собираюсь быстро проверить ваши жизненно важные органы, а потом дам вам немного отдохнуть.

Я открыл рот, чтобы заговорить, но обнаружил, что он заполнен невидимой ватой.

Уиллоу наклонилась и прошептала мне на ухо.

— Я так рада, что ты в порядке. Ты действительно напугал меня, Куинн, — ее губы коснулись моего лба, а затем она наклонилась к моей щеке. — Я собираюсь выйти на улицу, чтобы он мог провести все необходимые тесты. Но обещаю, что никуда не уйду, — она провела пальцами по моей руке и погладила меня по ладони, затем неохотно подошла к двери.

— Часы посещения окончены, мисс Райкер, но вы можете прийти завтра после девяти.

— Черт, — сказал я, наконец, обретя голос. — Я иду домой, — я свесил ноги через край кровати и попытался встать. Моя голова, казалось, раскололась пополам, а лодыжка запульсировала. Внезапно стоять на ногах оказалось не такой уж хорошей идеей.

— У вас сотрясение мозга, мистер Диаборн. Пожалуйста, прилягте назад.

— Люди все время выходят из больниц с сотрясениями. Однажды я проехался на MRAP (*прим. бронированный автомобиль*) более ста пятидесяти миль с одним таким. Думаю, мне удастся уехать домой с моей девушкой.

Уиллоу сделала шаг вперед, ее лицо светилось.

— Пожалуйста, ложись, Куинн. Обещаю, что заберу тебя отсюда, как только разрешат врачи.

Недовольный доктор отрицательно покачал головой и посмотрел в обменную карту в своих руках.

— Сегодня вечером вы не пойдете домой, мистер Диаборн. Смотря на ваши расширенные зрачки, я полагаю, вы достаточно сильно ударились головой. Так же вас лихорадит, и мы еще не наложили гипс на вашу лодыжку. Когда у вас появился шрам на лбу?

Я провел пальцем по лбу, пока не нашел едва выпуклую линию.

— В начале июля.

— Ну, выглядит хорошо зажившим. Сейчас он едва заметен.

— Да.

— Похоже, ваша лодыжка сломана, но точно мы узнаем после того, как сделаем рентген. Медсестры придут за вами через несколько минут.

— Лучше скажите им, чтобы они поспешили, потому что я направляюсь домой. Я не буду сегодня здесь ночевать, у меня есть планы на завтра.

— Куинн, пожалуйста, послушай доктора. Луисвилл может подождать, — сказала Уиллоу, прежде чем проскользнуть через занавес.

Лицо доктора смягчилось. Он подошел к кровати и вставил концы стетоскопа в уши.

— Давайте посмотрим, что мы можем сделать, чтобы скорее вытащить вас отсюда.

Через несколько часов доктор смягчился, и мы уже возвращались домой. У меня было легкое сотрясение мозга, а перелом лодыжки заживет примерно через шесть недель. Я могу подождать до понедельника, чтобы наложить гипс.

— Я тут подумала, ты можешь спать в доме сегодня вечером, — сказала Уиллоу. — Я не уверена, что ты одолеешь лестницу, ведущую в гараж, — она взглянула на фиксирующий сапог на моей ноге. — И мне будет спокойнее, если я смогу приглядывать за тобой.

— Со мной все будет в порядке, — пообещал я. — Кто нашел меня?

— Тим и Брайсон. Кстати, твой телефон у меня в сумочке. Он разрывался сообщениями от них. Они были в больнице, но уехали, когда приехала я. Брайсон сказал, что завтра проверит тебя.

Я посмотрел в окно на почерневшие леса вдоль шоссе, ведущего к дому Уиллоу.

— Они рассказали тебе о том, что случилось?

— Они не были точно уверены, но сказали, что какой-то браконьер выстрелил, и ты упал с охотничьей будки. Что случилось, Куинн?

Я прислонился к окну машины.

— Все шло так, как я и думал. Было слишком тихо. У меня в голове творился беспорядок. Думаю, я смог бы с этим справиться, но прозвучавшие выстрелы как-то повлияли на мою голову. Это лучший сезон. Никто не должен был охотиться с ружьем.

— Кто знает? Может быть, браконьер охотится на другого зверя. Это оружейный сезон для охоты на лиса.

— Да.

Несколько минут мы молчали.

— Куинн? — спросила она, когда въехала на подъездную дорожку и остановила машину.

— Хм, — я внезапно почувствовал себя совершенно измотанным.

Она повернулась на своем месте, чтобы встретиться со мной взглядом.

— Ты действительно напугал меня сегодня. Пока ты был без сознания, я подумала о том, что охота сейчас не самая лучшая идея для тебя. Я не пытаюсь отговорить тебя от этого навсегда. Хотя, если ты решишь покончить с охотой, это было бы хорошо для моего спокойствия, — добавила она, смеясь. — Но, по крайней мере, хоть на этот раз, тебе лучше не рисковать и не идти в глуши с кучей оружия. Сегодня я боялась, что ты действительно навредишь себе.

«Или кому-то еще». Она этого не сказала, но и не обязана была. Я уже думал об этом.

У меня было довольно приличное представление о том, что произошло. Выстрелы были спусковым механизмом. Одну секунду я крепко держался за реальность, а в следующую — был где-то в прошлом. Не уверен, где именно — в Индиане или Афганистане. Похоже на то, что я был лунатиком.

— Согласен. Я больше не пойду туда.

Она вздохнула с облегчением.

— Давай уложим тебя в постель. Ты уверен, что не хочешь спать в доме? Ты можешь занять мою комнату, а я буду спать на диване, — она выглядела обнадеживающей.

— Я никак не могу забрать твою кровать. Какой рыцарь в сияющих доспехах отнимает кровать у прекрасной дамы?

— Ммм. Кто из нас в беде?

Рациональная часть моей поврежденной психики взбунтовалась. Мне не нравилось, что она думает обо мне как о человеке в беде. Я должен заботиться о ней, а не наоборот.

Я открыл дверцу машины и вылез из нее. Я направлялся к лестнице с Уиллоу, следующей по пятам. Сапог отбивал каждый шаг, пока я не добрался до площадки и не толкнул дверь. Я пробрался через комнату и сел на кровать обиженный.

Глаза Уиллоу широко раскрылись.

— Я не понимаю, почему ты злишься на меня. Что я такого сказала?

— Ничего, кроме правды.

— Это была шутка. Я действительно не думаю, что ты в беде.

— Ты была бы права, если бы думала так.

— Куинн, — сказала она, сжимая руки. — Пожалуйста, не отталкивай меня. Я чувствую, как ты закрываешься от меня. Пожалуйста, не надо. Я только хочу помочь тебе.

Мой гнев вспыхнул снова. Я знал, что это неправильно, но я не мог остановиться.

— Разве ты не понимаешь? Я не хочу, чтобы ты мне помогала и не хочу быть еще одним из твоих проектов, благодаря которому ты бы чувствовала себя хорошо. Просто еще одно из благотворительных дел Уиллоу.

Она медленно попятилась к двери, хватаясь за свой живот.

— Это не так. Это совсем не так, — она ускорилась. — Мне нужно идти. Ты делаешь мне больно, Куинн.

Я зажмурился и услышал, как дверь захлопнулась за ней. Она имела полное право злиться на меня. Это было несправедливо и незаслуженно. Я даже не знал, откуда пришел этот гнев. Одну секунду я был в порядке. В следующую — я был свирепым безумцем. Я откинулся на кровать. Как бы она не злилась на меня, на себя я злился сильнее.

Невероятно, но сон пришел сразу же. Мне снилась стрельба и пробег по лесу. Мне снился тот мокрый нос и Уиллоу.

Но главным образом, мне снилась Уиллоу.

Глава 12

Уиллоу

— Заказ готов, — крикнул Райан, нажав на звонок и выглянув в окно.

Я проделала свой путь к задней части ресторана. Хождение в течение всего дня было единственным делом, на чем я была сосредоточена. Мне не нужно было волноваться о чужих эмоциях, играющих с моим разумом. Мои собственные создавали достаточно хаоса.

— Господи, Уиллоу. Ты убегаешь от клиентов.

— Я этого не делаю.

— Нет, на самом деле делаешь, — я посмотрела на него искоса. — Вот, — сказал он, подвинув ко мне записку. — Может быть, это поможет.

Простишь меня?

- Да
- Нет
- Возможно

— Я так понимаю, это уже не наш секрет. Я всегда знал, что кто-то уведет тебя, в конце концов, и он даже взял мою записку.

Я прочитала ее вновь, и мои стены рухнули... снова. Тихие слезы потекли по моему лицу.

— О, ради всего святого, Уиллоу. Поговори с ним. Ясно же, он хочет объясниться с тобой.

— Я работаю, — прорыдала я.

— Мы с Лэсом можем справиться с этим в течение тридцати минут. Тащи свою грустную задницу через двор и поговори с ним. Трахни его в позиции сверху. Это понравится вам обоим.

— Райан! — «если бы все было так просто». Впервые я начала понимать, почему Куинн так колебался, чтобы перевести наши отношения на следующий уровень. Помимо того факта, что мы встречались только пару недель, он не преувеличивал, когда говорил, что в его голове творился беспорядок. И он не мог понять, что именно притягивает меня в его проблемах. Если он не будет готов к отношениям, мы оба пострадаем. И я бы страдала достаточно за нас обоих.

— Я голосую за то, чтобы ты этого не делала, — сказал Лэс, возвращая меня из моих мыслей обратно к дилемме. — Побереги себя, милая. Сохрани себя для меня.

Я закатила глаза и указала на тарелку, которая все еще стояла на раздаче.

— Не мог бы ты отнести это Клайву Хансену за шестым столиком?

Лэс работал в кафе на протяжении двух дней. И становился все более и более смелым. Если он продолжит в том же духе, я начну беспокоиться о его безопасности. Куинн повалил бы его на землю, если бы услышал, какие фривольные намеки слетали с его языка.

«Если он все еще хочет меня». Если я все еще хочу его.

Хочу ли я?

Я знала, к чему я клоню. Радуга, окружавшая его, была эмоциональным рекламным щитом. Я действительно не могла утверждать, что была удивлена тому, что он взорвался прошлой ночью. Прошло слишком много времени. Я просто не ожидала, что он направит это на меня.

— Вперед, Уиллоу. Врежь парню, который дал слабину, — сказал Райан. — Ты знаешь, как это работает. Ты набрасываешься на тех, кого любишь сильнее всего.

— Он меня не любит.

— Как он может?

— Ты псих.

— А ты упрямая. Иди к нему.

— Хорошо, — я потянулась за спину и развязала мой фартук. Затем бросила его через окошко в Райана и снова посмотрела на записку.

— Тебе понадобится это, — сказал он, бросая мне карандаш.

Я сделала паузу, чтобы рассмотреть карандаш в одной руке, и записку, которую держала в другой, и решила, что я уже знаю ответ. Я поставила галочку в третий раз и проскользнула за двери, пока никто не отвлек меня. Только один человек просил бы меня побеситься под видом отвлечения.

Я пересекла двор, пробралась к гаражу и поднялась по ступенькам. Я постучала в дверь и стала ждать. Ничего. Еще один раз и снова ничего.

Я спустилась по лестнице. Грузовик Куинна стоял на своем обычном месте, не то чтобы он мог водить его с гипсовым сапогом на ноге. Я побежала через двор и открыла заднюю дверь. Я почти дошла до входной двери, думая, что он может сидеть на крыльце, когда услышала стук со второго этажа.

Он был на лестнице, устанавливая потолочный вентилятор в единственной законченной спальне.

— Что ты делаешь? — мой голос выражал моё неверие. — Ты не должен стоять на лестнице. Ты собираешься убиться?

Он проворчал ответ, и мой взгляд упал на его раненую левую ногу.

— Где твой сапог?

— Где-то в гараже, — сказал он, пожав плечами.

— Ты должен носить его шесть недель.

— Сегодня он мне уже не нужен.

Я прошла вокруг лестницы, глядя на его обувь.

— Ты имеешь в виду, что не чувствуешь боли?

— Когда я проснулся сегодня утром, я проверил ногу. Все было хорошо, поэтому я снял сапог. Странно, знаю, но я не жалуюсь. Я могу сделать намного больше без этой штуковины на моей ноге.

— Но это невозможно. Я видела рентген. У тебя там был перелом, — я подошла ближе и указала на его ногу. — Серьезно, я это видела.

Он пожал плечами, как будто это было неважно.

— У меня, должно быть, действительно бесценные кости, потому что так происходит всю мою жизнь. Я не могу сказать сколько раз, боюсь ошибиться, — как

будто он, наконец, осознал, что я была там, он застенчиво повернулся ко мне. — Умм, Уиллоу...

— У меня для тебя кое-что есть, — перебила я. И протянула ему записку.

Он взял её и улыбнулся, поднимаясь по лестнице.

— Да?

— Да.

Он сложил записку, а затем достал свой кошелек и положил в него.

— Я этого не заслуживаю, — сказал он, опустив глаза.

— Конечно, ты заслуживаешь.

Он с явным разочарованием потер руку. Эффект состоял в том, что цвета комнаты затмил серый.

— Но я был так зол на тебя, и это даже не было правдой. Дело не в том, что я не хочу твоей помощи. Я не хочу нуждаться в твоей помощи.

— Предполагаю, это ново для тебя — нуждаться в помощи, но Куинн, ты не просто еще один благотворительный проект. Ты помогаешь мне так же, как я помогаю тебе, — я подняла руки и медленно повернулась. — Посмотри, что ты сделал для меня, а я не заплатила тебе ни копейки.

— И я не стану брать твои деньги, если ты попытаешься. Это хорошая терапия.

— Но это твоя единственная терапия?

Я потянулась к его руке.

— Несмотря на то, что ты делаешь это для меня, и я должна тебе больше, чем могла бы когда-либо заплатить, моя потребность помочь тебе не имеет ничего общего с этой комнатой. Я хотела, чтобы ты остался в доме со мной прошлой ночью, потому что я нуждаюсь в тебе рядом со мной. Даже когда тебя слишком много для меня, ты мне нужен. Когда я теряю тебя в тумане отчаяния, мне нужно почувствовать момент, когда ты появляешься на другой стороне. Я хочу знать, что заставляет твоё сердце болеть, Куинн. Я хочу, чтобы ты рассказал мне обо всех синяках и переломах. Я хочу, чтобы ты назвал своих демонов, чтобы я могла быть рядом с тобой, когда ты поборешь их. Я хочу быть твоей терапией, Куинн.

Его руки опустились вокруг меня, и он прижал меня к себе, так крепко сжав, что я едва могла дышать.

— Пошли со мной. Отправимся в Луисвилл сегодня, как мы и планировали. Нам будет полезно сбежать ненадолго.

— Ты уверен, что достаточно здоров?

Он переместился с ноги на ногу, словно проверяя их.

— Никакой боли.

— А твоя голова?

— Прекрасно.

— Я должна закончить свою смену.

Каким-то образом его руки сжали меня еще крепче.

— Но это означает, что я должен отпустить тебя.

— Я вернусь. Обещаю.

Он слегка отстранился, приподнял мой подбородок и прижался губами к моим. Его

поцелуй был извиняющимся и обнадеживающим.

— Если нужно, но поспеши.

Я прошла обратно по двору, намного легче, чем несколько минут назад.

— Получилось все исправить? — спросил Райан, когда я вошла через черный ход.

— Да, — сказал я, хватая кофейник, чтобы обновить чашки. Благодарность, которую я послала ему, была невербальной, в ответ он мне кивнул и послал понимающий взгляд.

Я прошлась по кафе, наполняя чашки до верха, именно так, как я чувствовала себя — заполненной до краев. В то время как по большей части говорила я, он сказал то, что мне нужно было услышать. Я знала, что он сожалеет о сказанном так же уверенно, как знала, что прощение польется из моего сердца.

Когда-нибудь, скоро, я надеюсь, что мои признания тоже прозвучат.

Я подошла к старику Хансену с необычайно яркой улыбкой даже для себя самой.

Он накрыл рукой чашку, чтобы я не могла ее наполнить.

— Ну, теперь ты, безусловно, в лучшем настроении. Я предполагаю, что ко всем этим взлетам и падениям имеет какое-то отношение парень, — он отодвинул стул, чтобы встать.

Я ласково улыбнулась, не собираясь позволять старику — даже тому, кто мог быть влюблен в Дженис в свое время — ослабить мое новое хорошее настроение. Я заслужила это.

— Отношения редко бывают легкими, мистер Хансен.

Он схватил трость, которую прислонил к стене.

— Особенno, если они сложнее, чем им стоило бы быть. Если бы ты читала книги, это помогло бы и твоему другу в конце зала, — он проворчал еще несколько непонятных слов, а затем пробормотал прощание.

— Он странный, ворчливый старик, — сказал Райан, когда я снова оказалась рядом.

— Не придумывай себе ничего.

— Я чувствую, что он пытается мне что-то сказать. Он постоянно говорит о книгах и тебе. Может быть, мы могли бы нормально поговорить, если бы вокруг не было других людей.

— Или, может быть, он порежет тебя на кусочки, Уиллоу.

— Чушь. Я знаю, ты в это не веришь. Ты — тот, кто готовил еду для его собаки.

— Я не проницателен для человеческих-или-нечеловеческих-страданий, Уиллоу. Его собака готовилась умереть, и по какой-то причине дала мне знать об этом. Эта собака любила мои оладьи, между прочим, — Райан поставил еще одну тарелку на раздачу. — Говоря о человеческих и нечеловеческих страданиях, ты и Ромео все еще планируете покинуть город сегодня?

— Да.

Он лукаво улыбнулся мне.

— Хорошо. Наслаждайся.

***

Я довольно потянулась и выпрямилась на сиденье грузовика Куинна. Посмотрела в

окно на окружающий горизонт.

— Постой. Где мы?

Он засмеялся за рулем.

— Твои волосы растрепались. Хорошо спалось?

Я опустила козырек и обнаружила, что зеркало треснуто. Сделав все возможное, я снова разгладила свои волосы.

— Да. Наверное, мне это было нужно, а? Как долго я спала?

— Достаточно долго, чтобы удивить саму себя. Ты спала прошлой ночью?

Я тряхнула головой.

— Нет, немного.

Он крепче сжал руль и поморщился.

— Это моя вина, и я сожалею, — он все еще винил себя за прошлый вечер. В машине было достаточно лазурной меланхолии и вины, чтобы поглотить нас обоих.

— Прекрати. Теперь все хорошо, — я прищурилась в окно, желая сменить тему, пока его плохое настроение не ухудшилось и не сделало меня больной. Я выпила столько чая, сколько могла, прежде чем мы выехали. По дороге с Куинном нельзя болеть. В его грузовике не было убежища.

— Мы в Цинциннати?

— Ага.

— Я действительно проспала всю дорогу через Луисвилл?

— Ты уснула незадолго до того, как мы въехали туда.

— И ты рассчитывал, что будешь продолжать движение, пока я не проснусь? — спросила я. Он увез нас намного дальше того, куда нам нужно было ехать.

— Неа. Я не мог поверить своей удаче, когда ты уснула. Все не могло получиться более совершенным.

Я с любопытством посмотрела в окно.

— Но мне нравится магазин в Луисвилле.

— Lowe's? — спросил он с усмешкой. — В Цинциннати есть несколько таких (*прим. Lowe's — американская компания розничной торговли, владеющая сетью магазинов по продаже товаров для улучшения жилища*).

— Да неужели? Это хорошо, — сказала я, устраиваясь на сиденье. Пружина ткнула меня в спину, и я вспомнила, почему сидела иначе. Грузовик Куинна был вместительным, и, поскольку мы будем покупать довольно объемные предметы, мне не было смысла брать мою маленькую машину.

— Ты никогда не выбиралась из Вудленд Крик, да? — игривая ухмылка приподняла уголок его рта.

— На самом деле, нет. Не было причин.

— Ты знаешь, что там целый мир? Послушай, сегодня ты побывала уже в трех штатах.

— Хорошо, но я пропустила один из них, — сказала я, зевая. — Не могу поверить, что я проспала всю поездку. Прости, что из меня такая плохая компания.

— Мне нравится смотреть, как ты спишь.

— Это так романтично и одновременно жутко.

Куинн рассмеялся, сворачивая с шоссе, везя нас прямо в центр города.

— Итак, что мы делаем в Цинциннати?

— Мы почти на месте. Не испорти сюрприз.

Мы ехали молча. С каждым кварталом уровень возбуждения Куинна повышался, окрашивая грузовик мандариновым цветом, от которого я покрывалась мурашками. После нескольких поворотов он остановился у старого кирпичного здания, чегото вроде театра. Табличка на кирпичном фасаде ясно давала понять, что здание было своего рода музеем.

— Музей? — спросила я, совершенно смущенная.

— Я решил, что нам нужны ванная, смесители и культурный отдых. В этом месте есть все.

— И камердинер, — сказала я, когда открылась дверь.

— Мэм, — сказал туповатый камердинер. — Цель вашего визита?

— Куинн? — я обернулась, чтобы спросить его, но он уже вышел из машины. — Я не уверена, что мы здесь делаем. Вам нужно будет спросить этого мужчину, — ответила я, выскакивая из грузовика и позволяя камердинеру закрыть дверь позади меня.

Куинн и камердинер тихо разговаривали друг с другом, пока я терпеливо ждала на тротуаре у входной двери. Наконец, камердинер кивнул и взял ключи у Куинна. Когда мужчина обошел его, он оценил грузовик, и было видно, что его явно что-то смущает.

— Не стесняйся припарковать это, — сказал Куинн с ухмылкой.

— Ты ужасен, — сказала я, когда мы вошли внутрь.

— Ты видела, как этот осел смотрел на мой грузовик?

— Он не знает, что он у тебя со средней школы.

— На самом деле, я думаю, он это знает, в этом проблема.

— Забудь о нем, — сказала я, озираясь.

Внешне все здание было похоже на историческое, но внутри было совершенно новым и современным. Кушетки и стулья стояли в большой открытой зоне слева от больших тяжелых входных дверей.

— Почему бы тебе не посидеть, пока я позабочусь кое о чем? — Куинн ушел от меня без не намека на хромоту. Тот факт, что он ходил самостоятельно, хотя должен был носить сапог в течение шести недель, а прошло менее чем двадцать четыре часа, был каким-то чудом.

Он исчез за углом, и я сделала так, как было указано, уселась на белый кожаный диван. Он был мягким и гладким, и я внезапно почувствовала себя здесь просто нелепой, как и наш автомобиль. Я посмотрела на свои джинсы и снова подумала, почему мы здесь. Справа от меня был ресторан, но я была уверена, что у них был дресс-код. Женщина в норковой накидке и самых высоких каблуках, которые я когда-либо видела, вышла из ресторана и прошла мимо меня, подтверждая эти подозрения. «Метро» и Pond & Duck в сравнении с этим местом выглядят как Burger King.

— Все в порядке. Готова? — спросил Куинн, подкрадываясь ко мне.

— Готова к чему? — спросила я. — Если ты планируешь поужинать здесь, я боюсь, что нас не пустят.

Он улыбнулся простой, обнадеживающей улыбкой.

— Мы можем поговорить об этом позже. Пойдем со мной, — он протянул руку,

чтобы помочь мне, и мы пошли рука об руку к лифтам. Плитки вокруг дверей лифта была сложной мозаикой светло-блузового, розового и лавандового — всех любимых цветов Куинна. Хороших цветов. К сожалению, они не отражали настроение Куинна. Не совсем так. Он был радугой из конфликтующих цветов, когда он переместил свой вес с одной ноги на другую. Нервный и взволнованный желтый, смешанный с хорошими цветами. Я сжала его руку, думая, как совершенно странно, что я пришла, чтобы принять это как новую форму нормального. Он был потрясающе красив и сексуален, как грех в моих глазах. Я жалела тех, кто не видел его живого цвета, как я.

Двери открылись, и мы вошли внутрь. Поездка на шестой этаж не заняла много времени, и когда двери снова открылись, я, наконец, поняла, почему камердинер спросил про цель нашего визита. Возможно, в здании где-то есть музей, но здесь была еще и гостиница.

Я отпустила руку Куинна и взмахнула своей, встала перед ним, блокируя ему путь.

— Мы не можем остаться на ночь, — выражение его лица тут же изменилось, опустошая меня. Мой голос был шепотом. — Кафе, Куинн, — я никогда не сожалела о решении, которое приняла, чтобы удержать кафе после того, как Дженис умерла — никогда прежде. Но это меня связывало, отсутствие альтернатив, которые я никогда раньше не рассматривала. Я внезапно устала. Так устала.

— Райан и Лэс справятся, — ухмыльнулся он.

— Лэс? Он работает всего два дня. Только один из них является фактическим сотрудником.

— Я думаю, они во всем разберутся.

— Или сожгут его, — я тоскливо посмотрела вниз по коридору. — Какой наш?

— Номер 610. Хочешь увидеть его, прежде чем решишь?

— Можем вместе?

— Давай, — он широко улыбнулся, а затем потащил меня по коридору. Достав ключ, он отпер дверь и отступил в сторону, чтобы я могла пройти.

Меня ослепила щедрость белого. Постельное белье было белого цвета, диван был белым, даже ванная комната была белой от пола до потолка. Только ковер, несколько акцентов и надеющийся Куинн добавили цвета в комнату. Это был пустой холст, ожидающий, когда его наполнят цвета.

— Что думаешь?

— Это красиво, — мои глаза снова упали на две кровати.

— Я беспокойно спящий, — сказал он, как будто это было достаточно объяснением.
«Это не так».

По-моему, двух кроватей было слишком много, но тот факт, что он был готов спать в одной комнате со мной, был прогрессом. И они выглядели мягкими, чистыми и небесными. Я могла бы провести на них ночь напролет. Утро, когда я действительно смогу спать, станет воплощением мечты. Могло ли мое тело позволить мне такую роскошь после многих лет ранних подъемов в четыре утра? Разве я не хотела бы узнать это? Разумеется, Райан и Лэс не сделают ничего плохого за один день.

Это также удержит нас от Вудлэнд Крик на большую часть выходных, что было хорошо. Хэллоуинские выходные ознаменовали конец месячного празднования в старой

части Вудлэнд Крик. Это было не то, чему обрадуется Куинн, даже если бы я могла рассказать ему об этом. Приглашены были только те, в чьей крови текла магия.

Стук в дверь удивил меня. Куинн прошел мимо меня, чтобы открыть её. Камердинер поставил на пол два чемодана.

— Куда бы вы хотели это поставить? — спросил он.

Куинн приподнял бровь.

— Все хорошо. Спасибо, — улыбка растянулась на моем лице.

Куинн протянул несколько долларов мужчине и быстро отпустил его.

— Ты упаковал мои вещи? — спросила я.

— Неа. Райан позвал Ванессу, чтобы помочь. Она упаковала твой чемодан, — сказал он, шокируя меня. Я была почти такой ошеломленной, что Ванесса помогла ему, как и тем, что мы оказались здесь. Мы с ней не были хорошими друзьями. Может быть, потому что я не давала ей шанс на это. — Конечно, я бы не придумал, что упаковать. Кроме того, я решил, что не должен копаться в твоих трусиках, прежде чем я заберусь под них.

Я фыркнула.

— Кажется, это что-то вроде нарушения личных границ. Где ты их прятал? — спросила я, указывая на сумки.

— Они были в кузове машины. Хорошо, что дождя не было, иначе завтра мы бы надели мокрую одежду.

Тот факт, что Куинн проявил подобный жест, внезапно переполнил меня, и я набросилась на него. Мы упали вместе на одну из кроватей, и это было немного похоже на падение в облако.

— Это потрясающе, Куинн. Я не могу поверить, что ты все это сделал для меня, — он перевернулся и оперся на руки надо мной, заставляя сердце танцевать в моей груди. Мы были одни в гостиничном номере, в ста милях от всех наших забот и страхов. Я отчаянно надеялась, что они не преследуют нас и не найдут.

— Я полагаю, что должен был перед тобою извиниться, — сказал он, наблюдая за моими губами, как всегда, когда он размышлял о том, чтобы поцеловать меня. Его пальцы обхватили мои ладони, прижимая руки к кровати. Если бы я могла видеть что-то помимо него, я знала, что найду белое постельное белье, окрашенное пурпурным желанием.

— Все было забыто еще несколько часов назад, — пообещала я, желая прекратить говорить и начинать действовать потому, что мы оба явно этого хотели.

— Не я. Ненавижу, что я причинил тебе боль. Это именно то, чего я боялся, — его голос был глубоким и хриплым. Он закрыл глаза, как будто память о случившемся преследовала его.

— Ты не хочешь причинить мне боль, и этого достаточно для меня, — мое сердце бешено колотилось в груди. — Ты можешь меня поцеловать, Куинн.

Его губы прикоснулись к моим с благоговением, отражающим мою собственную преданность ему. Наши языки танцевали, дегустируя, пожирая и попрошайничая. Поцелуй Куинна был похож на то, чтобы стоять посреди бушующей грозы. Желание клубилось вокруг нас, как темные, опасные грозовые тучи, угрожающие намочить нас в любой момент. Необходимость искрилась вокруг нас, в результате чего у меня в животе загорелся комок тоски. Мои руки схватились за него. Мои пальцы вонзились в его кожу

даже через ткань его рубашки. Если он не примет меня в скором времени, я буду той, кто взорвётся.

Он отскочил, садясь на край кровати, оставляя меня взъерошенной и озадаченной.

— Лучше нам подготовиться.

— Подготовиться к чему? — я неохотно перекатилась на другую сторону кровати и села спиной к нему, пока пыталась соображать. «*Я готова!* — хотела я прокричать. — *Почему он не готов? Почему ему было так легко оттолкнуть меня?*»

— Мы уходим. Пройдемся по нашему списку.

Я вздохнула и встала. Схватила свою сумку и бросила ее на пустую кровать с силой, отражающей мое разочарование. Я подняла глаза, чтобы найти его, наблюдающего за мной с задумчивым выражением.

Я повернулась спиной к нему и порылась в своем чемодане, чтобы посмотреть, что Ванесса упаковала для меня.

— Для чего нам дресс-код на сегодня? — спросила я, вытаскивая черное платье, которое одевала на свидание с ним. Я не могла винить Ванессу. Она не знала, что я носила его накануне вечером, и это, вероятно, все, что она могла найти в моем шкафу, который был заполнен в основном одеждой подходящей для приготовления еды. — Ванесса упаковала платье, которое я одевала прошлым вечером, — я слышала раздражение в своем голосе.

Его руки обняли мою талию и притянули к нему. Возможно, он и оттолкнул меня, но я чувствовала сквозь его джинсы, что он не хотел этого. Его губы коснулись моей шеи, и я снова расплывалась.

— Я бы не стал беспокоиться об этом. И я сомневаюсь, что между толпой внизу и толпой прошлой ночью много совпадений.

— Ты единственный, кто меня волнует, и ты уже видел меня в этом, — я грустно посмотрела на платье, когда уронила его на кровать.

— И я не могу дождаться, когда увижу его снова, — сказал он, двигаясь против меня. — Не думай, что это легко, Уиллоу. Отрицать себя — самое трудное, что я когда-либо делал. Разве ты не чувствуешь насколько сильно я хочу тебя? — его голос был хриплым. Его дыхание горячим на моей коже, вызывающим муряшки. — Я хочу тебя больше, чем когда-либо. Но что, если я не гожусь тебе? Вчера вечером я представал пред тобой в истинных цветах.

Я покачала головой. Единственное, что его цвета показали мне, что он был в противоречии, сердитый и в равной степени раскаявшийся.

— Это были просто слова. Мне не угрожало никакой реальной опасности.

— Слова могут нанести такой же вред, как и рука, Уиллоу.

— Куинн...

Он прервал меня.

— Иногда я чувствую себя таким неконтролируемым. Я не знаю, где я и что я говорю. Иногда я даже не знаю больше, кто и что я, — его руки сжались вокруг меня. — Внутри меня живет чудовище, Уиллоу. Я чувствую, что оно борется за контроль, заставляя меня делать то, чего я не понимаю. Я не хочу, чтобы ты была жертвой в моих руках.

Я обернулась и обняла его. Я положила голову ему на грудь, слушая его сердцебиение.

— Я не боюсь тебя, Куинн Диаборн. Я боюсь за тебя. Ты хороший человек с чистым сердцем. Я знаю это, но эта вина, которую ты носишь на своих плечах, будет съедать тебя живьем. Я не знаю, через что ты прошел. Я даже не могу себе этого представить или понять, но чтобы ни случилось, тебе нужно поговорить об этом, — я закрыла глаза, поскольку мое дыхание, казалось, синхронным с его. — Поговори со мной. Ты не один.

Он втянул воздух.

— Хорошо. Но не сегодня. Предполагается, что эта поездка будет расслабляющей и веселой, поэтому давай притворимся на одну ночь, что я не испорчен, и на тебя это не влияет.

Я посмотрела на него с вопросом, который задержался на моих губах, и признанием, вертящимся на кончике языка.

— Что? — продолжил он. — Ты, кажется, можешь читать меня, как открытую книгу. Должно быть мои эмоции написаны на моем лице. Может быть, я не должен был сбивать бороду, чтобы оставаться тайной для тебя еще немного.

Его смех согрел воздух в комнате вокруг нас и заставил меня отложить мою исповедь обратно в закрома моей души, где я прятала ее.

— В тебе я много чего не понимаю, — сказала я. Он был загадкой, которую я не могла разгадать. Головоломкой со слишком многими потерянными частями.

Он улыбнулся мне.

— Скорее всего, это так. Давай просто наслаждаться сегодняшним вечером. Завтра мы будем беспокоиться о завтрашнем дне.

— Звучит как план.

Он отстранился от меня.

— Давай тогда. Будь готова к действию.

Глава 13

Куинн

Уголки идеальных губ Уиллоу приподнялись, когда я въехал на автостоянку.

— Это то самое задание, которое нам нужно было выполнить до ужина? — ее смех был ярче, чем сине-белая вывеска Lowe's, светящаяся на верхней части здания.

— Я думал, это была твоя мечта об идеальной ночи в Цинциннати. Разве нет? — я попытался выглядеть обиженным.

— Нет, это именно то, чего я ждала от этой поездки, так что все прекрасно.

— Что ж, у тебя назначено посещение спа-центра утром, поэтому я хотел забежать немного вперед и провернуть кое-что из задуманного сегодня вечером.

— Запись в СПА? О чём ты говоришь?

— В отеле есть спа-центр. Я записал тебя на сеанс массажа. Они также сделают тебе маникюр. На руках и ногах.

— Ты меня балуешь, Куинн. Ты собираешься превратить меня в монстра.

Я мог сказать, что она пожалела об этих словах, как только они слетели с ее языка. Я никогда не хотел, чтобы она чувствовала, будто ей нужно быть осторожной со мной.

— Ты слишком много работаешь, — сказал я, надеясь, что она не перекрутит мои слова. — Ты заслуживаешь немногого удовольствий для себя. И я все еще пресмыкаюсь.

— Если это твой способ извиниться, тогда продолжай время от времени допускать ошибки. Я могу с этим справиться.

— Это будет несложно. Но нам нужно поторопиться, — сказал я, хватаясь за ручку двери. — В девять часов у нас ужин в отеле.

Когда мы вошли в магазин, она все еще улыбалась от уха до уха. Мы направились прямо к отделу сантехники. Я отступил и позволил ей творить волшебство, когда она выбирала раковины и смесители для ванной. Я высказывал свое мнение только тогда, когда его спрашивали. В конце концов, это был ее дом и ее будущая гостиница.

Мы загрузили огромную подвижную тележку всем, что она выбрала. Менеджер согласился сохранить ее для нас на ночь, если мы заплатим, прежде чем уедем. Таким образом, нам не нужно было возвращаться в гостиницу; Хотя раздражение парня-камердинера, возможно, стоило трудностей.

Примерно через час мы прошли мимо рядов с черепицей и красного дерева и отправились в отдел пиломатериалов. Она не знала, что я искал, поэтому я толкал тележку впереди Уиллоу. Пиломатериалы были уложены до самого потолка. И я сразу понял, что нам будет необходима помочь, чтобы получить то, что мне было нужно, когда небольшой грузоподъемник выехал из-за угла. Идеальное время.

Я отодвинул нашу тележку в сторону.

— Подождем, пока он разгрузится, и тогда попросим его помочь нам.

— Над чем ты сейчас работаешь? — спросила она.

— Несколько полок в шкафу на верхнем этаже, — в доме было очень мало места для хранения. Ей нужно было бы куда-то положить дополнительное белье и те маленькие бесплатные бутылочки с шампунем и кондиционером, которые я представлял, будут во всех ванных комнатах. — Там понадобится...

Грохот, сопровождаемый знакомым оглушительным звуком, заставил меня налететь на Уиллоу. Я бросился на нее сверху, толкнув на землю. Она приземлилась со стуком, который я чувствовал больше, чем слышал, когда стрельба продолжалась над нашими головами. Я прикрыл ее тело своим, держа нас как можно ровнее. «*Враг не получит ее. Они и так забрали у меня слишком много*».

Спустя всего несколько секунд стрельба стихла, и только тогда я понял, что Уиллоу хватается за меня.

— Нет, нет, — я слышал свои крики. Я скатился с нее, чтобы проверить повреждения. Крови не было, но я разорвал ее рубашку, чтобы найти любое ранение, которое может отнять Уиллоу у меня.

Она ударила меня по рукам.

— Куинн! Что ты делаешь? — ее голос был приглушен, глаза были дикими от ужаса.

— Стой! — она свела полы рубашки.

«*Она в порядке*». Я провел руками по волосам, пытаясь успокоиться. Звук стрельбы продолжал эхом отдаваться в моем сознании. Начиная с моих ног, дрожь прокатилась по моему телу. Я чувствовал, что был в огне, мне было так жарко.

Ее руки были на моем лице.

— Куинн. Вернись ко мне. Куинн, — прошептала она, и ее голос наполнился отчаянием, которое я чувствовал. — Все нормально. Я в порядке.

«*Она в порядке. Ей не больно*». Я смотрел в ее широко раскрытые, немигающие глаза.

— Я в порядке.

«Она в порядке».

Я моргнул, пытаясь понять, почему она здесь, и поблагодарил Бога за то, что она не пострадала.

— Можешь встать? — спросила Уиллоу. — Как твоя лодыжка?

Я посмотрел на свою лодыжку, и события последних нескольких дней нахлынули на меня. Уиллоу и я за ужином. Моя исповедь о моем состоянии. Охота. Уиллоу и я в больнице. Дорога домой после. Ужасные вещи, которые я ей наговорил. Повторное пробуждение в лесу за домом. Снятие гипса и обнаружение того, что моя нога в хорошем состоянии. Наблюдение за тем, как она спит в машине. Желание обрести такой же мир.

«Ты больше никогда не будешь так спать. Не в таком состоянии», — сказал я себе.

«Мое состояние». Агония истины накрыла меня. Это был еще один эпизод. Один эпизод. Я огляделся, чтобы обнаружить немало людей, собравшихся в конце прохода. Одни смотрели на меня с любопытством. Другие с жалостью на Уиллоу.

Водитель грузоподъемника заговорил первым.

— Мэм, вы в порядке? Вы не пострадали?

«Я причинил ей боль?»

Уиллоу держала свою рубашку запахнутой. Ее руки обвились вокруг себя. Я знал, что я сделал это, что виноват. Я потянул себя за волосы, и она поморщилась, согнувшись пополам.

Уиллоу подняла руку, останавливая сотрудника магазина.

— Я в порядке. Правда.

— Стоит вызвать полицию?

— Нет, он со мной. Он не сделал мне больно.

— Вы уверены? Вы плохо выглядите.

Я слушал их разговор, чувствуя себя все хуже с каждым произнесенным словом. Я сделал это. Перепутал кучу падающего дерева с вражеской стрельбой. Сопоставил коридор магазина с зasadой на вражеской территории. Унизил Уиллоу.

— Я в порядке. Он — мой парень. Он не сделал мне больно. Он защищал меня.

Я развернулся и побежал, ее слова повторялись в моей голове снова и снова. *«Он — мой парень. Он не сделал мне больно. Он — мой парень. Он не сделал мне больно. Он — мой парень»*.

Я обошел толпу в конце прохода и продолжал, пока не оказался рядом со своим грузовиком. Я открыл дверь, забрался внутрь и обхватил руль. Мне хотелось убежать, чтобы избавить нас обоих от дальнейшего унижения, но я не мог оставить ее после того, что с ней сделал. Самое меньшее, что я мог сделать, это благополучно доставить ее домой. Я попытался уверить себя, используя методы, которым меня научил военный врач. Я досчитал до ста, но не смог выровнять свое дыхание настолько, чтобы просто произнести цифры.

— Куинн. Я здесь, — Уиллоу постучала в окно, предупредив меня, прежде чем открыла дверь грузовика. *«Она так боялась меня, что не решалась залезть в машину. Я снова все испортил»*. Я кивнул головой, глядя на рулевое колесо.

Дверь открылась, и девушка скользнула внутрь.

— Ты не боишься садиться ко мне?

— С чего бы мне бояться? — спросила она. Ее голос был едва ли не шепотом.

— Потому что я сделал тебе больно. Я бросил тебя на пол и разорвал твою рубашку, — даже от этих слов у меня болело сердце. *«Она больше никогда не поверит мне. Никогда не захочет быть рядом со мной»*.

— Ты этого не делал, — я зажмурился от ее слов. — Куинн, ты не сделал мне больно. Ты защищал меня. Я полностью осознаю произошедшее, и все в порядке.

Я застонал.

— Я порвал твою рубашку. Я унизил тебя перед всеми теми людьми.

— В течение последних нескольких дней я надеялась, что ты порвешь мою рубашку. Это было не совсем так, как я представляла, — сказала она шутливо. — Но я приму от тебя столько, сколько ты можешь дать.

Она произнесла последние слова с такой силой, что я повернулся и посмотрел на нее. Ее язык тела не соответствовал ее словам. Она опустила свою руку на колени, почти сгибаясь пополам.

— Ты снова плохо себя чувствуешь?

— Это пройдет. Мне нужно всего несколько минут.

Она была бледной.

— Я отвезу тебя в больницу, — я приподнял свои бедра с сидения, чтобы достать ключи из кармана.

— Нет, — простонала она. — Не надо.

— Почему нет? — спросил я, поворачивая зажигание. Машина вернулась к жизни, но Уиллоу схватила меня за руку, прежде чем я успел тронуться с места.

— Мы не поедем в больницу, Куинн. Они не смогут мне помочь.

— Что значит «они не смогут тебе помочь»? — множество плохих сценариев пронеслось у меня в голове. Каждый новый, казалось, хуже, чем предыдущий. Уиллоу часто чувствовала себя плохо, но, несмотря на мои просьбы, она отказывалась идти к доктору, останавливая меня одним оправданием за другим. Теперь она была категорично настроена, отказываясь от моей помощи. Это может означать только одно. — Ты уже знаешь, от чего тебя тошнит.

— Я хотела тебе сказать, но не знала как.

«О, боже мой, нет! Я не могу потерять еще кого-нибудь. Я не могу этого сделать».

Будто кто-то схватил меня за горло.

— Ты умираешь? — выдохнул я.

— Нет, — трепет ее ответа немного успокоил меня.

— Это так? И ты боялась сказать мне, — я резко указал на магазин, на нее и на себя.

— Зачем мы это делаем?

— Я не умираю, — сказала она, задыхаясь и хватаясь за приборную панель. — Это ты. Только ты. Если ты успокоишься на минутку, я буду в порядке.

Я мгновенно успокоился, на миг уставившись на нее, в то время как разговор в Pond & Duck проигрывался в моем сознании. *«У меня очень чувствительный желудок. Быть вокруг людей может быть очень трудно для меня»*, — сказала она.

«Это ты. Только ты».

— Из-за меня тебе плохо?

— Это не то, о чем ты думаешь. Оставь это, Куинн, — взмолилась она.

— Но это я, верно? Я заставляю тебя болеть? Ты сказала, что это зависит от того, что происходит вокруг, но выходит, это зависит от того, рядом я или нет, — даже когда слова скатились с моего языка, я не понимал их. Как мог один человек сделать ее больной?

Она откинулась на спинку кресла и, казалось, смирилась с чем-то.

— Ты в замешательстве. Я понимаю, но если ты успокоишься, я объясню.

Я заглушил двигатель и сделал несколько глубоких размеренных вдохов. Уиллоу молчала, ожидая, что я сделаю так, как она просила. Когда она положила свою руку на

мою, я почувствовал себя бесконечно лучше. А когда мое дыхание стало более ровным, она заговорила.

— Не все в Вудлэнд Крик — те, кем они кажутся. Это город, в котором полно людей с особыми способностями, — она повернулась ко мне, гораздо более похожая на себя обычную. — Я — одна из тех особых людей, Куинн.

Конечно, она была особенной. Ее особенность давала мне повод вставать каждый день.

— Ты знаешь, что такое эмпат?

Я покачал головой в недоумении.

— Эмпат — это человек, на которого воздействуют энергетика других людей. Некоторые эмпатиты не такие сильные. У них может быть только смутное ощущение позитива и негатива. Они могут даже не знать, кто именно источник энергии. Другие эмпты, как и я, являются сильными и могут выявлять каждую эмоцию, которую окружающие люди испытывают, когда они ее испытывают. В моем случае, я чувствую эмоции других людей, как свои собственные.

Я провел рукой по рулю.

— Значит, ты что-то вроде телепата?

— Нет, — сказала она непреклонно. — Я не знаю, о чем ты думаешь. У меня есть только некое понимание того, что ты чувствуешь, а не мысли и мотивации, стоящие за этим.

— Ты чувствуешь то, что чувствую я? В момент, когда я это чувствую? — это была полная чушь. Я всегда знал, что Уиллоу отличается от других, но никогда не считал ее безумной.

Она откинула голову на сиденье и закрыла глаза.

— Если ты злишься, я тоже злюсь. Если ты скорбишь, я тоже. Когда ты думаешь о прошлом, я словно иду рядом с тобой. Я не знаю, что произошло, пока ты был в Афганистане, но я чувствую твои потери, как будто они мои собственные.

— Что я чувствую прямо сейчас? — мои слова были короткими и четкими, направленными на Уиллоу так же, как вражеская стрельба, которую я думал, что слышал в магазине.

— Смущение. Недоверие. Злость.

— Ну, это легко. Ты издеваешься надо мной. Конечно, я смущен и не верю. Что ты чувствуешь?

Слеза катилась по ее щеке, но она не открывала глаз.

— Смущение. Неверие. Грусть.

— Потому что это то, что чувствую я? — спросил я, уже потянувшись к дверной ручке.

— Нет, потому что я знаю, что потеряла тебя.

Я выскочил из грузовика и побежал, прислушиваясь только к звукам моих ботинок, стучащих по асфальту, и игнорируя надоедливый голос в моей голове.

Бег — это единственное, что могло бы помочь. Это был единственный способ понять мир вокруг меня. Тротуары Цинциннати были плохой заменой лесов за домом Уиллоу, но я бежал, не заботясь о том, что меня окружает. Коммерческий квартал сменился жилым, и я понял, что бежал уже в течение долгого времени. Скорее всего, больше часа. Умышленно или нет, я проложил мили между собой и Уиллоу.

Я все еще не знал, что чувствую по поводу того, что она сказала мне. «Возможно, я должен спросить ее», — подумал я с горечью.

Я сразу же возненавидел себя за то, что даже подумал об этом. Уиллоу никогда не делала и не говорила мне ничего плохого. На самом деле она лишь пыталась мне помочь. Хотя каждая частичка моего существа хотела отвергнуть ее объяснение своего состояния, некоторые вещи теперь стали более понятными. Как смешно и невероятно это бы не казалось, это объясняло, почему она всегда знала, как вести себя со мной. Кажется, она знала меня лучше, чем моя единственная семья. Она знала, когда подтолкнуть меня и когда отступить и оставить в покое. Или давала мне время, когда мне это было нужно, потому что ей также было нужно время, чтобы прийти в себя? Неужели разбитые кусочки моей души, также ранили ее?

«Она в порядке и хорошо себя чувствует, когда ты счастлив».

Я думал о том времени, когда мы вместе работали над домом, смеялись над глупыми шутками и разбирались в том, что стоит делать дальше.

«Когда тебе плохо, ей тоже плохо».

«Я чувствую, как ты закрываешься от меня», — сказала она в моей комнате прошлой ночью. Впоследствии она сгибалась от боли, хватаясь за живот, когда я выплевывал мерзкие, злобные слова в ее адрес, которые исходили не из всего, что она делала, а из-за ненависти, растущей внутри меня.

«Ты причиняешь мне боль, Куинн», — кричала она.

Я обернулся и побежал назад в магазин, прокручивая в голове все наши лучшие моменты быстрее, чем мои ноги могли нести меня.

Глаза Уиллоу умоляют меня поцеловать ее в первый вечер.

Ее бедра, скавшиеся вокруг меня, когда я, наконец, поцеловал ее на кухне через два дня. Я знал, что это был мой последний первый поцелуй.

Уиллоу танцует вокруг кофейного столика и, дразня, приподнимает подол своей рубашки после игры «Clue».

Чувство ее кожи под моим ртом, когда я поцеловал ее в живот.

Дрожь, пробежавшая по ее спине, когда я это сделал.

Один момент за другим мелькал в моем сознании. Только когда я дошел до пустого грузовика, я понял, что все еще держу ключи в руке. Я оставил ее в незнакомом городе, без возможности вернуться в отель или, что еще хуже, домой, если это было тем, чего она хотела. Я снова запустил двигатель грузовика, чтобы извиниться за то, что я делал, кажется, долгое время.

Глава 14

Уиллоу

Поездка на такси в отель оказалась тяжелой для меня. И такое со мной случалось редко. Я игнорировала взгляды водителя в зеркало заднего вида и отгораживалась от жалости, которую не мог удержать разделяющий нас барьер из оргстекла, когда мы проезжали по незнакомым улицам, и я все дальше и дальше уезжала от Куинна.

Просить у портье ключ от нашей комнаты было не весело. Я объяснила, что у моего парня единственный ключ и мы потеряли друг друга на праздновании Хэллоуина в центре города. Называть Куинна своим парнем сотруднику Lowe's было правильно и честно. А

озвучить то же самое служащему гостиницы — лживо и ужасно, как и мое объяснение того, где я потеряла его.

Я не знала, кто он для меня и позволит ли он мне когда-нибудь быть с ним в каких-либо отношениях.

В нашем номере я свернулась в кресле у окна и наблюдала, как часы отбивают минуты. Время нашего заказа на ужин настало и истекло, и я обратила свой взор на далекую реку, зная, что Куинн где-то там, и попыталась представить свое будущее.

Я сказала ему, кем была — по крайней мере, частично — и его отвращение укоренилось в моем сердце. Если он не смог справиться даже с этой частью меня, то не сможет справиться и с остальным. Я знала из времени, проведенного с ним, что горе для него — образ жизни. Но теперь я горевала о нем, а не вместе с ним, потому что сердцем я знала, что он недостижим.

Я уже не первый раз рассказывала мужчине о проклятье, с которым живу, и это был не первый раз, когда меня потом избегали. Хотя я не обвиняю Куинна. Правда затопила последние недели лжи. Он чувствовал бы себя обманутым и преданным — и неважно, когда это открылось. Хотя и это было только в том случае, если бы он поверил мне, что было сомнительно. Если ты не вырос таким, как я, было почти невозможно поверить в это. Чтобы принять меня за ту, кем я была на самом деле, человеку нужно было верить в неосозаемое, ощущать бесспорное доверие к неизвестному и верить, что я никогда не предам его. У большинства мужчин этого не было. Мое желание встречаться с парнем с нормальной части города научило меня этому.

Тим был первым, кто преподал мне этот урок. Его мышление не было достаточно широким, чтобы понять, что реальность часто представляет собой гораздо большее, чем может видеть человеческий глаз. Я открылась ему, объяснила, почему мне всегда казалось, что он никогда не расскажет обо мне, и его ответ был невероятным. Он ушел, а затем распространил ужасные слухи обо мне по всему городу. Он описал меня как сумасшедшую и странную, и каждый раз, когда приходил ко мне в кафе, мне напоминали, что в этом есть своя доля правды.

Теперь Куинн поступил так же, если вообще не ушел навсегда.

Я волновалась о том, что он причинит мне боль, как это сделал Тим. Понимал он это или нет, я знала его сердце так же хорошо, как и свое собственное. Какое-то мгновение я держала его в своих руках.

Шум от шороха оторвал мой взгляд от окна. Мои глаза упали на дверь, когда под ней скользнула бумага. Я вскочила со стула и прошла через всю комнату, раскаяние, толкало меня вперед.

Я подняла записку с пола. На ней не было добавлено ничего нового. Она все еще гласила: «*Прости меня*». Ячейка «да» все еще была отмечена мною с самого раннего утра. Галочка была поставлена ручкой — не потому, что я не могла найти карандаш, а потому, что мой ответ всегда был бы таким же.

Я распахнула дверь, и мое будущее предстало передо мной с неуверенной и сокрушительной полуулыбкой на лице. Ему не нужно было говорить. Извинение было написано на его сердце, и оно окутало меня.

Куинн вошел в комнату, заливая ее глубокими пурпурными и теплыми, ярко-красными тонами. Он отражал все то, что чувствовала я, не позволяя понять, где заканчивались его чувства и начинались мои. Он взял мое лицо в ладони и посмотрел

изумрудными глазами, полными тоски и искренности. Куинн погладил мои щеки большими пальцами и побледнел от слез, которые он нашел там.

— Так вот что значит чувствовать чужую боль как свою собственную, — это был не вопрос. Это было заявление. Подтверждение принятия. Он мне поверил. Он принял меня. Он причинил мне боль, но еще больнее он сделал себе. Он сочувствовал *мне*.

Все мои проклятия и недостатки были забыты. Прокляты все его недостатки и страдания. Он был непредсказуем, поврежден и неустойчив. Я была чересчур чувствительна и влюблена. Мы были в аду и в раю одновременно, но я все равно хотела его.

Мои пальцы сгорали от желания коснуться его. Мое сердце болело, приветствуя его. Мне хотелось почувствовать его под своими пальцами и над своим телом и поцеловать наши старые ошибки.

По-видимому, он был согласен со мной, так как завел руку мне за голову, провел пальцами по моим волосам, заставляя меня смотреть ему в глаза, пока его губы не накрыли мои. Наши языки сплелись друг с другом, произнося молчаливые обещания, которые улеглись в моей душе и обрели там дом.

Я лишь смутно осознавала, что дверь в номер захлопнулась, когда мы вошли в глубь комнаты. Наши руки были повсюду везде и сразу. Мы стягивали одежду, которая, казалось, растворялась в воздухе. Я провела пальцами по его обнаженной груди, восхищаясь каждой впадинкой и выступом. Он был красив и совершенен, и я целовала мелкие шрамы на его груди. Для него шрамы, вероятно, были всего лишь еще одним напоминанием о войне, в которой он воевал, и о сражениях, которые проиграл, но для меня они олицетворяли все его лучшие качества. Он храбрый, выносливый и сильный.

Он уложил меня на кровать, и я оперлась на локти, пока смотрела на то, как он стягивает джинсы. Его боксеры последовали за ними, и вот он стоит на коленях передо мной, сознательно и охотно, на этот раз, и без унции унижения, которое я ощущала раньше. Я вздохнула, глаза широко раскрылись, и сердце затрепетало у меня в груди. Он был великолепен во дворе, только тогда за ним виднелись оглушительные грозовые тучи, но это было ничто по сравнению с ним обнаженным, смелым и ярким сейчас в этой комнате, наполненной потоками цвета Диаборна.

— Твоя очередь, — его голос был глубоким, грубым и опьяняющим, когда он склонился надо мной. Он проложил дорожки поцелуев по моему обнаженному животу, ныряя большими пальцами под резинку моих трусиков. Он стянул их по моим ногам и отстранился, согревая меня горячим взглядом. — Ты самая красивая женщина из виденных мною, Уиллоу.

Я улыбнулась, когда его рот опустился туда, куда только что смотрели его глаза, сначала осыпав мелкими поцелуями мои бедра, а затем исследовал все, что не мог или не хотел принимать до этой ночи. Я откинулась назад, не в силах больше себя поддерживать, и проводила пальцами по его волосам, пока его рот поклонялся моему телу.

Так много чувств. Так много ощущений.

Такие моменты были редкостью. Единственное, что затуманивало мой разум и окрашивало мои чувства, было любовью Куинна.

Шипение вырвалось из моих губ, когда он нашел чувствительное место внутри.

Я бормотала невразумительные слова, умоляя о большем, *о нем*.

Руки Куинна, грубые от недель работы в моем доме, толкнули мои бедра, поэтому я широко развела ноги и раскрылась, когда он навис надо мною.

— Это стоило того, чтобы подождать, — пробормотал он мне в шею.

Одних этих слов было почти достаточно, чтобы отправить меня через край, но я держалась, не желая отпускать себя, пока он этого не сделал. Я наклонилась и обхватила его член пальцами. Я направила его туда, где так нуждалась в нем, а затем затаила дыхание, когда он скользнул внутрь.

Я была заполнена до краев, испытывая эмоции, которые понимала лучше, чем смогла бы объяснить.

Куинн остановился, ожидая, что я привыкну к нему, и когда снова двинулся, у меня перехватило дыхание. Его взгляд был томным и целеустремленным, когда он смотрел мне в глаза. Теперь в них не было вопроса. Он знал, как он относился ко мне и как это показать, даже если не мог об этом говорить.

Его пальцы оставляли пылающие следы на моей коже, а я впилась ногтями ему в спину.

Я дрожала под его прикосновениями.

Он снова нашел это место, и из моего рта потекли бессвязные мольбы.

Он ответил, ускоряясь, пока мы оба не выдохнули в унисон. Я покачивалась напротив него, и мир ожила, купая меня в своих цветах. Меня охватила дрожь, и я затихла, наслаждаясь ощущением его вокруг меня.

Когда я, наконец, открыла глаза, он наблюдал за мной.

— Что ты чувствуешь сейчас? — спросил он, его дыхание все еще было рваным.

Я провела пальцами по его рукам.

— Насыщение. Удовлетворение. Безумное счастье.

Он усмехнулся, и это наполнило мое сердце теплом.

— Я не спрашивал, как я себя чувствую. Я спросил, как себя чувствуешь ты.

Он опустился на меня, притянул к себе и обнял. Каким-то образом чувствовалось, что он повсюду, касается каждой части меня.

Я, вероятно, все еще улыбалась, когда упльвала в сон.

***

Осмотревшись, я нашла кровать пустой, а комнату темной. Когда мой оклик к нему остался без ответа, я с неохотой встала с кровати. Порывшись в сумке, я достала оттуда пару штанов для йоги и футболку, понимая, что далеко он не ушел.

Я прошла в холл отеля с босыми ногами и заспанными глазами, используя свою интуицию, чтобы найти его. Куинн сидел один в конце длинного зала в выставочной зоне отеля. Его пальцы легко постукивали по краю скамьи. Он погрузился в мысли, разглядывая картины, висящие на стенах вокруг него.

Я прочистила горло, чтобы не подкрадываться и не пугать. Когда он улыбнулся в ответ, я приняла это как приглашение и сделала еще несколько шагов, чтобы сесть рядом с ним.

— У тебя были проблемы со сном?

— Не как обычно, нет. Я спал очень хорошо, но потом проснулся. Я не хотел тебя беспокоить. Вывеска этой выставки привлекла мое внимание еще сегодня днем. Я хотел пойти и проверить.

Это привлекло и мое внимание.

— Это прекрасно, — сказала я, глядя на бронзовую скульптуру головы самки оленя, которая привлекла внимание Куинна, прежде чем я подошла. Она была изящной и гладкой по сравнению с великолепным, сделанным из меди самцом, висевшим рядом с ней. Мои глаза естественно перешли к самцу, но глаза Куинна были прикованы к самке.

Он молчал, и я ждала.

Наконец он глубоко вздохнул, как будто ему нужно было сказать то, что он скажет дальше.

— Как ты делаешь это?

— Что?

— Если ты чувствуешь все то, что чувствую я, тогда как ты можешь быть рядом со мной? Почему ты хочешь быть с таким уродом?

Я коснулась его руки и провела пальцами по его пальцам. Я подумала о том, как это ощущалось, наконец, спать рядом с ним, наши ноги переплетались, и его грудь размежерено двигалась под моей щекой.

— Я хочу узнать тебя, Куинн. Тебя всего. То горе, которое я иногда ощущаю, сидя рядом с тобой, из-за того, что тебе пришлось пережить. Тебе нужно будет пройти это снова, если хочешь двигаться вперед, но ты не пройдешь этот путь в одиночку.

Я провела большим пальцем по его запястью.

— Кроме того, в тебе нет ничего уродливого. Я думаю, что ты прекрасен как внутри, так и снаружи. Каждый твой шрам. Каждый недостаток, — я оторвала взгляд от его лица и снова посмотрела на экспонаты. — Ты такой же красивый, как все в этом музее.

Он помолчал несколько минут.

— В тот день в лесу была лань, — наконец сказал он. — Она была так прекрасна. Ее мех был более глянцевым, чем я когда-либо видел на олене в нашем округе. Когда я пришел в себя после эпизода ПТСР, она легонько прильнула ко мне, как будто пыталась удержать меня в тепле или поддержать связь. Она посмотрела на меня своими большими карими глазами, и было похоже, что она разговаривала со мной, говоря, чтобы я оставался спокойным, потому что все будет хорошо. Когда парни подошли ближе, она издала визг, а затем убежала. Клянусь, она сказала им, где я.

Я сжала его руку.

— Может быть. Знаешь, у животных очень развитая интуиция. Вероятно, она знала, что у тебя проблемы.

Он покачал головой, словно все еще в недоумении.

— Может быть и так, но я никогда не встречал дикого животного, особенно оленя, который так поступал, — его глаза скользнули по стенам, бродя от одной к другой. — Я больше не могу их убивать. Об этом не может быть и речи. Она не понимала этого, но рисковала своей жизнью, находясь там. Уиллоу, это прозвучит безумно, но я почти хочу найти ее и поблагодарить. Дать ей морковку или еще что-нибудь. Я не знаю.

Я хихикнула.

— Я уверена, что она была бы признательна. Какой олень не полакомится морковкой? — я потерла пальцем его руку, а затем сжала ее. — Куинн?

— Да, детка?

— Ты отнесешь меня в постель?

Он встал и сгреб меня в свои объятия в тот же миг.

— Тебе никогда больше не придется меня об этом просить.

Он отнес меня, устроив на руках, обратно в нашу комнату, где мы укачивали друг друга, пока не уснули.

Глава 15

Уиллоу

Куинн снова пошевелился. Я перевернулась к нему лицом и стала наблюдать за тем, как он идет голым к открытой двери моей спальни. Плечи назад, голова гордо поднята вверх, его тело было целым миром кривых и изгибов, которые я все еще познавала.

Он оставался со мной обе ночи с тех пор, как мы вернулись из Цинциннати. В первую ночь, когда я проснулась, он уже ушел, но в этот раз я поймала его на месте преступления. Я определенно предпочитала увидеть, как он идет ко мне, а не уходит, хоть он выглядел великолепно с любого ракурса.

Я похлопала по кровати, чтобы привлечь его внимание.

— Куда ты идешь? — прошептала я. Когда он не ответил, я предположила, что он ходит во сне.

Я слышала, что нельзя будить лунатика, поэтому решила пойти вслед за ним. Честно говоря, после того, как он вернулся голым из леса на прошлой неделе, мне было немного любопытно посмотреть, куда он ходил во сне. И мне не нравилось, что он был там один.

Я надела толстовку, переброшенную через край кровати и штаны для йоги на ходу, идя по коридору. Куинн прошел по дому, как будто точно знал, куда идет, и вышел через черный ход. Я нарочно держалась на расстоянии, ожидая, пока не окажется на полпути через лужайку, прежде чем я последую за ним, и не буду пугать его.

Его шаг был неторопливым, пока он не зашел за линию деревьев, а затем он рванул вперед. Я побежала через двор за ним, но внезапно остановилась, когда воздух вокруг него стал переливаться всеми цветами радуги. Он мерцал и дрожал, и в мгновение ока Куинн был уже не человеком, а самым прекрасным животным, на которое я когда-либо смотрела. Пока я молчала, как полевая мышь, стоя за его спиной, он фыркнул и покачал головой. Потопал по земле, а затем ринулся с места, перепрыгивая через ручей в потрясающем проявлении благодати. Он скользил между деревьями, и магия, которую я никогда не ощущала в нем, сверкала вокруг него.

Куинн был оборотнем, прекрасным в этом обличии, и мое сердце перевернулось от того количества обожания, которое его наполнило.

Но темное облако осознания быстро окутало меня. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что он был тем «Монстром», которого город требовал убить. Его стойка была более чем впечатляющей, напоминая истории, которые мне рассказывали о другом самце, который много лет назад бродил по нашим лесам. Так же, как все в городе называли Куинна «Монстром», тот, что был до него, был известен как «Легенда». Возможно ли, что Куинн происходил из той же родословной? Его белый хвост исчез в более густой части леса, в то время как страх не давал мне возможности пошевелиться.

Ужас сковал мою грудь.

Эти массивные рога были смертным приговором для него. В противном случае внешне душевые охотники превращались в жестоких конкурентов. Они выследят его и поймают. Они делились историями наблюдений, доходило даже до того, что каждую неделю посвящали ему небольшую статью в воскресной газете, но они держали лучшую информацию при себе. Все они хотели его, но никто не подозревал, что «Легенда» был гражданином Вудлэнд Крик, а потеря его также означала потерю нового врача, который перебрался в город не так давно.

Для обеих сторон общества все казалось безвредным. Охотники забирались на свои деревья, а олени-перевертыши считали себя слишком умными, чтобы попасть под прицел винтовки. Это доверие стоило им жизни. Они недооценили упорство охотников и их стремление к главному трофею — голове «Легенды».

Его не стало ноябрьским утром, мало чем отличающееся от нынешнего. Охотник, который подстрелил его, следил за ним несколько миль, прежде чем потерять его след в лесу. Он много раз рассказывал эту историю, и никто не сомневался в ее правдивости, так как «Легенду» больше никогда не видели.

Я прищурилась, пытаясь увидеть Куинна сквозь деревья. Он не был в безопасности в своем животном облике, как «Легенда» в свое время. Сейчас был разгар сезона охоты на оленей, и хотя маловероятно, что в это время суток здесь были охотники, любое обнаружение Куинна только разожжет огонь.

Я побежала к линии деревьев, зная, что это бесполезно. Я слишком долго колебалась, и он исчез в чаще леса — так же, как доктор исчез много лет назад. Обхватив себя руками, я прошлась вдоль линии деревьев. Холодок магии все еще витал в воздухе, умоляя меня задать себе несколько трудных вопросов. Почему, когда я рассказала Куинну об особенностях населения Вудлэнд Крик, он смотрел на меня с таким недоверием? Почему он тогда не рассказал мне правду о себе? Несомненно, он знал, что я приму то, что он тоже был иным.

И почему ему тогда так тяжело было принять то, что я сказала ему? Насколько я знала, я была единственным эмпатом в Вудлэнд Крик, но у многих оборотней была особая сила в дополнение к их способности изменяться. Как двуликий, он бы это знал. Известие о моих сверхъестественных способностях не должно было быть для него таким шоком; Тем не менее, явно им было.

Я продолжала вышагивать, пытаясь собрать кусочки головоломки, которой был Куинн Диаборн. И засмеялась над ответом, который был прямо перед моим лицом. Как имя Райана Белера, имя Куинна намекало на его наследие. С другой стороны, имя принадлежало его матери, и, насколько мне известно, она не была оборотнем.

Я на что-то наткнулась, и убрала листья с ногой, чтобы обнаружить сапог Куинна. Другой кусочек головоломки встал на свое место, заполнив очередную брешь. Однажды лодыжка Куинна была сломана. На следующий же день, он чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы самостоятельно ходить и подниматься по лестницам. К вечеру у него не было даже хромоты.

Конечно.

Известно, что обращение быстро исцеляло. Даже в человеческой форме оборотни исцелялись быстрее, чем простые люди. В измененном виде это было просто

поразительно быстро. Если Куинн обратился за ночь до нашей поездки в Цинциннати, его лодыжка могла бы легко зажить к утру.

Я упрекнула себя за то, что не поняла этого раньше, и напрягла свой мозг, пытаясь вспомнить, что он говорил об этом. Давал ли он мне какие-то намеки? Я была уверена, что он этого не делал. Он выглядел так же растерянно, как и я, когда сказал, что пытался встать утром и обнаружил, что ему лучше. Он сказал, что так было всегда. Казалось, он верил это, но почему поверила я?

Я была глупа. Ослепленная своим увлечением им и желанием иметь отношения с кем-то, кто не был тронут магией Вудлэнд Крик. Подсказки же были прямо передо мной.

Я отправилась обратно в постель и сняла с себя одежду, чтобы он не знал, что я следовала за ним. Через несколько часов мне нужно будет одеться снова и открывать кафе. Я надеялась, что Куинн присоединится ко мне раньше.

Я постаралась откинуть все мысли и без надежды повернулась, желая заснуть. Мои мысли метались повсюду, и я хотела обвинить Куинна в том, что он лгал мне, но знала, что не имею права.

Когда он пробрался обратно в комнату более чем два часа спустя, он шел, не с прямой спиной и горделиво расправленными плечами, как тогда, когда уходил, а как человек ощащающий вину. Я зажмурилась и увидела потоки усталого коричневого и предостерегающего желтого цветов. Комбинация была унылой; существовали прорехи в том, что, я решила, было правдой только несколько минут назад.

Аномалия среди подобных ему гордых существ, он скользнул в постель, все еще пахнущий кедрами и морозным воздухом Индианы. Куинн устроился под толстым пуховым одеялом, и его тяжелое сердцебиение мгновенно разрядило мой гнев.

— Где ты был? — прошептала я.

Он застыл, а затем издал долгий, расстроенный вздох. Пространство между нами заполнило сожаление и замешательство.

— Предполагаю, что нет смысла лгать тебе. Ты увидаишь это, — в его голосе не было и намека на раздражение, только смирение, доказывающее, что он был близок к принятию навязчивой природы моих способностей.

— Только если это не заставит тебя чувствовать вину, — я скользнула ближе и устроилась в изгибе его плеча. Он обнял меня рукою, притягивая к себе. — Из-за этого ты чувствуешь себя виноватым?

— Говоря неправду? Да, — его осуждение было тяжестью в воздухе вокруг нас. — А зачем мне лгать после всего, через что мы прошли?

— Иногда кажется, что слишком через многое? Я беспокоюсь, что это слишком много со всем прочим, с чем тебе приходиться иметь дело, — мы были вместе недолго, но для нас ничего не было легким.

— О чём ты думаешь? — он проверял мои способности.

— Я думаю, ты знаешь, что справишься с этим, — честно ответила я.

— Я знаю, что справлюсь вместе с тобой, — словно чтобы доказать это, он скользнул ладонью по моему голому бедру. Подушечки его пальцев скользили по изгибу моей спины. Я закрыла глаза, наслаждаясь его прикосновением и обожанием.

— И я могу справиться с правдой, Куинн. Я могу принять все, что ты мне скажешь. Где ты был сегодня?

Несколько секунд он молчал, прежде чем заговорил.

— Ты мне поверишь, если я скажу, что не уверен?

— Да, — ответила я, потому что знала, что это было правдой. Я провела рукой по его груди и обнаружила, что его кожа была горячей под моим прикосновением. Еще одна подсказка, которую я пропустила. Врач в больнице сказал, что у него высокая температура, и я предположила, что у него была лихорадка, возможно, началась пневмония с тех пор, как его обнаружили на холодном снегу. Теперь я знала, что он всегда был таким горячим, что было нормальным явлением для оборотней. — Ты опять бродишь во сне?

Его руки замерли.

— Должно быть, так оно и было. Я не помню, как уходил, — я чувствовала его смятение, когда он мучительно пытался вспомнить. — Это случается часто. Большинство ночей с тех пор, как я вернулся домой, если ты хочешь правды. У меня много кошмаров. Я не могу отделаться от воспоминаний о войне. Армейский психиатр говорил, что это воспоминания, которые из-за ПТСР пытаются прорваться из моего подсознания.

Я поцеловала его плечо, чтобы дать понять ему, что слушаю, но молчала в надежде, что он, наконец, откроется мне в тихом мраке моей комнаты.

— В большинстве кошмаров я убегаю от чего-то. Иногда я пытаюсь что-то найти, — он сделал паузу, ощущая меланхолию, и на мгновение потерялся. — Иногда я кого-то ищу. Но в любом случае, я всегда бегу. Я думаю, именно поэтому я встаю ночью. Чтобы найти то, что потерял там.

Я зажмурилась, преодолевая боль, живущую внутри него. Я положила голову ему на грудь, чтобы быть ближе к нему, надеясь, что мое прикосновение уменьшит его дискомфорт, как и мой. Он крепче обнял меня, прижав к себе, и я стала прислушиваться к его размеренному сердцебиению.

— Я бегу. И бегу, и бегу, и бегу. И затем, когда я просыпаюсь, я не знаю где я, или где я был. Раньше мне приходилось тратить много часов, чтобы найти дорогу домой, но постепенно я все больше знакомился с окрестностями.

— Может быть, ты находишь утешение там. Я нахожу. Когда мне нужно отключиться от окружающего мира, потому что его становится слишком много, я тоже иду туда. Когда ты просыпаешься, помнишь ли ты что-нибудь из этого? — спросила я, размышляя о сегодняшнем дне.

— Немногое. Я помню, как стучали ноги о землю, но только это. Как будто мои ноги знают, что я в Индиане, и знают, куда меня вести, но моя голова все еще думает, что я в Афганистане. Чувствую, что мои инстинкты борются с моими воспоминаниями, если в этом есть какой-то смысл. Только когда я снова просыпаюсь, я даже не понимаю, что происходит. И тогда я осознаю, что обнажен и нахожусь неизвестно где, иногда стояющим под проливным дождем, и мне нужно найти дорогу домой.

— Обнаженный? Каждый раз?

— Это самое ужасное, Уиллоу. Независимо от того, в чем я лег спать, я всегда просыпаюсь голым. Я пробовал одевать на себя много одежды, но чаще всего, я просыпаюсь голым. Иногда моя одежда свалена в кучу на полу в моей комнате, но, как правило, я больше нигде ее не вижу. Я, должно быть, оставил половину своего гардероба в лесу, прежде чем, наконец, сдался и начал спать без одежды.

Я задержала дыхание, пока осмысливала то, что он мне только что сказал. Возможно ли, что Куинн не подозревал, что больше не был в человеческом обличье, когда бежал?

Неужели он не знал, что перевоплощается? Я не была психологом, но читала в Гугле о ПТСР, после того как он сказал мне, что у него это есть. Из того, что я прочитала,казалось вероятным, что ПТСР был виноват в его кошмарах. Но возможно ли, чтобы ПТСР каким-то образом скрывал правду о том, кто он такой, и он даже не знал, что он оборотень? Это казалось невозможным. Он должен был начать изменяться, когда ему было около шестнадцати или семнадцати лет, прежде чем он ушел на войну.

— Когда это началось? — спросила я.

— Кошмары?

— Нет, лунатизм.

— Почти сразу после того, как я вернулся в Вудлэнд Крик.

— Перед этим были кошмары?

— Ну, да. Это началось после... — его голос затих, и я закрыла глаза, чтобы увидеть поток волн синего цвета, окрашивающего его разбитое сердце. Мое сердце раскололось, как и его. Он даже не мог произнести это вслух. Он никогда не отпустит кошмары, пока не сможет хотя бы назвать их причину. Это было уже кое-что для нас, чтобы продолжить работу после того, как мы проясним его другую проблему, но дело в том, что теперь я полагала, что он даже не знал, кем был.

— Но ты не ходил во сне, прежде чем вернулся в Вудлэнд Крик? И ты до этого никогда не просыпался голым? — мне не понравилось чувство, что этот допрос создавал ощущение, словно я проводила Куинна через пресс для отжима, но нам нужны ответы.

— Не то, чтобы я помню. Я снова думал о том, чтобы уехать. Я чувствую себя проклятым в этом месте. Думал, что, если убегу, я смогу сбежать от всего этого безумия.

Мысль о его отъезде из города была чуть ли не больше, чем я могла вынести.

— Не думаю, что это поможет, Куинн, но почему ты не попытался?

— Ты, — его пальцы, которые рисовали круги на моей спине, остановились. Он дважды постучал ими по мне. — Только из-за тебя. Я был готов уехать. Понятия не имел, куда отправлюсь, но знал, что мне нужно уехать отсюда. Я собирался отправиться в дорогу после того, как встречусь с парнями, тогда впервые в закусочной. Мои сумки были уже упакованы, но увидев тебя снова, у меня появился повод остаться.

— Правда? — спросила я, приподняв голову, чтобы посмотреть на него. Его руки обхватили меня за талию, и он потянул меня на себе так, что я оседлала его. Я искала его глаза в темноте, когда его руки снова заскользили по моей спине.

— Я предпочел бы встретиться со своими демонами, чем бросить тебя. Я даже не знаю, что это такое, но предпочел бы борьбу с ними, чем жить без тебя. Я думаю, что часть меня всегда знала, что если я вернусь в Вудлэнд Крик, все будет именно так.

— И к чему ты пришел? — спросила я, опустив руки на его грудь. Мое прикосновение было легким, пока я не добралась до изгиба его плеч, где я переменила направление и провела дорожки вниз ногтями.

Он застонал и изогнулся подо мной, соединяя нас самым совершенным способом.

— Изо всех сил держаться за свой рассудок, чтобы быть рядом с тобой.

Я взглянула на часы, а затем наклонилась, чтобы мы оказались почти нос к носу.

— Поверь мне, когда я так говорю, Куинн. Ты не сумасшедший. А если да, то это точно мое безумие, — я коснулась носом его носа, и кончики моих сосков слегка потерлись о волоски на его груди, посыпая искру желания прямо в mestechko между моих

ног. — И я хочу и нуждаюсь в каждой части тебя, которую видела. Я всегда поддержу тебя.

Он изогнул бёдра, потираясь твердой длинной против моей сердцевины.

— Я не заслуживаю тебя, но чувствую, что мы созданы друг для друга. Я думаю, что ты была силой, притягивающей меня обратно в Вудлэнд Крик. В то время я просто не понимал этого.

Это была замечательная мысль, хотя я знала, что это не так.

— Хватит говорить. Мне нужно скорее подготовиться к работе, — я пробежала языком по его нижней губе, умоляя его использовать ее для чего-то еще.

— И ты хочешь, чтобы я дал тебе кое-что, о чем будешь думать, пока ты там? — спросил он, покусывая мою верхнюю губу.

— Мммхмм...

Он провел большим пальцем сладкими медленными кругами в том самом чувствительном месте, распаляя меня, и смял мои губы в поцелуе, который чуть не лишил меня рассудка.

И я хотела лишиться его с ним.

***

Четыре часа спустя, Куинн все еще был единственным, о ком я думала.

Это могло быть из-за всех тех вещей, о которых он дал мне повод подумать этим утром, но более вероятная причина состояла в том, что мой человеческий дискотечный шар сидел за стойкой, сияя, словно сейчас Рождество, на протяжении всего обеда, в то время как ел свой завтрак, Лэс мог быть мишенью для вензелевых цветных кинжалов, но я претендовала лишь на похотливые красные цвета.

— Если ты хочешь, чтобы я держался подальше от твоих мыслей, тогда вам обоим нужно перестать так думать, — прорычал Райан через окно.

Я виновато усмехнулась, хотя его жалоба послужила напоминанием о том, что я все еще не рассказала Куинну об особых талантах Райана. Ему не понравится, когда он узнает, что ничто не было запретным, когда мы были рядом. Между нами не было ничего тайного, ни его мыслей, ни чувств.

— Нет, Уилл. Это моя тайна.

Я закатила глаза.

— О, пожалуйста. Как будто ты не рассказал Ванессе все мои секреты. Держись крепче, или тот, на кого ты работаешь, перещеголяет тебя.

— Это другое, — сказал он себе под нос. — Она тоже оборотень.

Я изогнула бровь. «*Он тоже*».

Его глаза широко раскрылись.

— Что?

«*Ты знаешь, том, о ком все говорят?*» Я бросила взгляд через плечо на Куинна, а затем поиграла бровями, глядя на Райана.

— Какого черта. Ты шутишь, что ли?

Я подняла голову и быстро воспроизвела в памяти все то, о чем узнала этим утром. «*Я бы не поверила, если бы не увидела это собственными глазами*», — закончила я.

— Так ты действительно думаешь, что он не знает? — спросил он.

«Я уверена, что нет».

— Ну, это должно быть самое смешное, что я когда-либо слышал, — Райан наклонился вперед, так, что его лицо заполнило все окно. — Я не ощутил в нем оборотня, что обычно чувствую сразу.

«Я тоже. Я вообще не чувствую от него чего-то сверхъестественного».

— Итак, как ты собираешься ему сказать?

Я снова посмотрела через плечо на Куинна, который доедал последний кусок шоколадного пирога. *«Я не знаю. Он ранимый».*

Теперь была очередь Райана закатить глаза.

— Ранимый? Он был наемным убийцей в шесть футов четыре дюйма (*прим. ок. 193 см*) и двести двадцать пять фунтов (*прим. ок. 102 кг*). И, судя по всему, у него стойка убийцы, — он замолчал, чтобы рассмеяться над собственной шуткой, но улыбка пропала с его лица, когда он увидел, что я не в настроении смеяться. — Серьезно, правда, Уиллоу. Чем скорее он узнает, тем лучше. Ты слышала, как люди говорили о нем. Он в опасности. Дерьмо. Он даже сам охотился.

Я медленно кивнула, пока слезы наворачивались на мои глаза. Я не могла думать о том, что может случиться с ним, если он окажется не в том месте в неподходящее время. К счастью, казалось, что он выходил только посреди ночи, так что, хотя в лесу и было еще кое-что, о чем стоило бы беспокоиться, я не была так озабочена этим, как охотниками.

— А как насчет его родителей? — спросил Райан.

«Может быть. Но почему они скрывали это от него все эти годы?»

Лоб Райана нахмурился.

— Кстати, как тебе удалось утаивать это от меня все утро? — спросил он.

— Наверное, у меня были другие мысли.

Он фыркнул.

— Я скажу, что так и было. Кстати, тебе лучше вернуться к своему любовничку. Он только что поймал Лэса, смотрящего на твою задницу, и я думаю, собирается оторвать ему голову.

Я развернулась и обнаружила, что Куинн залил всю площадь стойки адом малиновой ярости.

— Как тут мой любимый клиент? — спросила я, подвигаясь к нему. Я подняла кофейник и наполнила его чашку.

Он оторвал взгляд от Лэса, чтобы встретиться с моим.

— Лучше, теперь, когда ты здесь. О чем ты болтала с Райаном?

— Ничего особенного. Обсуждали свадьбу, — я ненавидела ложь, но не было другого выбора. Я поставила перед ним еще один кусок пирога, чтобы наверстать упущенное. — Итак, что ты запланировал на сегодня?

Он бросил предупреждающий взгляд в сторону Лэса.

— Похоже, я весь день просижу здесь.

— Будешь уплетать пирог или преследовать Лэса?

— Я не преследую Лэса. Это он преследует тебя.

Я засмеялась. Для меня то, что человек сходил с ума, ревнуя ко мне, было в новинку. Я могла видеть, как это может раздражать, если он заходит слишком далеко, но пока этоказалось довольно безобидным.

— Если бы не он, я бы не смогла поговорить с тобой, — сказала я, взмахнув пальцем в воздухе и затем, указывая на него. — Кроме того, я дала ему понять, в чем заключается мой интерес.

— И что бы это было? — моя любимая кривая ухмылка появилась на его лице.

— После того, как я утром потрясла твой мир, не могу поверить, что ты спрашиваешь об этом.

Из кухни донесся звук рвотных позывов, и улыбка Куинна переросла в полноценную усмешку.

— У этого парня уши, как у летучей мыши.

— Между прочим.

Брови Куинна поднялись, и выражение его лица стало настороженным.

— Я должен что-то об этом знать?

— Нет, но я поделюсь с тобой этим вечером за ужином и бутылкой вина. Это даст тебе достаточно времени, чтобы подготовиться к тому, что услышишь.

— И тушеное мясо, — проворчал он, прежде чем впихнуть еще один кусок пирога в рот.

— Эй, Куинн, — сказала я, наклонившись вперед на локтях. В этом разговоре не было изящного перехода, поэтому я была решительна. — Ты рассказал мне о своей маме, но я никогда не слышала, чтобы ты упоминал своего отца. Он здесь?

— Мой папа? — удивленно спросил он.

— Да, я думала о Райане и его проблемах с семьей и семьей Ванессы, и поняла, что даже не знаю твоих родителей.

Его взгляд смягчился.

— Ты хочешь узнать о моих родителях?

Я почувствовала, как покраснело лицо.

— Ну, да. Я имею в виду, не спеша. Но... да... в конце концов, я хотела бы узнать твоих родителей.

— Я могу организовать тебе встречу с моей мамой, но моего отца здесь нет. Я никогда не встречался с ним и не хочу этого, — он сказал это как бы между прочим, без эмоций, как если бы у него были годы, чтобы попрактиковаться.

— Прости, Куинн, — хотя этот вопрос, похоже, не беспокоил его, я все еще испытывала сожаление о том, что побеспокоила его, особенно под ложным предлогом.

Куинн пожал плечами.

— Не беспокойся. Он был приглашенным адъюнкт-профессором в колледже, который был в городе в течение одного года. Когда он узнал, что моя мама беременна, то исчез. Он не хотел меня знать, поэтому я всегда чувствовал то же самое по отношению к нему. Мы всегда были вдвоем. Моя мама делала все возможное.

— Что ж, я с удовольствием встречусь с ней, — сказала я, наклоняясь над стойкой и целуя его в щеку, — потому что я думаю, что она отлично справилась.

— Я посмотрю, смогу ли я устроить ужин для нас троих. Она изводила меня своими просьбами познакомиться с тобой.

Услышав это, я была очень счастлива, хотя у меня было ощущение, что она собирается встретиться со мной, прежде чем Куинн получит возможность познакомить нас. У меня было несколько вопросов к ней.

Я снова оттолкнулась от стойки.

— Я бы очень этого хотела. Так, а серьезно, что ты собираешься делать сегодня? Как бы я ни хотела, ты не сможешь весь день болтаться здесь. Ты слишком отвлекаешь.

Он улыбнулся.

— Ну, давай посмотрим. У меня есть ванная и умывальник, которые нужно установить, и мне нужно сходить забрать краску, но она может подождать до завтра.

Я кивнула в окно.

— Лучше сделай это сегодня. Сегодня обещают снег.

Он застонал.

— Уже?

— Сегодня или завтра.

— Почему ты так взъярвана?

— Потому что я не могу этого дождаться. Первый снег — это так романтично, — задумчиво сказала я. — Обниматься на диване под одеялом перед камином. Бокал вина. Ты. Возможно, игра на раздевание в Clue.

Он посмеялся.

— Ну, ты, конечно, умеешь красиво преподнести. Тогда мне лучше пойти. Думаю, у меня сегодня больше дел, чем я думал.

Он резко встал и начал рыться в карманах.

— Ни в коем случае, даже не думай, — я прошла вдоль стойки и обогнула ее, чтобы встретить его на другой стороне. — Твои деньги больше не нужны. Мой пирог бесплатный.

— Но только для меня, не так ли? Никто больше не получает бесплатный пирог, — он обнял меня за талию и притянул к себе. — Я не буду делиться пирогом, — его голос был хриплым у моего уха, дыхание теплым на моей коже.

Я обняла его за талию и прижалась носом к его шее. Он только принял душ, но я должна была признать, что мне намного больше нравился его собственный древесно-мускусный аромат.

— Куинн Диаборн, ты хочешь сказать, что хочешь быть моим парнем?

— Ну, видишь ли. Есть лишь одна девушка, и я не вижу никого кроме нее, — я подняла глаза и увидела изумрудные глаза, искрящиеся от смеха. — Оказывается, у нее лучший пирог. И я не могу им насытиться.

Я ударила его по груди.

— Ты болтун. Убирайся отсюда, пока не случилось что-то плохое.

Он страстно поцеловал меня. Как будто мы были одни на моей кухне, а не в кафе, полном людей. Когда он отстранился, то слегка ударил меня по заднице и подмигнул.

— Признай это. Ты меня немного любишь, — сказал он, уходя.

Я наблюдала, как он вышел за дверь, а затем схватила кофейник со стойки, чтобы у меня была причина подбежать к окну. Наполняя чашку, я смотрела, как он идет через двор к дому. Он снова шел с высоко поднятой головой и гордо расправленными плечами.

«Ты понятия не имеешь, Куинн Диаборн. Даже не представляешь».

Грубый, архаичный голос прервал мои мысли.

— Разве любовь не великая сила?

— Мистер Хансен, — сказала я, кивнув владельцу чашки, которую рассеянно наполняла. — Как прошел ваш завтрак?

— Весело. Я не знаю, так как еще не получил его.

Я ошеломленно уставилась на него.

— Дайте мне две минуты, мистер Хансен.

Я подбежала к окну раздачи.

— Где тарелка Клайва?

— Прямо здесь, — сказал Райан, толкая ее мне. — Я знаю, что нарушаю твои правила и все такое, но думаю, ты должны знать, что приятели Куинна снова отправились в земли Рейборна. Какой-то глупый «первый снег». По-видимому, это традиция или что-то в этом роде — убить в первый день зимы.

Я схватила тарелку, но снова бросила ее на выступ, когда та обожгла мне руку. Я потянулась за полотенцем.

— Но ведь это не первый день зимы, — Райан пожал плечами. — Кроме того, он больше не пойдет туда.

— Ты уверена в этом?

— Позже, — сказала я, поднимая тарелку, используя полотенце в качестве прихватки. — Мы поговорим об этом позже. Хансен разозлился.

Я осторожно поставила тарелку, стараясь не уронить ее мужчине на колени, чтобы мне не пришлось покупать ему очередную порцию еды.

— Мне очень жаль, мистер Хансен.

Он прищурил глаза.

— Так как ты, по-видимому, больше не работаешь, почему бы тебе не присесть? Нам нужно поговорить.

Я быстро огляделась, но обеденный зал выглядел довольно хорошо. Лэс снова начал обходить клиентов с кофейником в руке. Я жестом предупредила его, что собираюсь присесть. Он кивнул, прежде чем заняться работой, делая клиентов счастливыми. Куинн мог возражать, сколько хотел на счет Лэса, но он никуда не уйдет. Он был молодцом и полезным для бизнеса.

Клайв заговорил еще до того, как я присела на сиденье.

— Я подумал, что во время нашего последнего разговора я дал тебе достаточно намеков, чтобы заставить прийти ко мне, но видимо, ты понимаешь не так хорошо, как Дженис.

— Честно говоря, я думала о том, чтобы приехать к вам, сэр, но Райан меня отговорил.

— Такой трусишка. Если бы он дорос до своей пары, он мог бы исправить свою собственную жизнь.

— Честно говоря, если вы так ко мне относитесь, я даже рада, что не сделала этого, — я нетерпеливо отвернулась. — Я не хочу быть непочтительной, но о чем вы хотите поговорить? Я много думаю об этом.

— Я вижу, что между тобой и Диаборном все становится жарко и тяжело.

— Это оно? Вы хотите поговорить со мной о моих отношениях с Куинном? — я только села, но это было уже чересчур. Я не собиралась рассказывать о своей личной жизни старику, которому было около миллиона лет. Я начала вставать, но худощавая рука на моей руке остановила меня. Инстинкт заставил меня опуститься обратно на свое место.

— Прости. Я не должен был так говорить. Ревность может быть горькой пилюлей для глотания, — он указал на мой дом. — У меня это было однажды — то, что у тебя и

Диаборна, — только в моем случае это была не выдумка чужого воображения. Это было реальным, чистым и правдивым. И кое-кто украл у меня это.

Тот факт, что этот хлипкий стариk нашел того, кто любил его, был доказательством чуда. Это дало мне надежду на мое будущее.

Его смех казался таким же хрупким, каким он выглядел.

— Знаешь, я тоже был молод. О, около миллиона лет назад.

— О нет, вы тоже, — сказала я, впиваясь кончиками пальцев в виски, и застонала.

— Здесь и там, по своему желанию. Я могу заблокировать то, что не хочу слышать.

Отлично.

— Иногда. Но это может быть и настоящей неприятностью. Но ты и так это понимаешь, не так ли?

— Да.

— Ты можешь поблагодарить Дженис за это. Все было бы по-другому, если бы она не любила совать нос туда, куда не стоит.

— Какими были ваши отношения с ней? Похоже, она вам не очень-то и нравилась, но вы бывали здесь каждый день, даже когда она управляла этим местом.

Клайв стиснул пальцы и наклонился так, словно собирался поведать мне большой секрет.

— Не многие знают об этом, но Дженис была моей сводной сестрой. У нас были разные отцы, и мы росли отдельно. Наша мама была, скажем так, свободолюбивой и быстро охладевающей.

Мои щеки вспыхнули от жара.

— Я думала, может быть, вы были любовниками.

Он откинулся на стульях с явным отвращением на лице.

— Боже мой, нет.

— Простите. Она никогда не упоминала, что у нее есть брат, — мне вдруг пришло в голову, что стариk, вероятно, так же претендует на дом, как и я, и может быть, поэтому он бродил вокруг даже после ее ухода. — И я сожалею о вашей утрате.

— Чепуха, — сказал он, снова читая мои мысли. — Чего бы я хотел от этого места? Она хотела, чтобы он был твоим, и он твой. Кроме того, мне очень нравится твоя идея по поводу гостиницы. Дженис не была бы бедной, имея такой дом, если бы сама подумала об этом.

— Мистер Хансен, я не позволю вам так говорить о ней, — сказала я, и мой голос был непреклонен. Я не собиралась позволять этому человеку — сводному брату или нет — неуважительно отзываться о моем друге в деле, которое она построила.

— Ты милая, Уиллоу. Ты мне нравишься. Как и она, твое сердце находится в правильном месте, но ты легковерна. И ты не знаешь всего, что можно было узнать о Дженис.

— Я знаю все, что мне нужно знать, — я вызывающе посмотрела на него, хотя что-то глубоко внутри меня раздражало мое подсознание.

— Как насчет этого? Позволь мне рассказать тебе мою историю. Может быть, это повлияет на историю, которую тебе придется рассказывать когда-нибудь. Когда я закончу, ты сможешь решить, имею ли я право злиться на свою сестру.

Все сомнения в сторону, я действительно не хотела слушать о том, как Дженис обидела этого сводного брата, о котором она никогда не говорила. Я беспокоилась о Куинне, и мне нужно было потратить силы, думая о его проблемах.

— У меня может быть ответ, который ты ищешь, если внимательно послушаешь, — сказал он, обращаясь к моим мыслям.

Я послала ему предупреждающий взгляд.

— Хорошо, стариk. Ты говоришь, я слушаю, но я скажу тебе то, что уже сказала Райану. Держись от меня подальше.

— Справедливо. Это сделка.

Я сидела спокойно на своем стуле почти целый час, пока он рассказывал мне о красивой черной лисе, которая украла его сердце. По словам Клайва, она была так прекрасна, что у нее было больше ухажеров, чем она думала.

— Итак, я был не самым красивым из всех, и не ее вида, но у меня было, что предложить ей, — пояснил он. — У меня была достойная работа. Я использовал свои силы не всегда, работая у аптекаря. Я купил дом в Старой части города. Я знал, что другие мужчины ухаживают за ней, но то, что происходило между Кларой и мной, было не просто особыенным. Это было необыкновенно. Я никогда не сомневался в ней и в том, кем мы стали.

Когда он говорил, он кромсал бумажную салфетку, разрывая ее на кусочки. Они хаотично падали на стол.

— Тогда Дженис услышала в городе о других ухажерах. Я не знаю, сомневалась ли моя дорогая сестра в Кларе или во мне... не имеет значения... ее намерения были благими, но она была молода и неопытна, — пробормотал он. — Она не понимала своих способностей и своих ограничений, не говоря уже о кармических последствиях подчинения свободы воли.

— Любовное зелье? — спросила я. Я знала, что Дженис немного участвовала в этом.

— Даже после смерти ее собственного мужа и вплоть до ее смерти она была неизлечимым романтиком. Но есть разница между любовными заклинаниями, наложенными на то, чтобы найти любовь и любовными заклинаниями, наложенными на силу любви. Чтобы дать мне преимущество над моей конкуренцией, Дженис наложила заклинание на Клару, которая усилила ее чувства ко мне и разрушила все, что она могла бы чувствовать к другим. Она попыталась силой ускорить то, во что я верил, в конечном счете, это произошло бы само по себе, спустя какое-то время. Семя любви уже было посажено. Чтобы превратиться во что-то чудесное, необходима вода, а не удобрение. — Клайв двумя руками порвал кучу салфеток, которые после искусно расположил в форме сердца.

— Что случилось? — спросила я, полностью увлеченная его рассказом.

— Дженис научилась на всех наших неудачах, что никогда не следует пытаться заставить двух людей быть вместе. Даже с самыми лучшими намерениями неправильная магия может иметь ужасные последствия, — он посмотрел в окно на мой дом, а затем в окно на втором этаже, где я знала, работает Куинн. — Негативные энергии воздействуют на людей по-разному. Некоторые люди способны справиться с этим лучше, чем другие. Клара не смогла. Это свело ее с ума.

Его скорбь на несколько мгновений лишила нас обоих слов. Наконец, он отвел взгляд от моего дома и уставился на бумажное сердце, которое сделал.

— Так же, как Дженис направила ее ко мне, моя любовь предпочла меня другим, — дрожащей рукой, он провел пальцем по сердцу.

— Она выбрала меня, но не выбирала *нас*. Все, что у меня осталось от нее, — это записка, которую она написала прямо перед тем, как бросилась с утеса на холме Fool's Gold, — он наклонился вперед и подул на бумажное сердце. Крошечные кусочки салфеток разлетелись по поверхности стола. Некоторые скользнули на пол. Несколько упало мне на колени. Сердце разрушилось, и мое сердце болело за него.

— Мне очень жаль, мистер Хансен.

— Печальная истина в том, что, по-моему, она сама выбрала бы меня одного, если бы осталась одна, но я точно не знаю, — он откинулся на спинку стула и посмотрел мне прямо в глаза. — Я хочу сказать, что Дженис выучила свой урок, я знаю это. Ее намерения всегда были хорошими — никогда в этом не сомневайся, — но время от времени это прекращалось.

— Мистер Хансен, спасибо, что поделились своей историей со мной, но какое отношение это имеет ко мне?

— Никогда нельзя пытаться изменить чужую судьбу. Если ты хочешь понять своего парня, тебе нужно прочитать книги.

Книги.

Клайв упоминал книги уже в третий раз.

— Какие книги, мистер Хансен?

Он рассердился, как будто я уже поняла это сама.

— Дневники Дженис. Она все записывала. Все женщины в моей семье. Они где-то в этом старом доме. Найди их и вернись к 1962 году. Ты можешь прочитать о Кларе самостоятельно. Двадцать лет спустя ты найдешь имя Куинна Диаборна. Годами ранее — вражду Белер-Бёрдвел. Это все есть в книгах. Знание сильнее волшебства, моя дорогая, милая Уиллоу.

— Мне нужно идти, — сказала я, вскакивая со стула.

Он кивнул с грустной, но довольной улыбкой на лице.

— Я думаю, ты можешь. Счастливого пути, дорогая.

Я бросилась на кухню и кинула свой фартук в корзину.

— Райан? Можешь с Лэсом справиться с обедом без меня?

— Конечно. А что?

— Разве ты не слушал мой разговор со Стариком Хансеном?

— Немного. Старик не позволяет мне слышать большинство сказанного. Я терпеть не могу разговоры, когда у меня есть только одна сторона истории.

Я закатила глаза.

— Так живет весь мир, и мы, кажется, справляемся. Послушай, мне нужно идти. Ответ на проблемы Куинна — в старых дневниках Дженис в подвале.

— Иди, — сказал он, указывая на заднюю дверь. — Я дам Лэсу знать.

Я пролетела через двор с единственной целью, едва замечая тяжелые облака, нависшие над Вудлэнд Крик. Я проскользнула в дом через заднюю дверь и прислушалась к Куинну. Музыка и удары доносились сверху с лестницы. Я не хотела, чтобы он знал, что я в доме. Как можно тише, я на цыпочках прошла по коридору, избегая скрипучих досок, и открыла дверь в подвал. Я не планировала выходить оттуда, пока не узнаю, почему Куинн был в книгах Дженис.

Глава 16

Куинн

Как уже бывало, я заснул и снова проснулся. Но на этот раз все было по-другому. Я ни от чего не убегал. Я бежал к чему-то. «Или кому-то».

Тонкий слой снега покрывал лед и хрустел с каждым пройденным шагом. Все еще тяжелый воздух висел над Вудлэнд Крик. Это положит начало долгих месяцев мрачного холода. Еще больше снега выпадет в течение ночи. Я приветствовал его, хотя не мог сказать точно, почему.

Очень часто на миссии мои ноги быстро шествовали по замерзшей поверхности. Они ходили и на более опасных местностях, чем эта. Горы Афганистана хорошо подготовили меня к моей нынешней задаче. И на этот раз на мне нет тяжелых ботинок. Никакого оружия. Ни сумок. Я никогда не чувствовал себя легче на ногах. Ветвь ударила меня по лицу, а я едва почувствовал это.

Я был *свободен*.

Было время, когда бег был единственным способом успокоить шум после ужасного дня. Это было сладкое облегчение после пережитого ужасного всепоглощающего бесконечного шума, который пришел с воспоминаниями. Он не позволил бы мне уйти. Я был связан с ним, как был связан с людьми в этом шуме. Бег долгое время был для меня единственным реальным облегчением, но иногда даже это не срабатывало. К счастью, я нашел еще лучшую терапию.

Я был *не один*.

Уиллоу была моим новым спокойствием. Она плавно вошла в мою жизнь и переменила мой взгляд на все, включая меня самого. Сегодня утром я открыл ей часть своей разбитой израненной души и рассказал ей о кошмарах, приходящих в полночь, и о том, как неловко бывает просыпаться по утрам. Она даже не вздрогнула. Как всегда, она принимала мои слова и продолжала тянуть меня вперед. Она взяла предложенный кусочек моей разбитой души и приняла его на хранение. Таких было еще достаточно, но вскоре она увидит их все.

Я влюбился в нее.

Это было неизбежно. Она была такой же совершенной, как я был поврежденным. Она была такой же чистой, как я запятнанным. Она была моей идеальной противоположностью, и я любил ее такой. Я старался быть целым снова, потому что она этого заслуживает, но было бесконечно приятно знать, что сломанные кусочки были для нее столь же ценными, как и все остальное. Она не говорила мне этого, но я уже знал, что она тоже любит меня. Знание этого и то, что я смогу рассказать ей об этой пробежке, когда приду домой, наполнило меня счастьем.

Я перепрыгнул через ручей и ощущил почву под моими ногами. Очень скоро здесь будет настоящий каток, будет трудно добывать воду. Что-то инстинктивно подсказало мне, что это должно касаться меня, но сегодня это не так. Ничто не волновало меня, когда я приближался к месту, где видел *ее* в последний раз.

«*Она здесь*».

Так или иначе, я чувствовал ее присутствие рядом. Я прорвался сквозь последнюю линию деревьев и оказался на поляне, ощущая нетерпение. Мои ноги стучали по земле, пока я не остановился у большого старого кедра, в листьях которого укрывался всего лишь несколько дней назад.

Большие карие глаза смотрели на меня с любопытством.

Как я помнил, она была самым прекрасным созданием, которое я когда-либо видел. Миниатюрная, но мощная. Изящная, гибкая. Длинные, тонкие ноги выглядели, словно

могли сломаться под ее тяжестью, но я знал, что они сильнее, чем кажутся. Они были созданы для бега и прыжков. Мне бы очень хотелось понаблюдать за ее бегом.

Большие высоко посаженные уши на ее голове ничего не пропускали. Она моргнула, а затем подняла голову, чтобы оценить меня. «Я знала, что ты вернешься», — казалось, говорила она.

«Конечно, — хотел я сказать ей. — Я пришел поблагодарить тебя».

Я задавался вопросом, насколько близко она позволила бы мне приблизиться сегодня. Я сделал осторожный шаг.

Она,казалось, даже подмигнула и подалась вперед: «Поспеши подойти ближе».

Это был бред, думать, что она на самом деле говорит со мной. Очевидно, это не было обменом слышимых слов, но в моей голове я мог услышать ее также ясно, как будто ее мысли были моими собственными. Это было почти, как если бы существовала прямая связь между ее душой и моей. Какие-то нити связывали наши сердца и давали мне доступ к ее мыслям. «Это нормально?

«Мы не можем оставаться здесь. Это небезопасно».

Я сделал несколько медленных шагов в ее сторону и стал ждать. Она последовала ко мне навстречу, а потом остановилась. Мы сокращали расстояние между нами, пока не осталось меньше, чем несколько футов. Она стояла неподвижно, но вдруг занервничала. Вытянула длинную шею, словно прислушиваясь к чему-то позади меня.

Tccc. Ее страх был ощущимым. Ее большие карие глаза моргнули с предупреждением. Тем не менее, даже когда он ударил в полную силу, я не понимал опасности.

Стрела пронзила ее плоть с глухим звуком. И это слабое описание для нанесенного ранения. Она легко пронзила ее грудь и грубо выпирала снаружи. Мгновение, и раненная лань убежала, увилив от нападающего и от меня подальше.

Я последовал за ней, потому что у меня не было другого выбора. Невидимая нить, что связывала нас, потянула меня вслед за ней. Когда она бежала, ее предыдущие слова эхом звучали в моей голове. «Подойди ближе. Подойди ближе».

«Я иду, — хотел сказать я ей. — Я позабочусь о тебе. Я помогу тебе, так или иначе».

— Черт возьми, кажется, я промахнулся, — голос был знакомым, и мне не пришлось долго ломать голову, чтобы узнать его.

Тим подстрелил мою красивую лань. Я ненавидел его за это, хотя сделал бы то же самое только неделю назад.

Она слишком быстро перепрыгнула линию забора, и я вздрогнула от боли в груди, когда она приземлилась. Я побежал за ней, так как мы быстро установили необходимое расстояние между Тимом и нами. Когда мы бежали на север через западную часть кладбища, я размышлял над тем, как я могу выполнить свои обещания. Куда можно отвезти раненого оленя? Были ли ветеринары, которые могли бы помочь ей? Позволит ли она мне дотронуться до нее? Я не знал, как спасти дикое животное. Она не была кроликом, которого я мог положить в коробку и забрать домой, чтобы заботиться до момента выздоровления. Она была красивой, но дикой.

И, возможно, смертельно раненой.

Я следовал за ней по окраине кладбища, время от времени теряя ее из виду, когда она петляла между деревьев. Она пересекла дорогу рядом с тем местом, где был припаркован мой грузовик, и я хотел крикнуть ей, чтобы она остановилась, потому что так будет лучше для нее. Но у меня не было возможности сообщить об этом, и шансов на то, что она послушается, также не было.

Сигнальные огни отмечали место аварии на западе, но она не подошла к ним и близко. Мы пробежали, по ощущениям, милю, параллельно к основным дорогам, но достаточно далеко от них, чтобы оставаться незамеченным. Я был смутно осведомлен после всех моих позднихочных и ранних утренних пробежек о том, где мы были, и я

задался вопросом, почему раненное животное направляется прямо в город, а не в противоположную от него сторону.

Даже когда я не мог ее видеть, боль в груди никак не стихала, давая мне понять, что она была там, впереди меня, и что ее сердце все еще билось в груди. Тот же инстинкт заставил меня вдруг остановиться и подойти к ручью, который был мне хорошо знаком.

Моя лань стояла на его берегу, не в силах сделать окончательный прыжок через него. Слишком знакомый, темный и пустой дом вырисовывался позади нее.

«*Не так*».

Я не был уверен, кто из нас об этом подумал. Во всяком случае, было смешно думать, что это была она. Я бы не удивился, если бы весь наш разговор был только в моих мыслях. Или, если она вообще не существовала и была всего лишь творением моего разбитого на осколки разума.

Эти красивые, изучающие душу глаза моргнули. «*Я такая же реальная, как и ты. Помоги мне, Куинн*».

Прежде чем я успел добратся до нее, ее колени подогнулись. Она пошатнулась лишь на секунду, а затем упала на землю, стрела в ее теле оказалась направлена вверх в молочно-серое небо. Ее грудь поднималась и опускалась в такт с затрудненным дыханием. Эти красивые, умные глаза уставились на меня. Я слушал ее голос, но ничего не слышал.

Знакомый звук вторгся в наш момент. Я закрыл глаза, желая избавиться от него. Он становился все громче, и я предполагал, что это был звук ее сердцебиения, уверяющий меня, что с ней все будет хорошо. Я сам почти поверил в это, но звук стал жестче, превращаясь во что-то не принадлежащее этому месту.

Как делал это много раз, я поднял голову, чтобы увидеть в небе вертолет. Он пролетел низко и уже через несколько секунд исчез за верхушками деревьев. Звук вращающихся лопастей исчез, но оставил после себя обломки моей жизни. Весь шум, от которого я успешно уклонялся все это время, нашел меня снова.

Я сопротивлялся ему, пытаясь прочистить свою голову от всего этого кошмара. Я должен был сдерживать его. Она нуждалась во мне. Нас свела судьба, и я был ее единственной надеждой. Я смотрел на нее, пытаясь вернуться к реальности, осознавая, что все лучшее во мне было потеряно на континенте за тысячи миль от моего нынешнего местонахождения.

Лань передо мной испустила звук, который звучал, как мольба. Это породило во мне инстинкт выживания, казалось, утраченный навсегда, и рассеяло туман, в который погрузил меня вертолет. Морозный вечерний воздух отражал сияние от снега, обещая мне, что вместе мы переживем эту ночь.

Раненная лань замерзла и встрепенулась, и я опустился на землю рядом с ней, когда она исчезла прямо на моих глазах. На ее месте лежала Уиллу, обнаженная и истекающая кровью. Теперь стрела торчала из ее груди, а не животного.

Мое сердце от шока грохотало даже громче, чем лопасти вертолета. «*Это приступ болезни, — сказал я себе. — Гребаный приступ, и ты, наконец, сошел с ума*». Я зажмурился и попытался прочистить голову.

— Куинн, — это был голос Уиллу, хотя он казался таким далеким.

Я снова открыл глаза и обнаружил, что ничего не изменилось. Уиллу была такой же прекрасной, хрупкой и обнаженной. Кровь струилась по ее телу, и конец стрелы ужасающе указывал на меня. Я хотел одновременно поклоняться ей, прикрыть и исцелить ее.

— Пожалуйста, Куинн, — хрипло выкрикнула она. — Здесь что-то не так.

«*Что-то не так?*» Я покачала головой, и мне вдруг стало так тяжело. *Все неправильно*.

— Пожалуйста, Куинн! — снова повторила она, на сей раз отчаявшись. Глаза наполнились слезами, и она закашляла. — Мне нужно, чтобы ты изменился. Я не могу слышать твои мысли так.

«Измениться? Слышать мои мысли?» Я снова покачал головой, яростно на этот раз, не зная, как ответить, даже если бы я мог.

— Посмотри на себя, — попросила она.

Я посмотрел на свою широкую грудь и скрестил ноги под собой. Четыре ноги были там, где должны быть две. Копыта на месте ступней. Короткая рыжая шерсть вместо кожи. Это было нелепо.

— Ты великолепен, — прошептала она.

Я больше не был собой, насколько я мог видеть.

Мне нужно было убежать от кошмара вокруг меня. Я встал, переставляя ноги, когда те выпрямились, чтобы поддержать меня. Всего четыре ноги. Это было полное уничтожение всего, что я знал, что долгое время было правдой для меня. «Кем я был? Монстром? Моя сладкая Уиллоу такая же?»

Я топнул ногами по земле и побежал. Но ударился о ближайшее дерево достаточно сильно и отскочил назад. Я вздрогнул и застонал, когда треск эхом прокатилась по лесу. Но этот звук не был знаком. Треск не был похож на дерево. Шумом, который я только слышал, был стон, как тот, что издает подстреленное животное.

— Ты должен принять это, Куинн. Я не могу справиться с этим прямо сейчас, — голос ее был таким же затрудненным, как и ее дыхание.

«Принять это?» Что она просила меня принять? Что я был монстром? Я посмотрел на дерево, теперь отмеченное моим недоверием, и мой взгляд опустился на землю. Сломанная палка лежала у основания дерева. Но она была слишком бледной и слишком гладкой, чтобы быть частью дерева. Но как было возможно, что это была часть меня?

Я снова повернулся к Уиллоу. Я мог видеть боль в ее глазах, но почему-то ей удалось улыбнуться.

— Если ты хочешь снова стать человеком, просто пожелай это, — сказала она. — Поначалу ты испытаешь странные ощущения, но это не больно, — каждое слово выходило медленнее, чем предыдущее. У нее перехватило дыхание, и ее красивые черты лица исказились. Я хотел сказать ей прекратить говорить, но чувствовал, что нет способа сделать это.

«Пожелать это».

«Пожалуйста, позволь мне быть нормальным снова».

Я даже не был уверен, к кому я обращаюсь, но я едва ли успел подумать об этом, прежде чем все произошло.

Точно так же, как это было, когда Уиллоу поменялась местами с ланью, воздух трепетал и мерцал вокруг меня. Блестящий и сияющий, он ожил в то же самое время, когда мое тело начало изменяться. Электрический ток пронесся сквозь меня, заставляя кожу, или то, что должно было быть кожей, и мои кости мерцать. Но когда я снова посмотрел вниз, там был только я — тот самый человек, которого я видел, когда утром выходил из душа, тот самый человек, который почти каждый день просыпался с рассветом. Кроме того, что я был обнажен и весь в крови.

Инстинктивно я поднял руку и коснулся своей головы. Доказательство ранения было скользким на моих пальцах, но крови было недостаточно, чтобы вызвать у меня беспокойство. Скорее всего, кровь, разбрзганная на груди, принадлежала Уиллоу.

Она ахнула, и это был звонок к пробуждению, в котором я нуждался. Я присел рядом с ней.

— Я отвезу тебя в больницу.

— Для этого нет времени, — каждый выдох, вырывающийся из нее, был хриплым.

— Они не смогут ей помочь, — я обернулся на искаженный голос позади себя. Я узнал старика, который каждое утро завтракал в кафе. Когда он бросил взгляд на меня и обратно к ней, я внезапно с неловкостью осознал, что мы голые. Желание прикрыть ее тело было очень сильным, и я был уверен, что сделал бы так, если бы был уверен, что это не принесет ей еще больше вреда.

— Доверься мне. Я видел все это раньше, — его выражение было озабоченным и знающим. — Я — доктор твоего вида.

«*Мой вид*». Я больше не знал, что такое мой вид.

— Можешь ли ты принести ее в дом? — спросил он.

— Да, конечно, — пробормотал я. Я изучал ее секунду, обдумывая лучший способ ее передвижения, не нажимая на стрелу и не касаясь ее больше, чем нужно, я подхватил ее на руки.

— Что-то не так, Клайв, — простонала она. — Я не придумала это.

— Наверное, это реакция на что-то. Возможно, наконечник стрелы покрыт серебром, — сказал он, следя за мной. — Любопытно.

Она кивнула, а затем ее голова повернулась в сторону, остановилась у моего плеча.

— Серебро — это яд для оборотней, — сказала он так, словно знала, что я нуждаюсь в пояснении. — Это вызывает непроизвольную реакцию и заставит оборотня измениться, даже если он этого не хочет.

«*Оборотни*». Была ли им она? И я?

— А как ты думаешь? — спросил он, придерживая дверь открытой для нас.

Я прошел через дверь с Уиллоу в своих объятиях, а Клайв неуклонно ковылял позади меня. Когда я положил ее на ее кровать, то понял, что кем бы она ни была, я уже принял это. Может быть, это потому, что она уже доверилась мне и рассказала о своих способностях эмпата. Или, может быть, потому, что я видел, как она изменялась из оленя в женщину прямо на моих глазах. В ней всегда было что-то волшебное.

— И ты тоже.

Это был второй раз, когда старик, казалось, ответил на вопрос, который он прочел у меня в голове.

— Да, я тоже ясновидящий и телепат, когда мне это хочется, — сказал он, делая это снова.

— Значит, вы знаете, о чем я думаю? — я прикрыл ее одеялом настолько, насколько мог, все еще избегая раны.

— Так же, как и Уиллоу может читать твои эмоции. Не держи зла. Именно поэтому я здесь, — сказал он, поставив на кровать черную сумку, которую я не замечал до этого момента. Это было нечто среднее между чемоданом доктора, который берут с собой для вызова на дом, когда врачи еще делали это. — Я заснул за просмотром «*Колеса Фортуны*», и мне приснилось, что в нее попали серебряной стрелой. Ты, кажется, тоже был в беде.

Я добавил это к постоянно растущему списку невозможного, которое было реальным.

Когда он вытащил стетоскоп, я убрал волосы с ее лица. Ее глаза были закрыты, и она выглядела такой спокойной, что это меня пугало.

— Тогда вы можете сказать мне, о чем она думает.

Он поднял палец вверх, прислушиваясь к ее сердцебиению. В комнате было тихо, и я впервые подумал о том, что Уиллоу не может умереть. Идея жизни без нее вырывала мое недавно восстановленное сердце из груди.

Через несколько долгих секунд он вытащил стетоскоп из ушей и положил его на кровать.

— Ты должен спросить ее сам, пока меня не будет. Постарайся не дать ей уснуть.

— Вы уходите? — спросил я, кланяясь невысокому мужчине, как будто он не был на пятьдесят лет старше и на сто фунтов легче меня. Только через мой труп он покинет этот дом. Я уже возложил всю свою веру на него и потратил драгоценное время.

— Нет, нет, сынок. Мне нужно взять кое-что в доме. Ты не знаешь, вещи Дженис все еще находятся здесь?

— В подвале, — прошептала Уиллоу. Клайв поспешил прочь, и она улыбнулась слабой улыбкой. — Странный он, не так ли?

— Не самое странное, что я видел сегодня.

— Куинн? Оденься, хорошо? На всякий случай.

— На случай чего? Я думаю, Клайва это не беспокоит, — я подмигнул ей.

Ее губы слегка побледнели.

— Просто сделай это. Если мне не станет лучше, тогда тебе придется звонить людям.

На это не было ответа. Я подошел к комоду и открыл ящик, который она выделила для меня только потому, сама этого захотела. Если бы она попросила меня, я бы сделал все, что в моих силах, и свернул бы горы. Не обращая внимания на то, что достаю, я вытащил первое, чего коснулась моя рука, и, скользнув в пару спортивных шорт, вернулся к ней. Я опустился на колени и прислонился к кровати. Взял ее за руку, я закрыл глаза и поклялся сделать все возможное, чтобы иметь с ней больше времени.

Я отдал бы тысячи дней только за один день с ней.

— Не будь таким грустным, любовь моя. Ты омрачаешь мою радость.

— Прости... — слова застряли у меня в горле. Это было самое близкое, когда кто-то из нас походил к тому, чтобы объясняться в своих чувствах. Мое сердце внезапно оказалось слишком переполненным, чтобы сдержать все это. Я должен был сказать ей. На всякий случай.

— Я люблю тебя, Уиллоу, — выпалил я. Это было так некрасиво. Так совершенно незначительно, учитывая то, как я по-настоящему себя чувствовал. Я хотел в первый раз сказать эти слова при совершенно иных обстоятельствах. Эти три маленьких слова должны стать обещанием будущего, а не прощальными.

— Я знаю, — прошептала она. Улыбка растянулась на ее губах. — И я тебя тоже люблю. Честно, я так счастлива.

Из груди ее торчала стрела, она едва могла говорить, и какой-то странный доктор Вуду блуждал по ее дому.

— Как ты можешь быть счастлива?

— Я так рада, что мне удалось это увидеть, — ее веки закрылись, словно она это представляла. Что это бы то ни было.

— Что? — я погладил ее руку.

— Ты понимаешь, *тебя*, — она переплела свои пальцы с моими. — Ты такой великолепный. Другого слова просто нет. Великолепный. Я хотела бы, чтобы ты увидел себя моими глазами.

— Я урод. Монстр.

— Тогда я тоже.

— Нет, — она не монстр. — Мне очень жаль. Тебя бы там не было, если бы не я. Я знаю, что ты была там, потому что ты искала меня.

— Итак, ты можешь принять меня такой, какая я есть, и все равно любить меня? — спросила она, моргая. Ее медный взгляд искал мой, умоляя меня сказать «да».

Наши взгляды встретились и застыли.

Глаза Уиллоу и лани, свернувшиеся рядом со мной на холоде, были такими же. Они таили такую же любовь и одаривали меня таким же почтением. Я мог видеть это сейчас.

— Несмотря ни на что, — я чуть не подавился этими словами.

— Но ты не можешь принять то, что ты такой же? Что мы созданы друг для друга?

Я поднес ее руку ко рту и поцеловал ее. Было гораздо легче принять любую Уиллоу, чем принять правду о себе.

— Две идеальные половинки, — продолжила она. — Две души, обреченные на то, чтобы найти наш путь назад друг к другу, — она снова кашлянула и поморщилась.

— Тебе нужно прекратить говорить, Уиллоу. Будет еще много времени, чтобы поговорить позже, — я надеялся, что не буду давать обещания, которые не смог бы выполнить.

— Но мне так много нужно тебе рассказать. Твой отец... — снова кашель сотряс ее тело, и она вскрикнула от боли.

Через секунду я был на коленях около нее, готовый просить и умолять.

— Больше не надо. В данный момент имеет значение только одно, — мы все еще держались за руки, я наклонился и поцеловал ее в губы, стараясь нигде ее не касаться. — Я не знаю, кто я, но я принимаю нас... что бы это ни значило. Я хочу больше времени с тобой, и я все для этого сделаю, я все понимаю.

— Хорошо, — ее дыхание было слабым у моих губ. Слишком слабым.

— Я помогу тебе в этом, а потом ты поможешь мне справиться с тем, что будет дальше. По рукам?

Она улыбнулась. Улыбка была слабой, но решительной.

— По рукам. Мы должны доказать Клайву, что это правда. Не так ли, Клайв?

— Правильно, — сказал Клайв сзади. Голос его был спокоен, глаза влажными, и я подумал, как долго он там стоял. Он поманил меня тощим пальцем. — Иди сюда, мистер Диаборн.

Мы отошли от Уиллоу, хотя я не сводил с нее глаз.

— Какой план? По моей оценке, стрела вошла на пару сантиметров в ее грудь.

— По крайней мере, приблизительно. План состоит в том, что ты вытащишь ее. Чем быстрее, тем лучше, потому что это будет болезненно и...

— Нет, — перебил я. Я знал достаточно о ранах, чтобы понять, что то, что он предлагает, только сделает ее ранение более опасным. Ей нужна операция. Обезболивание. Стерильная среда. У нас не было ничего из перечисленного, и создать необходимые условия мы не могли. — Извлечение ее вызовет слишком большой урон.

— Нет выбора. Мы должны вытащить серебро из ее организма. Это убивает ее.

— Сколько?

— Счет идет на минуты, а не часы.

Я проглотил свой страх.

— А если она истечет кровью?

— Не истечет. Как только ты ее вытащишь, я положу это на рану, — он поднял маленькую миску. — Это настойка лопуха, эхинацеи, таволги, расторопши и желтого щавеля. Это обратит влияние серебра и замедлит кровотечение. Будь готов оказать на нее давление, и когда она будет готова, мы выведем ее на улицу. Ей нужно будет обратиться, как только она сможет.

— Это разумно? — я чувствовал, как менялось мое собственное тело. Что бы ни было вовлечено в перестройку наших молекул, чтобы сделать обращение возможным, это не может быть хорошо для нее в ее нынешнем состоянии.

Клайв похлопал меня по руке и улыбнулся.

— Тебе есть чему поучиться, мой мальчик. Как только она обратится, рана заживет. К утру она будет как новенькая, — он улыбнулся. — Если это то, что ты предпочитаешь.

Он взглянул мне в глаза.

— Будет лучше, если ты останешься с ней, — продолжил он. — Похоже, ты мог бы потратить немного времени, чтобы исцелиться самому, — он кивнул на открытую рану на моей голове. — Это выглядит ужасно.

— Кажется, я что-то сломал.

— Я видел, но, когда ты снова обратишься, твой рог будет как новый. Теперь же давай вылечим твою наставницу, чтобы она могла показать тебе, из чего вы сделаны.

Клайв протянул мне полотенце, а затем стал туда, где я стоял рядом с Уиллоу.

— Тебе лучше стоять с другой стороны.

Молча, я переполз по ее большой кровати, сознавая, что каждое движение, вероятно, причиняло ей боль. Ее глаза снова закрылись, а дыхание стало неглубоким.

— На счет три, — сказал Клайв.

— Нет, — сказала она. — Без предупреждения.

Ее лицо было таким спокойным и мирным. Сделать что-либо, чтобы потревожить мою любимую, потребует от меня подбадривающих слов. «Не крути стрелу. Это

причинит еще больше вреда. Потяни вверх. Достаточно трудно вытащить ее вот так сразу. Я встретил взгляд Клайва и, соглашаясь, кивнул.

«Один, два, три».

Спина Уиллоу выгнулась на кровати, она ахнула и стала сипать непристойностями, которых я никогда не слышал из ее уст. Я выбросил стрелу и потянулся к ней, чтобы помочь удержать ее неподвижно для Клайва. Она боролась против нас с большей силой, чем я думал, она способна. Но через несколько секунд рана была покрыта мазью. Обеими руками я крепко держал полотенце над ней, и тело Уиллоу постепенно поддавалось исцеляющей мази. Медленно страх и агония исчезали с ее лица, и она опустилась в кровать. Ее дыхание участилось.

Я не смел шевелиться, даже когда серый кот Уиллоу вскочил на кровать и прошелся по ней. Я зарычал на него, когда он свернулся клубком у ее головы. Кот шипел на меня в ответ. Никто из нас не уходил.

— Этот проклятый кот, — сказал Клайв, любовно глядя на животное, — напоминает мне Дженис. Досадно упрямая и яростно защищающая.

— Он делает Уиллоу счастливой, — признал я. — У нее слабость к раздражающим и яростно защищающим существам, — Клайв поставил миску на тумбочку и сделал несколько шагов в сторону выхода. — Я собираюсь исчезнуть ненадолго.

После всего, что я видел и слышал, я не мог не задаться вопросом, имел ли он в виду это буквально.

Он усмехнулся.

— Нет. Я думал дать вам время. Ты можешь уменьшить давление примерно через пять минут и добавить больше мази. Я вернусь.

Гастон и я пристально наблюдали, как Уиллоу погрузилась в глубокий сон.

Я выждал время, которое предлагал Клайв, а затем посмотрел на рану. Она была необработанной и воспаленной, но мазь, казалось, выполняла свою работу, потому что кровотечение почти прекратилось. Я снова нанес лекарство, а затем растянулся рядом с ней, взяв ее руку в свои и бормоча обещания, которые я знал, она не могла слышать.

Глава 17

Куинн

— Я думаю, она готова, — сказал Клайв, вынуждая меня проснуться. — Будь осторожен. Ты вроде как... обвил всю ее собой, — он погрозил мне пальцем, но выражение его лица выражало скорее развлечения, чем неодобрение.

— О, — сказал я, пытаясь освободить Уиллоу, не слишком беспокоя ее. С одной ногой, закинутой ей на бедро, и рукой, обернутой вокруг ее талии, я был хуже, чем кот, который все еще обвивал ее голову. — Мне очень жаль. Думаю, я полностью отключился.

Ее губы превратились в милую улыбку.

— Это ведь хорошо, — это было то, что, казалось, случалось только тогда, когда я спал рядом с ней. Еще один положительный момент.

— Думаешь, ты сможешь встать? — спросил Клайв Уиллоу. — Я позволил вам поспать. Вы оба выглядели так, будто вам это было необходимо. Но думаю, тебе лучше начать действовать уже сейчас, — по часам на тумбочке было ясно, что прошла уже большая часть ночи.

— Да, я тоже так думаю, — голос ее был ровным, дыхание не было затруднительным. За короткий промежуток времени она добилась большого прогресса. Мазь Клайва, очевидно, справилась со своей задачей.

— Я могу понести ее, — сказал я, не потому, что она нуждалась в этом, а потому, что мне этого хотелось. Я спустил ноги на пол и почесал затылок.

— Доставь ее к деревьям, — сказал он с понимающей улыбкой. — А после пусть она сделает все остальное.

Моя рука задела чувствительное место, и я тут же взглянул на Уиллоу, чтобы убедиться, что она тоже это почувствовала.

Она сморщила нос, и оглядела комнату, как будто могла видеть это в воздухе.

— Нет. Все нормально.

Клайв наклонился над Уиллоу и посмотрел на рану.

— К сожалению, в вас двоих нет ничего нормального, но вы оба должны излечиться.

— Большое Вам спасибо, Клайв. Что бы мы делали без Вас?

Клайв склонил голову.

— Было приятно попрактиковаться немного с травами. Давно этого не делал.

— Что еще нам нужно сделать для нее? — спросил я. Мне казалось невозможным, чтобы после всего, через что она прошла, и с все еще не зажившей раной на груди, он дал хорошие прогнозы о ее выздоровлении и отправлял ее в путь. Возможно, таким был их образ жизни.

«*Их образ жизни*».

«*Наш образ жизни*».

— Я бы просто предложил вам посторониться земель Рейборн и, возможно, любых других земель, на которых, по вашему мнению, вас могут подстрелить, — он застегнул свой небольшой черный чемодан. — По крайней мере, до Рождества. Может быть, стоит потратить немного больше времени на изучение Running Deer Park (*прим. олений заповедник*). Черт, он назван в вашу честь.

Уиллоу усмехнулась.

— Я постараюсь, но это меня напрягает.

— Я знаю. И это доказательство того, что бороться с судьбой нехорошо, — он повернулся к двери. — Я буду поблизости, чтобы убедиться, что вы двое успешно обратились, а после уйду через парадную дверь.

— Клайв? — позвала Уиллоу. — Хотели бы Вы забрать все вещи Дженис? В подвале их полно, Вы и сами это видели, и мне нужно найти хороший дом для всех ее вещей.

Клайв на мгновение задумался, а затем кивнул.

— Я возьму все, кроме книг... их ты должна оставить. У меня слишком много плохих воспоминаний, связанных с ними. А я предпочитаю помнить только о хорошем.

— Понимаю. Я сохраню их для Вас на случай, если Вы передумаете. Через несколько дней мы сможем принести вам остальное.

«*Вещи Дженис. Книги, полные плохих воспоминаний*». Я тупо уставился на них, не понимая, о чем они говорили.

Клайв был прав. Мне нужно было многому научиться.

— Готов? — спросила она.

— Я думаю, да.

Улыбка на лице Уиллоу стоила того. Мне не нужно было иметь ее способностей эмпата, чтобы знать, что она действительно была в восторге от перспективы пойти туда со мной. Ее глаза загорелись обещанием многих полуночных пробежек.

— Пошли, — сказала она, пытаясь сесть.

— Притормози, — сказал я, осторожно подхватывая ее на руки, оставляя простыню на ее груди. В конце концов, Клайв тоже смотрел. Если она считает, что мне все равно, что она расхаживает голышом перед мужчинами... даже пожилыми... то ей стоит кое-что выучить.

Клайв фыркнул.

— Ты привыкнешь к этому. Готов поспорить, что половина города видела ее голой.

— Так вот, это неправда, — запротестовала она. — Я очень осторожна. Я — оборотень, а не эксгибиционистка. Но я рада видеть, что все вернулись к своим старым «Я».

Морщинистое старое лицо Клайва расплылось в улыбке.

— Некоторые вещи никогда не меняются, независимо от того, что я видел.

— Отлично. С меня достаточно вас двоих. Мы тратим время впустую.

Я пронес ее через дом и через черный ход. Оставив Клайва позади, мы пересекли газон.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я.

— Я буду в порядке. Более важный вопрос: как *ты* себя чувствуешь?

Я не считаю, что мое эмоциональное здоровье было более важным, чем ее физическое, но Уиллоу всегда больше беспокоилась обо мне, чем о себе самой.

— Разве ты не знаешь?

Она ответила с лукавой усмешкой.

— Может быть, но я предпочла бы услышать об этом от тебя.

Я проглотил свою гордость, и все прошло на удивление хорошо.

— Ну, я нервничаю. Тревожусь. Испуган. Я делаю тебе больно?

Она покачала головой, и ее мягкие каштановые волосы коснулись моего плеча.

— Я почти уверена, что заклятье снято.

— Заклятье? — я остановился у ручья. — Ты готова встать?

— Да, — я осторожно поставил ее на ноги, но не отпустил, пока не убедился, что она может стоять самостоятельно. Простыня соскользнула на землю, и теперь она стояла голая и совершенно не стыдящаяся этого. — Давай сделаем это, — сказала она. — Мои ноги мерзнут.

Я даже не замечал, что и мои тоже, пока она не произнесла это вслух.

— Как насчет моих шорт?

— Они тебе нравятся?

— Ну, да, наверное.

— Тогда сними их, — она поиграла бровями. — Шутки в сторону. Если ты этого не сделаешь, они порвутся в клочья.

Я провел пальцами вдоль пояса, вдруг смутившись.

— Я видела тебя голым, Куинн. В доме и здесь. Поверь мне, тебе нечего стыдиться.

Это ей нечего стыдиться. Ее бледная кожа светилась в бледном лунном свете, который был ярче снега. Небольшие, но совершенные груди указывали на меня в холодном ночном воздухе. Я поедал ее своими глазами. С головы до ног я поклонялся ей, мои глаза задерживались на тех местах, которые я только начал исследовать.

— О, у нас будет много времени для этого, когда мы вернемся. Обратись со мной, и я покажу тебе все.

«Просто пожелай это».

Я не знал, были ли какие-то особые слова, которые я должен был сказать, или было достаточно просто подумать. Я глубоко вздохнул и пошел на это. «Сделай меня оленем снова». Невидимые силы внутри меня смешались и скручивались, но я не сводил глаз с Уиллоу, удивляясь вместо этого тому, как изменялась она. Сквозь дымку мерцающего воздуха вокруг себя я наблюдал, как две ее ноги стали четырьмя. Богатая, песочно-коричневая шерсть сменила ее сливочную кожу, изменяясь до белоснежной к подбрюшью. Ее нос стал большим, черным и круглым, возможно, менее изящным. На ее голове появилась пара торчащих ушей. Но ее глаза...

...они были такими же.

Она моргнула. «Теперь мы можем общаться так».

Я посмотрел вниз и понял, что был настолько очарован ею, что даже не заметил своего собственного дискомфорта, поскольку мое тело превратилось во что-то, что я до сих пор не узнавал. «Итак, мы можем читать мысли друг друга? Как Клайв?»

«Не совсем. Я слышу только то, что ты хочешь, чтобы я услышала, и наоборот. Это тот же диалог, но нам не нужно говорить. Если ты не хочешь, чтобы я что-то знала, я не узнаю, но ты должен быть осторожен. Не у всех есть фильтры».

«Некоторые люди могут слышать все».

«Райан может слышать все подряд». Она почему-то выглядела извиняющейся. Или, может быть, я мог ощущать ее эмоции, как она может мои, когда мы в человеческом обличии. «Я собиралась рассказать тебе это».

Я топнул ногами. Райан тоже читает мысли. «Боже правый, держу пари, я дал ему достаточно материала, чтобы передать тебе».

«Я не играю в подобные игры. Если бы я несправедливо завоевала твое сердце, оно не было бы моим. Я попросила Райана держаться подальше от наших голов». Она сделала несколько шагов, чтобы опробовать свои собственные ноги. «Хотя временами он нарушает мои правила, и иногда приходится мириться с этим. Его сердце обычно находится в нужном месте».

Она сделала еще несколько шагов в мою сторону и уткнулась носом мне в шею. «Я бы не знала, что ты поедешь в земли Тима, если бы он мне не сказал».

«Хотел бы я, чтобы он этого не делал. Тебя бы не подстрелили».

«Тогда это был бы ты, и ты бы не знал, что делать или что стрела была пропитана ядом. Ты, наверное, умер бы, Куинн. В одиночестве. Даже не узнав правды. Все происходит не просто так».

А иногда все случается без причины. Я бы принял стрелу за тебя, даже если бы после этого мое сердце перестало биться.

«Я знаю, что ты поступил бы именно так».

Оххх. Я не думал, что сказал это вслух.

Она снова толкнула меня. «Видишь. Я говорила тебе. Ты должен быть осторожен. Учись фильтровать. Прямо сейчас ты как открытая книга».

«Пробежимся немного». Она сделала несколько шагов, затем повернулась и посмотрела на меня. «Сразу после того, как мы переберемся через ручей». Несколько быстрых шагов и прыжком позже, она все прояснила. Я следовал за ней по пятам, приземляясь на два фута дальше, чем она до того, и погружаясь в снег.

«Очень хорошо. Ты намного больше меня. Я не смогу идти с тобой в ногу, когда ты действительно побежишь».

«Я не спешу». Даже когда я это сказал, у меня подергивались ноги. Я бы не оставил ее позади, но что-то во мне заставляло меня желать мчаться мимо деревьев. Но придется подождать. Ей нужно было излечиться, и мне нужна была информация.

Я позволил ей вести. Что-то мне подсказывало, что так будет не всегда.

«Что ты хочешь узнать в первую очередь?» Я не знал, читает она мои мысли или нет. У меня не было телепатических способностей. «Я даже не знаю с чего начать».

Мы молча прошли несколько шагов, прежде чем она заговорила снова. «Ты когда-нибудь слышал о «Легенде»?»

«Конечно».

«Он умер до того, как родился кто-то из нас, но, предположительно, он был впечатляющим. Каждый охотник в трех округах пытался заполучить его голову».

«Дядя Тима утверждает, что он был тем, кто подстрелил его, хотя он никогда и не мог доказать этого».

«Я слышала, но хочу сказать, что представляю, что все было так, как сейчас. Похоже, все ищут того большого оленя, которого вы называете «Монстром». Ты понимаешь, что первое наблюдение за «Монстром» было примерно через месяц после твоего возвращения в город?»

Я вдруг понял, к чему она клонила. «Ты хочешь сказать, что я и есть «Монстр»?»

«Именно это я и говорю. На самом деле я в этом уверена. Я знаю, что ты не можешь видеть себя таким, каким тебя вижу я. Но ты великолепен. Ты возвышаешься надо мной. Насколько я могу судить, ты обычно выходишь по ночам, а люди только по ночам замечали «Монстра». И, конечно же, стойка. Эта феноменальная стойка». Она

обернулась, чтобы посмотреть на меня, и, если олень может выглядеть скромно, она это сделала.

«Думаю, я должен говорить это тебе, а не наоборот. Так ты говоришь, что я охотился сам на себя?»

«Разве это не иронично? «Монстр» в безопасности, когда ты, обученный снайпер, ищешь его. Но Куинн, был ранний вечер, когда я нашла тебя сегодня. Ты уснул, когда ждал меня?»

«Я думаю, да».

«У меня есть теория. Я знаю, что у тебя много кошмаров и ты ходишь во сне. Я видела, как ты делал это несколько раз. Я ходила за тобой сегодня утром».

«Правда?»

«Да. Ты вышел через черный ход, пошел вниз к ручью, а затем ты изменил форму и побежал. Я была слишком потрясена, чтобы последовать за тобой дальше. Когда я пришла в себя, тебя уже не было видно. Честно говоря, я никогда не догадывалась, что ты был одним из нас. Обычно мы можем ощущать себе подобных. Но ни Райан, ни я не обнаружили в тебе чего-то от оборотня. Поэтому, когда ты обратился передо мной сегодня утром, я была полностью шокирована. В восторге, но шокирована».

От этих откровений никто не был более шокирован, чем я. «Но ты ничего не сказала, когда я пришел этим утром. Мы говорили о кошмарах».

«Честно говоря, я не знала, как тебе рассказать. Ты должен был начать обращаться, когда тебе было шестнадцать, но я могу судить по этому утру, когда ты вернулся домой, и мы говорили о твоих кошмарах, что ты даже не представлял, что это делаешь. Я хотела убедиться, прежде чем поговорю с тобой об этом».

«Итак, я делаю это на протяжении половины своей жизни и даже не знаю об этом?» Это невозможно.

«Нет, я так не думаю. Я думаю, что ты «поздний цветок». Силы в тебе дремали, ожидая определенного толчка. Я думаю, что это либо ПТСР вызывал его, либо силовые нити запустили его, когда ты вернулся в город».

«Силовые нити?»

«Они пересекают и тянутся через государственный олений заповедник, и действуют как магнит, притягивая существ и других магических сущностей, подобных нам».

Силовые нити. Магические сущности. Ничто из этого не казалось реальным. «Так ты думаешь, что они виноваты в... этом».

«Ну, нет, я думаю, они подтолкнули тебя к изменению, но не они виноваты в этом. Это твои родители, и я была уже на пути к твоей матери сегодня вечером, когда увидела твой грузовик у земель Тима и остановилась. Как только я вышла из машины, то почувствовала, что по близости кто-то изменился. По-видимому, я чувствую тебя в этой форме, но не в человеческой».

«Я просто... я не знаю». Я остановился, чтобы попытаться взглянуть на свое отражение в замерзшем ручье, но на нем было слишком много снега. Она фыркнула настоящим оленым фырканьем, а потом я услышал хихиканье в своей голове.

«Ты можешь свободно изменяться, если захочешь, но лучше бы тебе не разрушать мой дом».

Я засмеялся. «Своей великолепной стойкой?»

Она наклонила голову. «В точку. Послушай, твоя мать должна была сказать тебе все это много лет назад. Это твое наследие и история, а она скрыла все от тебя. Я ехала туда, чтобы противостоять ей. Один из нас рассказал бы тебе правду сегодня вечером, и я хотела дать ей возможность сделать все правильно».

«Моя мама тоже одна из вас?»

«Одна из нас, Куинн. Нас. Нет, она не такая».

«Значит, мой отец был?»

«Был». Она надавила своим большим черным носом на мою шею, и я почувствовал, что ей нужно быть ближе ко мне. «Я провела целый день в поисках ответов, и теперь я знаю, кто твой отец. Он не был тем, о ком говорила твоя мама. Его звали Рассел Бакли, и он был уважаемым врачом, который переехал в город за несколько лет до твоего рождения. У людей в городе он был известен как «Легенда»».

В моей груди внезапно стало тяжело. Моя голова опустилась к земле. «Дядя Тима подстрелил моего отца и убил его?» — спросил я.

«Он был поражен серебряной стрелой, такой же, как я сегодня. По-видимому, эти глупые серебряные стрелы — штуки Рейборна».

Я знал, что это правда. Они делали их на заказ, и каждая из них была с гравировкой Рейборн — «Р». Когда-то давно я думал, что это круто. «Знают ли они о нас и хотят нас убить? Это какая-то сумасшедшая вендетта?»

«Мы так не считаем. После того, как твой отец умер, это обсуждалось, но в конечном итоге было решено, что это просто ужасная случайность. Тем не менее, моя семья не была довольна, когда я тайно встречалась с Тимом».

Я еще раз ощетинился и топнул о землю.

«Твой отец бежал, — продолжила она. — Это инстинкт, когда тебя ранят, и он пробежал много миль. Он бежал почти до заповедника, прежде чем яд в его организме заставил его вернуться к своей человеческой форме. Стая разослала поисковую группу на его поиски, но прошло больше суток, прежде чем они его нашли, и было уже слишком поздно».

Она просунула мордочку мне под подбородок и подняла голову. «Можешь ли ты представить себе, каково было твоей маме в то время? Она была молода и безумно влюблена в твоего отца. По-видимому, никто даже не знал, что они встречаются, когда он умер, оставив ее одну и беременную. Думаю, она защитила тебя единственным способом, каким могла».

«Не сообщив мне, кем был мой отец?» Я гневно фыркнул.

«Согласно дневнику Дженис, Дженис была единственным человеком, которому она об этом рассказала. Поскольку твоя мама не является оборотнем, существовал только пятидесятипроцентный шанс, что ты унаследуешь ген и продолжишь родословную. Думаю, она не могла вынести мысли о том, что ты пойдешь по стопам своего отца, поэтому она взяла дело в свои руки. Это было неправильно, но я не виню ее».

«Что ты имеешь в виду?»

«Дженис не была такой как мы, но она хорошо разбиралась в магии».

Я не мог с собой ничего поделать. Фыркнул, а затем практически почувствовал, как Уиллоу закатила глаза.

«Ты видел, что Клайв сделал для меня сегодня. Он сводный брат Дженис. Все «вещи», о которых я говорила ему, это ее магические вещи в подвале. Я хранила их все это время, потому что не знала, что с ними делать. Он спас мне жизнь, и кто знает, может, Дженис спасла твою. Я не знаю, что бы произошло, если бы ты изменился в первый раз, пока был в отъезде. Там не было никого, кто мог бы объяснить, что с тобой происходит».

Уиллоу вернула меня к тому, что я мало что знаю. «Прости. Так что же Дженис сделала для меня?»

«По просьбе твоей мамы она наложила на тебя скрывающее заклинание. Оно спрятало тебя от нас, сделав так, чтобы мы не могли ощутить твою вторую сущность».

«Как ты все это поняла? Как бы сумасшедшее все это ни звучало, я ей поверил».

«Клайв давал мне намеки, но я не брала их во внимание. После того как ты ушел из кафе сегодня утром, я немного поболтала с ним, и он сказал мне о дневниках Дженис. Там все есть. Ты можешь прочитать их сам, если хочешь».

Я потряс головой. «Думаю, я поверю тебе на слово».

«Есть еще кое-что. Несколько недель назад Клайв назвал мою любовь к тебе не настоящей».

Ярость вспыхнула во мне. Он спас ей жизнь, и за это я буду вечно благодарен, но не было ничего не настоящего в том, как мы относимся друг к другу.

«Спокойно». Она снова подтолкнула меня головой, и мой гнев сразу рассеялся.

«Ты знаешь что-нибудь об этом?»

Она снова хихикнула. «Немного. Ты знаешь медведя».

«Кого?»

«Райана».

«Это уместно. Он выглядит немного похожим на медведя».

«Это точно!»

«А Ванесса?»

«Она дятел».

«Ох. Значит, нет проблем с межвидовыми отношениями?»

«В их случае, да, но не в целом. Любовь есть любовь. Так или иначе, их чувства взаимны. Но семьи Ванессы и Райана всегда были друг другу поперек горла. После того, как я разберусь в твоей ситуации, мне нужно продолжить работу над их проблемой. Клайв намекнул, что ответ тоже находится в дневниках, но сейчас ты единственная моя проблема».

«Я бы хотел поцеловать тебя прямо сейчас».

Она хихикнула. «Я тоже хотела бы поцеловать тебя. Обратимся. Я чувствую себя намного лучше».

«Обратится», — приказал я себе.

Она наклонила голову ко мне и тут же сделала то же, что и я.

«Ты прирожденный лидер, Куинн. Не злоупотребляй этим».

У меня не было предположений, о чем она говорила. «Я только хотел увидеть твою рану. Оооох». Невероятно, но она почти полностью излечилась. Кожа была розовой, но затянулась. «Выглядит очень даже хорошо».

«Мы быстро исцеляемся, даже в человеческой форме, но особенно в форме животных. Это должно было стать моей первой подсказкой о том, что ты был одним из нас». Она отодвинулась назад и вскочила на свои маленькие ноги. Я стряхнул снег с ее спины своей мордой. «Лодыжка зажила быстро. Это была первая ночь, когда я увидела, как ты вышел из леса голым. Я должна была понять, что ты был оборотнем, но ты был смущен, когда перебегал по двору, и это не нормальная черта для оборотня, поэтому я откинула эту мысль. Потом ты сказал, что так было всю твою жизнь. Я не подумала о том, что тебе поставили неправильный диагноз, Куинн. Я подумала, что ты просто излечился быстрее, чем среднестатистический человек».

«Моя лодыжка была сломана».

«Думаю, да. Я думаю, что в тот вечер у тебя был кошмар в ПТСР, во время сна, ты сменил форму и исцелился. Я наткнулась на твой гипсовый сапог в лесу. Где ты очнулся?»

Я подумал минуту. «Я не уверен. Где-то рядом со школой».

«Прогулка к дому долгая, когда ты голый».

«Да. Это случается часто».

Мы пошли в сторону дома. «Подожди, — сказал я. — Ты сказала, что есть что-то еще. Что-то связанное с не настоящей любовью». На этот раз мой гнев снова вспыхнул, хотя и в меньшей степени.

«У Клайва и Дженис грязная история. Я расскажу тебе об этом когда-нибудь, но он не всегда соглашался с использованием ею магии, и заклинание маскировки, которое она наложила на тебя, было одним из таких. Он чувствовал, что она пытается изменить судьбу, а это неправильно. Они действуют в соответствии с некоторыми этическими стандартами. Поэтому, чтобы уравновесить заклинание маскировки и сохранить Клайва счастливым, она поставила тебя под защитное заклинание, чтобы

сделать более восприимчивыми ко всем другим видам магии. Именно поэтому ты гораздо громче в голове Райана, чем кто-либо другой в закусочной. И именно поэтому я могу чувствовать твои эмоции намного сильнее, чем чужие. Я называю это «Эффектом Диаборна», потому что никто и никогда не вызывал у меня недомогания, подобного тому, которое я ощущала в твоем присутствии».

Уххх. Я всегда боялся того, что был не очень хорош для нее.

«Ты хороши для меня, Куинн. Но это привлекло тебя ко мне и сделало тебя более восприимчивым к моим способностям эмпатии. В глазах Клайва это сделало наши отношения ложными».

«Как любовное заклинание?»

«Вроде того».

«Но ты сказала, что заклинание снято».

«Да. Перестало действовать, когда ты принял то, кем являешься. Раньше я видела вокруг тебя радугу. Отдельные цвета для каждой эмоции. До нашего с тобой пробуждения. Если честно, я буду скучать по ним. Ты был самым прекрасным хаосом, который я когда-либо видела». Грусть наполняла ее голос.

«Ты действительно беспокоишься о том, что сказал Клайв?»

«Ты не будешь чувствовать ко мне влечения. Не так, как прежде».

«Ничего не изменилось, Уиллу. Когда я проснулся, обивая всю тебя, это было не потому, что какое-то магическое заклинание привлекло меня, это было потому, что я чувствую себя в безопасности, когда я с тобой. Когда ты стояла на снегу во всем своем великолепии, обнаженная, если бы у тебя не было отверстия в груди, которое нуждалось в исцелении, я бы прервал эту миссию и уложил тебя обратно в постель. Даже тогда, когда мы стоим здесь сейчас на большем количестве ног, чем возможно, все, что я хочу сделать, — это прикасаться к тебе, и не потому, что меня тянет к тебе. Это потому, что я люблю тебя».

«Я тоже тебя люблю».

«Ты позвонишь и скажешь, что больна сегодня».

«Разве ты не любитель покомандовать?»

«Ты говорила, что это в моей природе».

«Я правда так говорила?»

«Что мы будем делать в наш больничный?»

«Мы проведем весь день, создавая собственную магию».

«Догоняй», — сказала она и помчала к дому.

Я погнался за ней, все еще довольный тем, что позволил ей вести. Всего за одну ночь моя жизнь стала совершенно другой. Я был оборотнем. Потомком легендарного человека, о котором я не знал до сегодняшнего дня. Чужим в новом мире, которого я все еще не понимал.

Но когда мы бежали к дому, несмотря на всю эту магию, я мог думать только об Уиллу. Мое сердце бешено билось в груди, но не из-за того, что у меня уже подкашивались ноги.

Это все из-за нее. Все, кем я был и кем стал, было благодаря ей.

Эпилог

Уиллоу

Я закрыла дверь за последним гостем, развернулась и прислонилась к ней спиной довольная и счастливая. Мой взгляд прошелся вверх по лестнице. Куинн сделал это. Всего за семь недель он превратил мой ветхий дом в потрясающую историческую достопримечательность. Ну, историческую с некой изюминкой, поскольку различная сумасшедшая тема украшала каждую из четырех спален наверху.

Комната «Арабская ночь» была его любимой. Потрясающая постель в виде волшебного ковра, свисающая с потолка, была восхитительной, но однажды, когда мы опробовали ее, у меня возникла морская болезнь. Вместо этой я предпочитала комнату «Зачарованный лес».

Куинн превратил каждый столб кровати с балдахином в дерево и повесил сверху купол из листьев. Он даже позволил Лэсу разрисовать стены. Это было так невероятно расслабляющее, что я иногда заходила туда, просто чтобы расслабиться, когда людей в кафе или на учебе становилось слишком много для меня. Честно говоря, мне было немного грустно, что придется делиться с гостями, когда мы откроемся после нового года.

— Большое спасибо вам за все, Уиллоу, — сказала Ванесса, входя в прихожую. Тяжелая шерстяная шуба, которую она надела поверх своего свадебного платья, была расстегнута. За последние несколько недель у нее появился небольшой животик. Я была уверена, что она выбрала именно это платье, потому что талия подчеркивала это. Они гордились своим ребенком, и оказалось, что многие другие люди тоже были счастливы, даже если и не знали почему.

— Всегда пожалуйста. Это была очень красивая свадьба.

— Самая красивая рождественская свадьба, — сказала она. — В самом деле. Для меня так много значит, что ты сделала это ради Райана.

Я шагнула вперед и обняла ее.

— Для тебя тоже. Было весело планировать это с вами. Я знаю, что вы с Райаном и маленьkim медвежонком будете очень счастливы.

Она сильнее сжалась меня и прошептала мне на ухо:

— Он может оказаться дятлом, ты ведь знаешь. Разве так не может быть?

— Нет, — сказал Райан, вставая позади Ванессы. — Я уверен, возобладают мои гены, — он обнял нас обоих, зажимая Ванессу между нами. — Смотри, Уиллоу. Мы сделали сэндвич с дятлом.

Ванесса начала извиваться между нами.

— Честное слово. Пожалуй, лучше уж мне родить девочку. Не думаю, что смогу справиться с двумя маленькими мальчиками в доме.

На кухне разбилась тарелка, из-за которой мы разошлись.

— Ты хочешь узнать о том, что там только что произошло? — спросил Райан.

Я посмотрела на него.

— Держись от него подальше, Райан. Я серьезно.

— Если ты настаиваешь, но я думаю, тебе понравится то, что происходит в его голове сегодня вечером. Твой большой плохой солдат трясется как лист на ветру и разбивает посуду.

— Я думаю, что он злее, чем когда-либо. Он, наконец, покончил со всеми секретами, которые мать держала от него в тайне. Однако у нас не было возможности поговорить об этом. Я его сегодня почти не видела. Подозреваю, что Куинн весь день избегал меня, и мне это не нравится.

Я нарушила свое правило и направила взгляд на Райана. Вероятно, он подхватил все тревожные мысли, танцующие у меня в голове. Зная его, он весь день слушал мысли

Куинна и мои. Но если он это и сделал, то ничего не выдал. Выражение его лица осталось stoическим.

— Хм. Это заняло у него достаточно времени. Думаю, что он сделает это прямо сейчас, — сказал он расплывчато.

Я пожала плечами.

— Куинн делает все по своей временной шкале.

— Это он и делает, — сказал Райан, качая головой. — Он, конечно же, делает.

— Он проводил много времени с Джоном и Брайсоном, — сказала я, игнорируя его плохое отношение. — Я думаю, что они были хорошей терапией, — один из них был проповедником, другой — юристом. Я поощряла его проводить с ними как можно больше времени. Хотя Тим и понятия не имел, что он подстрелил меня, Куинн предпочел не видеться с ним.

— Ты — лучшая терапия, — вмешалась Ванесса. — Для всех нас. Посмотри, что ты сделала для наших семей.

— Кстати говоря, нам нужно идти, — сказал Райан, обняв Ванессу за талию и потянув ее к двери. — Ты же знаешь, что вы с Куинном можете сегодня прийти. Дятлы, олени и медведи. Подумать только! Представь, как нам будет весело.

— Нет, — сказала я, смеясь. — Это особое время для ваших семей. Там вам не нужны аутсайдеры.

— Этого не случилось бы, если бы не ты, — сказала Ванесса. — Кто бы мог подумать, что все эти годы борьбы были из-за колдовства? Это как сто пятьдесят лет безумия, а из-за чего? Немного неразделенной любви?

— Если бы твоя прабабушка только отказалась от моего прадеда, тогда всего этого можно было бы избежать. Почему всякий дятел не хотел общаться с таким большим мужественным медведем, как я, поистине одна из величайших тайн Вудлэнд Крик.

— Это действительно так, — сказала Ванесса, закатывая глаза, прежде чем взглянуть на меня. — Я просто рада, что это закончилось, и мы должны благодарить за это тебя.

Я улыбнулась им обоим. То, как они смогли поладить друг с другом, было самой большой тайной Вудлэнд Крик.

— Клянусь, я ничего не делала. Вы сделали это, когда создали этого маленьского медвежонка, — и коснулась ее крошечного круглого животика.

— Если бы я знал, что этот маленький ублюдок (*прим. внебрачный ребенок*) все исправит, я бы обрюхатил ее еще несколько лет назад.

Ванесса оттолкнула его от себя и ткнула пальцем ему в лицо. Она указала на золотое кольцо на своем пальце.

— Райан Бэлер, не смей снова называть моего ребенка ублюдком. Мой маленький медведь-дятел больше не ублюдок.

Посуда, бившаяся на кухне, прервала мой смех. Это звучало, как кастрюля, упавшая на керамический пол, и видения потрескавшихся плиток заплясали у меня в голове.

— Я действительно должна пойти помочь ему. Мне нужны мои посуда и кастрюли. От этого зависит моя дальнейшая жизнь.

— Ты уверена, что все будет в порядке, пока нас не будет на следующей неделе? — спросил Райан, подходя к двери.

— Мы будем в порядке. Куинн — настоящий повар. Я бы умерла от голода, если бы не он. Кроме того, мы оба знаем, что ты все равно скоро меня покинешь.

Он наклонился, выходя на крыльцо.

— Мне действительно нравится тушить пожары. Это приятно, использовать мои особые навыки для большего блага, а не просто подслушивать людей.

Мы с Ванессой кивнули. Это было неоспоримо. Всего неделю назад он помог спасти пожилую женщину от пожара в доме, потому что «услышал» ее крики о помощи, когда никто другой не смог.

— Ты станешь их гордостью. Я всегда знала, что ты не захочешь быть моим шеф-поваром навсегда.

— Займет некоторое время получить диплом, так что до этого я с вами. Кроме того, когда ты откроешь свою гостиницу, тебе понадобится кто-то с большим кулинарным опытом, чем мой.

Я прикрыла рукой рот и прошептала:

— Я подумываю отправить Куинна в кулинарную школу. Ты думаешь, он согласится?

Райан расхохотался.

— Да, хотел бы я быть здесь, когда ты предложишь это.

— Райан, прощайся, — сказала Ванесса, потянув его за руку. — Мы опоздаем на нашу свадьбу.

— Вторую свадьбу. Увидимся через неделю, Уиллоу.

Я стояла у двери и слушала, как они препираются до самой машины.

— Женщина, только потому, что мы уже женаты, не значит, что ты можешь начать командовать мной, — сказал он, прежде чем захлопнул за собой дверь.

Я все еще ухмылялась, когда вошла в кухню. Куинн стоял у раковины с полотенцем, переброшенным через плечо, и мыл грязную посуду. Он взглянул на меня, стоявшую в дверном проеме с горящими глазами и покачал головой.

— Нет, нет, нет. Даже не думай об этом. Я не стану делать это постоянно.

— Но ты так хорошо смотришься на моей кухне в фартуке Дженис. Только скажи, мы сможем сделать это, и я оформлю тебя на полную ставку.

— Нет. Ты знаешь наш договор. Я готовлю. Но кто-то другой должен это мыть. Это одноразовое исключение, потому что это особый случай.

— Правда что ли? — я казалась слишком мечтательной, но я не могла ничего с собой поделать. Я подошла к нему и обняла его за талию. Я положила голову ему на спину и прислушалась к биению его сердца. — Каким странным это ни казалось бы, эти двое, они действительно идеально подходят друг другу.

— Почти как и другая пара, которую я знаю, — сказал он, повернувшись ко мне. Он поднял свои покрытые мыльной пеной руки и нежно поцеловал меня в губы. — Ты выглядишь уставшей.

— Так и есть. Это был очень эмоциональный день. Для всех.

— Я подумал, что ты можешь быть перегруженной. И приготовил тебе чашку чая. Почему бы тебе не сесть за стол и не выпить его, пока я заканчиваю.

— О, нет, — сказала я, качая головой. — Я выпила уже достаточно чая, чтобы продержаться всю жизнь.

Его лицо немного вытянулось.

— Это было настолько плохо? Терпеть меня?

Я провела руками по его груди и обняла за шею.

— Я бы пила его каждый день всю оставшуюся жизнь, если бы пришлось. Ты стоишь того немного неприятного вкуса во рту.

Он снова коснулся губами моих, а затем углубил поцелуй. Знакомое электричество пронзило мое тело, и я прокляла оставшуюся стопку грязной посуды, когда он отстранился.

— Ну, у тебя восхитительный вкус, — его глаза лукавоискрились в флуоресцентном освещении кухни, и я уловила в воздухе вокруг светло-красный оттенок. — Серьезно, ты выглядишь разбитой. Выпей еще одну чашку. Ради старых времен. Я даже подогрел его для тебя. В микроволновой печи.

Я отступила от него, сузила глаза и снова повернулась к посуде в раковине.

— Куинн Диаборн, что ты задумал? Весь день ты ведешь себя странно.

Он усмехнулся.

— Наверное, это мне нужен чай.

— Я тоже так думаю, — я повернулась к микроволновке, так идеально расположенной в месте, в которое она была встроена. — Боже, я серьезно люблю эту штуку, — сказала я, когда открыла дверцу. — Даже если мне приходится стоять на цыпочках, чтобы заглянуть внутрь.

Я потянулась и слепо схватила кружку за ручку.

— Ты точно подогрел ее? Она даже не горячая, — я придвинула кружку ближе и улыбнулась надписи на лицевой стороне, которую никогда раньше не видела. — Ты купил мне кружку «ЕГО» (*прим. «HIS» — принадлежащая мне, его*). Мне нравится, — я потянула кружку ко рту и с удивлением обнаружила, что она пуста, за исключением сложенной записки, которую он спрятал внутри.

Выйдешь за меня?

- Да
- Нет
- Возможно

Мои руки так сильно тряслись, что я почти уронила ее.

— Куинн? — я обернулась и едва не упала.

Он опустился на одно колено, предолгая мне свое сердце и самое красивое кольцо с изумрудом, которое я когда-либо видела. Темным и великолепным. Точного оттенка его глаз. И как бы красиво ни было, это ни шло ни в какое сравнение с ярко-красным цветом, заполняющим комнату.

Цвет любви. Его. Моей. Он был повсюду. Настолько ошеломляющий, словно у него не было иного выбора, кроме как выплыться из нас.

— Уиллоу Райкер, — начал он уверенным тоном, чтобы скрыть дрожь, которую я чувствовала от него. — Ты выйдешь за меня?

Я улыбнулась. Мое сердце колотилось, как будто хотело выпрыгнуть прямо из моей груди и принадлежать ему. Множество бабочек затрепыхалось в моем животе.

— Куинн, — прошептала я. — Мы знаем друг друга всего семь недель.

— Это не имеет значения. Кроме того, я думаю, пятнадцать лет и семь недель — это достаточно большое количество времени, ты так не думаешь? — его глаза умоляли меня сказать «да».

— Да, — сказала я дрожащим голосом.

Это было слишком рано.

Как бы мне не хотелось этого.

Я хотела выйти за него замуж. Больше мне ничего не нужно.

Он взял мою руку и частично надел кольцо на мой палец.

— Если захочешь, каждый день моей жизни до самого ее конца, будет принадлежать тебе. Я знаю, что и как. Я все спланировал.

Я нервно захихикала.

— Держу пари, мой маленький стратег. Будет ли на заднем дворе большая белая палатка?

— Да. И много обогревателей.

Я прищурила глаза.

— Лебеди?

Он поднял голову и ухмыльнулся.

— Мы кого-нибудь из них знаем?

— Возможно. Но я хочу пятнадцать. По одному за каждый год, который я ждала тебя.

— Тогда шестнадцать.

Я вытянула губы.

— Почему шестнадцать?

— Потому что этот будет шестнадцатым, прежде чем снова выпадет первый снег.

— Мы поженимся в первый снег! — завизжала я.

Его лицо озарилось большой счастливой улыбкой.

— Это «да»?

— Да! — он полностью надел кольцо на мой палец, и я прыгнула на него, толкнув его назад на пол. Я придержала кружку и записку у себя на груди, чтобы защитить их, когда мы упали на пол, а затем я осыпала его поцелуями.

Его руки коснулись моей головы, притягивая меня к нему, пока я не подумала, что не смогу оказаться еще ближе. Я прижалась к нему своим телом, желая, чтобы он поглотил меня и сжег в своем пламени. Когда мы, наконец, отстриклились друг от друга, я была настолько запыхавшейся и опьяненной от своей любви, что не могла видеть ясно.

— У меня есть одно условие, — я задыхалась.

Он прищурил глаза.

— Ты уже сказала «да».

— Это скорее маленькая просьба, — его бровь изогнулась, и я провела пальцем по линии его подбородка. — Отрасти бороду снова для меня.

Он так рассмеялся, что я чуть не свалилась с него.

— Серьезно? Я недостаточно пушистый для тебя?

Я не могла объяснить это — не ему — но в бороде было что-то настолько примитивное и мужественное.

— Я хочу почувствовать это на своем лице, — я ухмыльнулась ему. — И, может быть, кое-где еще.

— Ты хоть представляешь, каким сумасшедшим ты делаешь меня, когда так говоришь?

— Могу себе представить, — сказала я, прижимаясь к нему.

— Я тоже, но сначала мне нужно показать тебе кое-что.

— Должны ли мы для этого встать?

— Да, — смеясь, сказал он.

Я сползла с него.

— Ты уверен? Потому что я составила свой собственный план, пока ты был на полу. Один раз он качнул головой.

— Мне нравится ход твоих мыслей.

Прежде чем я смогла встать, он подхватил меня на руки, заставив взорваться от смеха.

— Что ты делаешь? Ты не сможешь перенести меня через порог, пока не отведешь к алтарю.

— Никогда не рано для порогов, — он маневрировал нами через узкую дверь кухни.

— Ладно, могу я просить тебя закрыть глаза и держать их закрытыми, или мне нужно завязать их?

— Хм, ну, я не знаю. Оба варианта кажутся интересными, — я уткнулась носом в его грудь и закрыла глаза рукой, вдохнула аромат Куинна. Разрушение защитного заклинания изменило его запах, сделав его еще более соблазнительным. Всю свою жизнь я думала, что хочу нормального парня с «правильной» стороны города, не тронутого магией Вудленд Крик. Оказалось, всем, в чем я нуждалась, был Куинн. Только его запах воспламенял мои чувства. — Хорошо, они закрыты.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Я услышала, как открылась дверь, а потом меня спустили вниз. Я не была в подвале с тех пор, как мы очистили его от вещей Дженис. Я заставила себя не подглядывать, но сопротивляться было трудно.

Куинн молчал, пока его ноги не спустились в подвал.

— Не подглядывай, — предупредил он. — Или мне придется снять кольцо.

— Ты этого не сделаешь!

— Ну, не знаю. Моеей маме было трудно отказаться от него, — поддразнил он.

— Твоей маме? — трудно было не взглянуть на него после такого комментария, и моя рука соскользнула с моих глаз. Один взгляд на него, и я знала, что его встреча с мамой прошла хорошо. — Расскажи мне все, Куинн. Все.

— Хорошо. Что ж, я просто дразнил тебя, когда сказал, что хочу снять кольцо. Она хочет, чтобы оно было у тебя. Мой папа подарил ей его после того, как она сказала ему, что беременна.

Я ахнула.

— Обручальное кольцо?

— Скорее обещание, — он повернулся, как будто пытался провести нас через еще один дверной проем. — Но разве это не обязательство? И брак, если на то пошло? Обещание, что я никогда не буду смотреть на другую женщину, лишь на тебя. Что я никогда не сбьюсь с пути. Что я сделаю все, что в моих силах, чтобы сделать каждый твой день лучше, чем предыдущий. Что я буду делать это только по той причине, что увижу улыбку на твоем лице.

Я раздвинула пальцы, чтобы взглянуть сквозь них на комнату, которая была ярко освещена.

— Что это? — прошептала я.

— Наша комната. Тебе нравится?

Слезы собирались в уголках моих глаз.

— Это самое удивительное, что я когда-либо видела.

Он поставил меня на ноги, чтобы я могла осмотреться. В центре комнаты стояла только кровать. Она была настолько велика, что должно быть была сделана на заказ. Постельное белье было цвета сотни разных оттенков зеленого, и когда я провела рукой по нему, оно оказалось мягче любой травы. Зажженный камин украшал стену у подножия кровати.

Но самая лучшая часть — деревья, которые Куинн каким-то образом пересадил в подвал. Казалось, они растут прямо из пола, простирающиеся до потолка, где они расширяются, создавая навес более естественный и ошеломляющий, чем даже наверху. По голым ветвям он набросал рождественские огни, что я думала, что это было самым романтичным на земле.

— Это великолепно, — сказала я, кружась по кругу. — Я хочу остаться здесь навсегда.

— И это только для нас. Независимо от того, кто приходит и проходит через наш дом, это пространство является нашим и только нашим. Это то место, куда ты сможешь прийти, чтобы отгородится от всего и всех. Когда всего становится слишком много, когда мир давит на тебя, это твое убежище.

Я села на огромную кровать и сжала простыни пальцами.

— Нет, Куинн. Ты — мое убежище.

Он прошел по комнате с блеском в глазах, который я хорошо знала. Его руки оказались на моем лице в движении, с которым я так же хорошо была знакома.

— Тебе нравится, — сказал он.

Я кивнула головой, привлекая его ближе, пока его губы едва не касались моих.

— Я люблю тебя.

Это были всего три маленьких слова, но они обещали целую волшебную жизнь.

Конец